1963

В. Г. МИРЗОЕВ

ПРИСОЕДИНЕНИЕ И ОСВОЕНИЕ СИБИРИ

В. Г. МИРЗОЕВ

ПРИСОЕДИНЕНИЕ И ОСВОЕНИЕ СИБИРИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVII ВЕКА

Издательство
социально-экономической литературы
Москва 1960

ВВЕДЕНИЕ

Более 350 лет тому назад начался грандиозный процесс освоения Сибири. Неустанным трудом, отвагой и мужеством русских людей «полунощная», «незнаемая страна», населенная «языцеми розными», была пробуждена от первобытного оцепенения к жизни и приобщена к цивилизации. Освоение и изучение Сибири прошло путь от первых троп землепроходцев до трасс реактивных самолетов, пересекающих весь край, от первого сказания «О человецех незнаемых на восточной стране» до современных изысканий Сибирского отделения Академии наук. Понять весь этот длительный сложный путь от незнания к знанию можно только изучая историческое прошлое. Эта книга и посвящена начальному этапу накопления исторических знаний о Сибири.

Сибирская историография[1] представляет собой часть общего научного изучения Сибири, развитие которого было тесно связано с поступательным ходом освоения Сибири. Сибирская историческая литература отразила в себе основные факторы жизни общества того времени, а некоторые общие закономерности исторического процесса присоединения и освоения Сибири получили в ней конкретное выражение. В частности, историография Сибири, отражая в себе классовую борьбу в области идеологии, сквозь толщу различного рода наслоений

---

[1] Здесь и далее речь идет о русской историографии Сибири.

выявляет в конечном итоге роль народных масс как подлинных творцов истории.

История развития сибирской исторической литературы дает возможность вскрыть возникновение и развитие важных культурно-исторических традиций в жизни народов Сибири. Сибирская историография содействует конкретному обоснованию тезиса о прогрессивном характере присоединения Сибири к России. Она выявляет общность судеб русского народа и нерусского населения Сибири, показывает колонизаторскую политику царизма и в то же время постепенное сближение сибирских народов с русским народом, отражая эти процессы в произведениях современников.

Важную роль историография Сибири призвана сыграть в борьбе против измышлений буржуазных историков, рассматривающих историю освоения Сибири как колониальное завоевание и отрицающих общность исторического развития сибирских народов и русского народа.

Попытки решения этих проблем не могут не содействовать выполнению важнейшей задачи исторической науки — учета опыта прошлого для применения к настоящему. В этом смысле изучение истории и историографии Сибири должно внести свой вклад в дело осуществления задач, поставленных советским народом в его грандиозной созидательной деятельности на Востоке нашей страны.

Между тем картина изучения сибирской историографии представляет собой сплошную целину, лишь кое-где тронутую по частным вопросам. Работа А. Н. Пыпина [1], вводная статья В. И. Огородникова [2] при всем их положительном значении носят библиографический характер, а интересный очерк С. В. Бахрушина дает лишь краткий обзор деятельности некоторых представителей историографии Сибири [3]. Такое положение настоятельно

---

[1] См. *А. Н. Пыпин,* История русской этнографии, т. IV, СПб., 1892.

[2] См. *В. И. Огородников,* Очерк истории Сибири до начала XIX столетия, ч. I, Иркутск, 1920.

[3] См. *С. В. Бахрушин,* Главные течения в сибирской историографии с XVIII в., Научные труды, т. III, ч. 1, М., 1955.

требует приступить к созданию опыта исследования сибирской историографии, начиная со времени ее возникновения (XVII в.). Ценное исследование А. И. Андреева «Очерки по источниковедению Сибири. XVII век»[1] не исключает такой работы, так как оно посвящено только проблемам источниковедения и имеет другие цели, методы и характер.

XVII век — большой и сложный по своим историческим свершениям период русской истории: росли экономические и политические силы России, бурно кипела классовая борьба, происходило стремительное освоение восточных пространств — в поисках воли, новых земель и торговых путей. Все эти факторы вызвали стремление к научному изучению новых и переоценке уже известных явлений хозяйственного и общественного строя. Потребности повседневной жизни, необходимость научного осмысления и обобщения накопленного эмпирическим путем материала выдвигали новое (светское) мировоззрение. Однако в своем движении оно наталкивалось на твердь старой церковной (официальной) идеологии, бывшей духовной опорой феодального строя.

Одновременно с этим XVII век — «век народных восстаний» — вызвал к жизни движение народных масс. Оно шло не только в центральной части Русского государства, но и за его пределами, на Востоке. В Сибирь уходила масса людей, толкаемых ненавистью к угнетению, жаждой свободы, любознательностью, стремлением к приобретению материальных благ. Пробуждение самосознания народа имело своим последствием развитие народного направления в русской культуре, наложившего отпечаток на отдельные стороны духовной жизни русского общества XVII в.

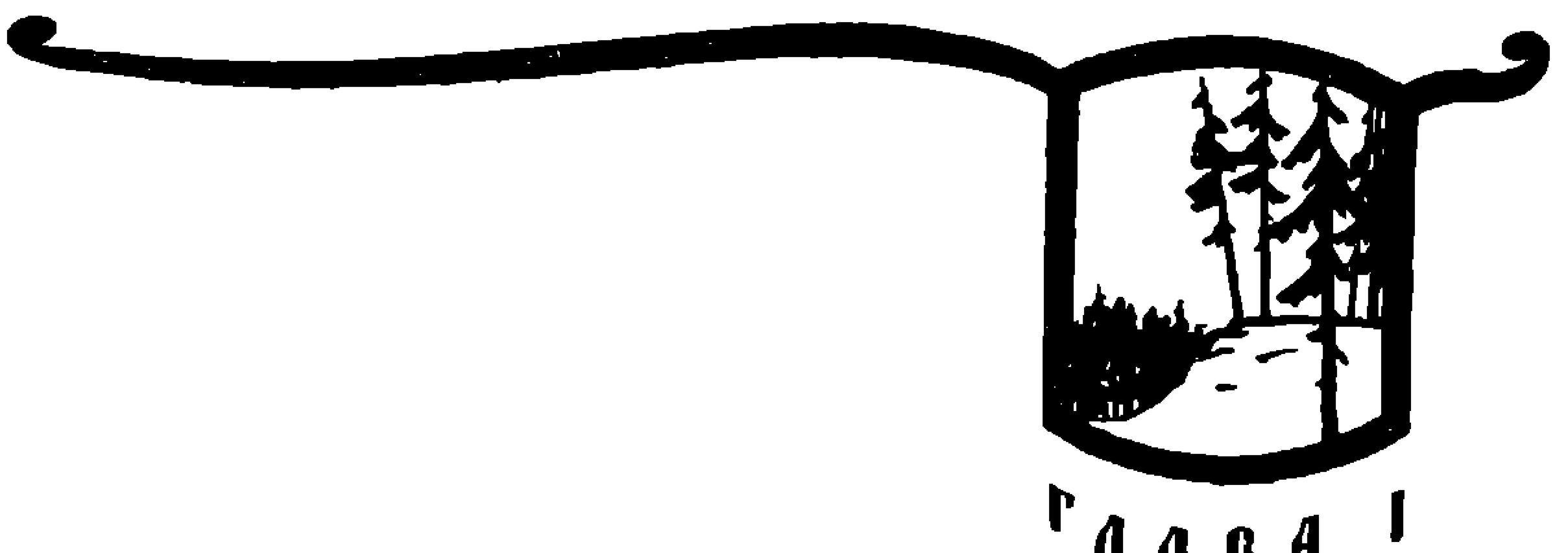
Рост производительных сил, товарно-денежных отношений, усиление экономических связей внутри и вовне страны, процесс первоначального накопления вызвали подъем торгово-промышленного класса, проявившийся в зарождении к концу XVII столетия буржуазной идеологии. Присоединение Сибири, эксплуатация ее

---

[1] См. *А. И. Андреев,* Очерки по источниковедению Сибири. XVII век, Л., 1940.

естественных богатств и населения сыграли не последнюю роль в процессе первоначального накопления русского капитала.

Русская культура Сибири и историческое знание не могли остаться в стороне от старых и новых явлений общерусской культуры. Сибирская историография XVII века выпукло отразила в себе участие каждого класса в освоении Сибири. Это позволяет разделить развитие исторического знания о Сибири в XVII веке на три ветви: народное, официальное и зарождающееся в конце столетия — буржуазное. Каждое из них по-своему понимало и обобщало историю присоединения Сибири, выдвигая проблемы настоящего и будущего великой восточной окраины Русского государства. Можно с полным правом сказать, что XVII век в сибирской историографии выступает не только как период простого количественного накопления сведений, но и как век, положивший начало синтетическому обобщению и первым историческим концепциям.



ГЛАВА I

ПРИСОЕДИНЕНИЕ СИБИРИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РУССКОЙ И СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

(Поход Ермака и Сибирские исторические повести)

Сибирская историография XVII в. в литературе обычно рассматривалась под знаком изучения одного из начальных этапов присоединения Сибири — похода дружины Ермака. События этого похода и составили главное содержание большинства исторических произведений указанного периода. Между тем о походе Ермака мы не располагаем документальными данными. Они или не дошли до нас, или, может быть, вообще не существовали. Зато о первом проникновении в Сибирь подробно рассказывают исторические повести (летописи [1]), составляющие основной вид исторических сочинений XVII в. Трактовка этого похода целиком и полностью связана с тем его освещением, которое дают Сибирские повести, и не отделима от них. Вот почему для понимания и правильной оценки главной проблемы, занимавшей исторических писателей XVII в., необходимо предварительное знакомство со взглядами,

---

[1] Так называемые сибирские летописи представляют собой не погодные записи событий (летописи), а исторические повести, построенные на цельном сюжете. Однако освященное временем название «летописи» настолько закрепилось за ними, что получило в литературе право гражданства.

сложившимися в дореволюционной русской и советской историографии в оценке сибирских повестей.

Сибирские исторические повести обросли большой литературой: вопрос о достоверности сведений, сообщаемых разноречивыми сибирскими повестями, в историографии занял заметное место. В середине XIX в. он стал предметом спора, который достиг своего апогея в конце того же столетия и перешел в XX в., продолжаясь до настоящего времени.

Основным вопросом, вокруг которого развернулась полемика, была та роль, какую сыграли царское правительство, народ и предприниматели в походе Ермака в Сибирь. Собственно, спор завязался из-за роли Ивана Грозного, Ермака и Строгановых в разгроме царства Кучума и в первых мероприятиях в обретенной стране. Полемика эта разрасталась еще и потому, что сами источники, весьма разноречивые, их скудость, почти полное отсутствие документального материала (в частности, царских грамот) давали широкий простор для субъективного толкования вопроса и позволяли борющимся сторонам полностью объявить свои классовые позиции и выразить свои политические страсти. Этот, если так можно выразиться, «сибирский вопрос» зародился еще в середине XVII в.: он положен самими сибирскими повестями и имеет почтенную 300-летнюю давность. Интерес, проявляемый русской исторической наукой к сибирским повестям, был частью общего изучения Сибири и возрастал с каждым новым столетием.

Сущность основных направлений в истолковании событий похода Ермака сибирскими повестями следующая. Повесть, написанная в 1636 г. в Тобольске Саввой Есиповым, инициативу похода Ермака приписывает только казакам и их предводителю, ни слова не упоминая о Строгановых. Таким образом, она считает присоединение Сибири делом народных рук.

Так называемая Строгановская повесть, время и место написания которой, так же как и ее автор, неизвестны, напротив, утверждает в качестве инициаторов и организаторов похода Ермака солепромышленников Семена, Максима и Никиту Строгановых, при-

писывая им честь приобретения Сибири для Русской державы.

Наконец, составленная во второй половине XVII в. Кунгурская повесть признавала участие Строгановых в походе Ермака, но лишь как вынужденное силой казачьей дружины и ограниченное материальной помощью в виде продовольствия, оружия, боеприпасов и т. п. Фрагменты Кунгурской повести были механически вклеены в текст «Истории Сибирской», принадлежащей перу тобольского ученого историка С. У. Ремезова. Несмотря на грубо сделанные вставки листов Кунгурской повести в сочинение С. У. Ремезова, все историки до С. В. Бахрушина приписывали их Ремезову, дивясь тому, как он мог допустить повторения и разноречия в толковании одних и тех же рядом расположенных фактов. Вот почему Ремезов в сибирской дореволюционной историографии ошибочно фигурирует как автор третьей версии сибирского вопроса, хотя в действительности она принадлежит Кунгурской повести. Сам же Ремезов почти обходит этот вопрос стороной, видимо, не придавая ему большого значения.

В соответствии с этим материалом, сложившимся в XVII в., наметился водораздел между историками-исследователями, отразившими в своих трудах те концепции и ту политическую борьбу, которая составляла основу общественной жизни современного им периода. Несмотря на то что споры и противоречия между историками были ограничены пределами одной плоскости, — соотношением различных сил в присоединении Сибири, — вопрос этот в большой степени способствовал критическому изучению источников и целого ряда проблем, связанных с сибирской историей в целом.

В XVIII в. Сибирь подверглась обширному изучению, в результате которого появился огромный естественно-исторический материал, обработанный в целой серии замечательных научных произведений по самым различным отраслям знаний. Крупный шаг был сделан в историографии Сибири появлением изданного в Петербурге капитального труда Г. Ф. Миллера «История Сибири» (1750). Тщательное изучение сибирских архивов и показаний сибирских повестей привело Миллера

к мысли о той основе, на которой развилось сибирское летописание. По его мнению, она была положена первым сибирским архиепископом Киприаном, который в 1622 г. на основании расспросов казаков — соратников Ермака составил синодик, где изложил главные события похода [1].

Из сибирских повестей Миллеру была известна только Есиповская, причем он ошибочно предполагал, что ее автор очевидец событий похода Ермака [2]. Что касается Строгановской повести, то Миллер не знал ее; в противном случае он никак не прошел бы мимо этого важнейшего источника.

Наибольшее значение Миллер придавал историческому труду С. У. Ремезова, который он называет Тобольской или Ремезовской летописью, характеризуя ее в ряду сибирских повестей как особенную [3]. Проявив тонкое источниковедческое чутье и показав, что в текст Ремезова были потом внесены дополнительно листы другой летописи, Миллер тут же обнаружил свойственную ему методологическую слабость: «Тобольская летопись, — писал он в объяснение причин, заставивших его предпочесть Ремезова сибирским повестям, — кроме того, что она настоящий подлинник, имеет еще и сие преимущество, что в ней многие приключения обстоятельнее пред прочими летописями описаны. Сие меня побудило, что я при сочинении сей истории оной наипаче последовал» [4]. Таким образом, правильно оценив качество материала, Миллер не сумел сколько-нибудь удовлетворительно показать преимущества одного источника перед другим; ссылка на «обстоятельность» вряд ли кого-нибудь могла бы убедить даже в XVIII в.

Еще большую слабость Миллер обнаружил в своей схеме сибирской истории. В сущности, как уже было показано С. В. Бахрушиным, он недалеко ушел от своих предшественников — Саввы Есипова и тобольского исто-

---

[1] См. *Г. Ф. Миллер,* История Сибири, т. I, М.—Л., 1937, стр. 160—161.
[2] См. там же, стр. 37, 160.
[3] См. там же, стр. 189.
[4] Там же, стр. 160.

рика Ремезова[1]. Последний привлекал его не только обстоятельностью, но главным образом своей трактовкой присоединения Сибири, которая почти полностью была воспринята Миллером. У Ремезова в наиболее полном виде он нашел те идеи, которые подсказывались ему обстановкой того времени и его положением сочинителя официальной ученой истории Сибири: благость христианского просвещения Сибири, апологетика царизма, оправдание методов эксплуатации «языческих народов» и даже помощь божьего провидения русским (причем в последнем случае он не пропускает ни одного из тех чудес, которыми наполнена «История» Ремезова). Отсюда вытекает и воспроизведение Миллером рассказа Кунгурской повести о взаимоотношениях Строгановых и Ермака с дружиной, хотя Миллер не преминул мимоходом произнести панегирик Строгановым за их заслуги в истории Сибири[2].

Миллера мало интересуют внутренние процессы истории; его изложение ограничивается, подобно «Истории» Ремезова, внешним ходом событий, без «мудрствования лукавого».

Вместе с тем, несмотря на свои недостатки, Миллер — одна из крупнейших фигур в сибирской и общерусской историографии.

XVIII век в историографии Сибири прошел под знаком тех оценок сибирских повестей, которые дал Миллер. За ним последовали историки И. Э. Фишер[3] и М. М. Щербатов[4].

Начало новому демократическому направлению в историографии Сибири XVIII в. положил великий русский революционер-демократ А. Н. Радищев. Его перу принадлежит «Сокращенное повествование о приобретении Сибири», написанное во время сибирской ссылки в 1791—1796 гг.[5] Не вводя нового материала и основываясь на

---

[1] См. *Г. Ф. Миллер,* История Сибири, т. I, стр. 50.

[2] См. там же, стр. 213—214.

[3] См. *И. Э. Фишер,* Сибирская история, СПб., 1774.

[4] См. *М. М. Щербатов,* История Российская, т. V, ч. III, СПб., 1789, стр. 2—8, 41—43, 127—148, 173—182, 190—194; т. VI, ч. I, стр. 39—50, 84—87, 105—107, 187—189.

[5] *А. Н. Радищев,* Полное собрание сочинений, М.—Л., 1941, т. II, стр. 145—163.

изысканиях Г. Ф. Миллера, Радищев набрасывает свою собственную схему. Присоединение Сибири, по мнению А. Н. Радищева, решила вольнонародная колонизация: сначала новгородская «гражданская вольность», а затем — казачья. А. Н. Радищев считал, что присоединение Сибири было плодом «усилия частных людей, корыстолюбием вождаемых. Сие не на одного Ермака с его товарищами относиться долженствует, но на всех участвовавших в произведенных после его завоеваниях Сибири, даже до самыя Америки»[1]. Присоединением Сибири Россия обязана своему народу, характер которого отличается «твердостью в предприятиях» и «неутомимостью в исполнении». После того, как рухнула вольность Новгорода, в числе многих состоятельных людей, бежавших от власти московских князей, были Строгановы. Продолжая по мере сил новгородскую колонизацию, они основали свои городки на Каме. В противовес Миллеру, у А. Н. Радищева Строгановы не выглядят верными слугами царского престола, а скорее всего, теми же «частными людьми», побуждаемыми собственной выгодой. А. Н. Радищев отдает должное «строгановской колонизации», но считает, что Строгановы лишь «приближались мало-помалу своими селениями к Сибири».

Слава первого завоевания принадлежит не Строгановым и даже не «россиянам» вообще, а донским казакам — новой (после Новгородской) волне народной вольницы, — которую А. Н. Радищев считает активным элементом, основным движителем первоначальной истории присоединения Сибири. Великий русский демократ отмечает свободолюбие, смелость казаков и видит даже в их действиях «добродетель». (Весьма интересно предположение о том, что Ермак еще до своего похода на Каму помышлял о Сибири). Завоевание царства Кучума произведено одной дружиной Ермака, победа которой, доставшаяся ценой жизни многих казаков, объясняется целым рядом причин. Среди них А. Н. Радищев называет превосходство огнестрельного оружия казаков и угнетательскую политику хана Кучума, против которого боролись сибирские народы. Но главное, что определило

---

[1] *А. Н. Радищев,* Полное собрание сочинений, т. II, стр. 146.

победу — это великолепные качества русского народа, которыми казаки обладали в полной мере: «неустрашимость, расторопность, твердость в преследовании предпринятого намерения»[1]. А. Н. Радищев рисует образ Ермака — представителя великого народа, воплотившего его черты. Ермак выступает как первооткрыватель Сибири, выдающийся вождь, талантливый полководец и организатор «непорабощенных воинов», проявивший «величие духа» и непоколебимость в решении задач похода. Неугасающий интерес А. Н. Радищева к личности знаменитого казацкого вождя проявился и в незаконченной им поэме «Ангел тьмы», посвященной Ермаку[2].

Описывая экономический и общественный строй сибирских племен, А. Н. Радищев указывает на добровольное их подчинение русским: «Ермак не стеснял их свободы». Казаки имели полную возможность основать независимую от России область; этому помешало лишь, как полагал А. Н. Радищев, слепое суеверие, не позволившее казакам породниться путем браков с местным населением. Между тем необходимость в помощи заставила казаков обратиться к Москве. Теперь отношение царя к ним переменилось совершенно и Ермак, «тот самый, который незадолго пред сим за столь же храбрые дела почитался разбойником, ныне почтен был отлично за то только, что насильственные его поступки были удачны и сходны с пользами общественными. Столь величие и низкость близятся во мнениях человека»[3].

Плодами действий вольницы воспользовалось в дальнейшем царское правительство. После удара Ермака оно переходит к энергичному освоению Сибирского края, убедившись в выгодах его эксплуатации, и теперь уже прилагает большое «старание о безопасности, о внутреннем устроении покоренных в Сибири земель»[4]. «Дорогая мягкая рухлядь.., новое титло и приобретение вели-

---

[1] *А. Н. Радищев,* Полное собрание сочинений, т. II, стр. 151.
[2] См. там же, стр. 166—168.
[3] Там же, стр. 158.
[4] Там же, стр. 163.

кой области малыми средствами были для царя довольные побуждения не забывать Сибири» [1].

Схема сибирского летописания Г. Ф. Миллера, основанная в главных своих чертах на правильных позициях, была, по всей вероятности, воспринята А. Н. Радищевым. Во всяком случае, он нигде не выступает против нее.

В «Сокращенном повествовании о приобретении Сибири» устами А. Н. Радищева демократическая часть русского общества конца XVIII в. выразила свои идеи, свой взгляд на историю присоединения сибирских земель, глубоко отличный от официальной концепции. Основные идеи «Сокращенного повествования» (впервые опубликованного в 1811 г. [2]) были подхвачены и развиты в XIX в. П. И. Небольсиным в его «Покорении Сибири» (1849).

Дальнейший рост и накопление исторических источников падают на первую половину XIX в. В это время были введены в действие такие отрасли исторического знания, как археология, этнография, начался широкий сбор и публикация русских и иностранных источников по истории Сибири. По сбору летописных и документальных известий особенно плодотворной была неутомимая деятельность Г. И. Спасского. Им была разыскана и опубликована так называемая Строгановская повесть (1821), появление в свет которой открыло новую страницу в сибирском летописании. Последняя была взята Н. М. Карамзиным за основу рассказа о присоединении Сибири. В своей «Истории государства Российского» он и назвал эту повесть Строгановской, имея, между прочим, для этого все основания. Подобно Миллеру, Карамзин не привел никаких основательных данных для объяснения того предпочтения перед другими повестями, которое он ей воздал. Он просто охарактеризовал Строгановскую повесть как «достовернейшую всех иных и сочиненную, как вероятно, около 1600 году. Автор имел в руках своих грамоты Иоанновы, данные

---

[1] *А. Н. Радищев,* Полное собрание сочинений, т. II, стр. 160.

[2] «Собрание оставшихся сочинений покойного А. Н. Радищева», 1811, т. VI.

Строгановым, и пишет основательно, просто»[1] и, видимо, не имея никаких других аргументов в пользу своего мнения, этим и ограничился. Так же Карамзин дает оценку и Есиповской повести, считая, что она основана на «Строгановской, с некоторыми отменами и прибавлениями»[2]. Еще более немилостиво Карамзин обошелся с «Историей» Ремезова, определив ее как источник, «состоящий более из худых рисунков, нежели из повествования, которое идет в нем до 1649 года, и весьма баснословно... Сочинитель пользовался, как думаю, народными преданиями, догадывался, вымышлял, а Миллер на его неверных сказаниях (не знав, кажется, Строгановского летописца) основал свою историю Сибири, любопытную местными описаниями и внесенными в нее грамотами»[3].

Таким образом, Карамзин, игнорируя миллеровскую схему, перетасовал сибирские повести, выведя их одну из другой. Здесь нельзя не отметить поверхностного отношения известного российского историографа к сибирской теме. Не считая предмет заслуживающим затраты большого количества времени для тщательного исследования, Карамзин ограничивается тем, что отвечает риторическим вопросом на вопрос: «...вероятно ли, чтобы казаки, обыкшие *летать птицами,* шли от устья Чусовой до Тобола три года, верст по двести в год? вероятно ли, чтобы их гнали течения реки Чусовой и Сылвы, где находились селения Строгановские? вероятно ли, число *пяти* или *семи тысяч* беглых казаков?..»[4] и т. д.

Предпочтение, отданное Карамзиным Строгановской повести, становится понятным при взгляде на его общую концепцию — историческое обоснование самодержавной монархии как основы России. Эта концепция не допускала народной инициативы во взятии Сибири, и поэтому честь этого предприятия была приписана Ка-

---

[1] *Н. М. Карамзин,* История Государства Российского, т. IX, СПб., 1821, стр. 230, прим. 644.

[2] Там же, стр. 232.

[3] Там же.

[4] Там же, стр. 252, прим. 670.

рамзиным не вольным казакам, а верным царским слугам Строгановым. В соответствии с этим Карамзин рассматривает поход Ермака не как начальный этап длительного процесса восточной колонизации русского народа, а как вторжение «горсти людей», отождествляя волжских казаков с «Кортесами и Пизарро», а Сибирь — с Мексикой и Перу [1].

Наконец, не лишне упомянуть, что в связи с характерной для Карамзина морализующей тенденцией из Строгановской повести он щедро черпал нужный ему материал для описания взаимоотношений Строгановых и казаков, а также похода дружины Ермака, подаваемых автором «Истории Государства Российского» в идиллических красках.

Заслугой Карамзина является введение им в широкий научно-исторический оборот крупного источника — Строгановской повести, что, несомненно, имело положительное значение в развитии сибирской историографии. Однако игнорированием миллеровской схемы и своими неосновательными домыслами о происхождении сибирских повестей он повел за собой многих историков, занимавшихся общерусской историей.

Иначе обстояло дело с исследователями, специально занимавшимися историей Сибири. Последние продолжали линию Миллера. После него самое крупное имя в сибирской историографии — П. А. Словцов (1767—1843). В отличие от Миллера его интересуют внутренние процессы освоения Сибири, ибо внешние события, по его мнению, блестяще описаны Миллером, «бессмертному духу» которого он посвящает восторженные строки [2]. В своем главном труде «Историческое обозрение Сибири (1836) Словцов не касается похода Ермака и, таким образом, не вдается в рассмотрение сибирских повестей, всецело соглашаясь с концепцией Миллера. Словцов выступает с оценкой Строгановской повести в «Письмах из Сибири», вышедших в свет восемью годами

---

[1] См. *Н. М. Карамзин,* История государства Российского, т. IX, стр. 383, 384, 386.

[2] См. *П. А. Словцов,* Историческое обозрение Сибири, СПб., 1886, стр. VII—VIII.

раньше «Исторического обозрения» [1]. Верный своему витиеватому стилю изложения, он характеризует Строгановскую повесть как тенденциозную. Безымянный автор ее не знает географии и исторических событий Зауралья и, «зная некоторые подробности на Западной стороне Урала, около Усолья и Чусовских Городков, и ревнуя чести одной помещичьей фамилии, обнаруживает место своего составления» [2]. Другими словами, Строгановская повесть, по мнению Словцова, составлена в вотчинах Строгановых их человеком, который постарался возвысить эту фамилию. Помимо этого, Словцов находил, что в той же повести описаны «невозможные движения, которых ни опыт, ни рассудок не могут допустить, летопись, заключая в краткий промежуток времени, никак не может показывать погрешностей хронологии, если бы погрешности и были доказаны в истории Миллера и Фишера верною методою» [3]. Хронологические несообразности Строгановской повести, которая повествует о переходе Ермака от Строгановских городков до устья Тавды за 9 дней, заставляют Словцова воскликнуть в пользу Ремезовского труда, которым руководствовались Миллер и Фишер, следующее:

«Нет, милостивые государи, летописи, с которыми соображались наши старые академики, эти летописи, рассказывая о Ермаковых городищах... не на обум дозволяют завоевателю Сибири зимовать при Урале и в Тюмени, не доходя до Тавды. Того требовали непреодолимые препятствия чрезвычайного пути» [4].

Подвергши разбору Строгановскую повесть, Словцов в противовес Карамзину отнесся к ней критически и тем самым положил начало научному ее изучению. Однако он не дал никакого обоснования своему отношению к другим сибирским повестям, им признаваемым за надежный исторический источник, и в данном случае не продвинул вопрос вперед по сравнению с Карамзиным. Вместе с тем его критика Строгановской повести

---

[1] См. *П. А. Словцов,* Письма из Сибири 1826 года, М., 1828.
[2] Там же, стр. 50.
[3] Там же, стр. 49—50.
[4] Там же, стр. 52.

осталась мало кому известной и не имела видимого влияния на историческую литературу, целиком остававшуюся в плену положений Карамзина.

В этом отношении характерной была книга профессора Н. Устрялова «Именитые люди Строгановы», вышедшая в Петербурге в 1842 г.[1] Проникнутая верноподданническими чувствами, она подает историю строгановского рода в духе наивно-сентиментальной идеализации, целиком заимствуя свои положения, касающиеся похода Ермака, из Строгановской повести. Автор не анализирует, а без колебаний объявляет ее «достоверной летописью», «замечательной простотою рассказа и точностью в описании тех фактов, которые мы имеем возможность поверить документами»[2]. Сама трактовка Строгановской повести и ее идеализация у Устрялова была шагом назад по сравнению с Карамзиным. Книга Устрялова подверглась критике и слева и справа. Наиболее любопытным представляется отзыв известного историка, представителя «официальной народности» М. И. Погодина в его журнале «Москвитянин»[3].

Отрицая призвание дружины Ермака Строгановыми (т. е. достоверность Строгановской повести) и признавая лишь их помощь казакам (т. е. следуя за данными Кунгурской повести), Погодин признает два фактора в присоединении: Ермака (т. е. его дружину) и царское правительство. Таким образом, он и здесь остается верен своей общей исторической концепции: народ начинает, государство завершает: «...неужели,— писал М. И. Погодин,— г. Устрялов не знает, что первое Ермаково завоевание немедленно было потеряно... Завоевание утверждено московскими силами, при Федоре и Годунове, который послал войско и при этом случае нет ни слова о строгановской помощи и участии»[4].

Важнейшим рубежом в изучении истории Сибири

---

[1] См. *Н. Устрялов*, Именитые люди Строгановы, СПб., 1842.
[2] Там же, стр. 7.
[3] См. «Москвитянин», 1843, № 3—4, ч. II, стр. 499.
[4] «Москвитянин», 1843, № 3—4, ч. II, стр. 485.

была середина XIX в. Этот перелом был связан с быстрым проникновением в Сибирь русского и иностранного капитала, золотой лихорадкой, охватившей ее, а несколько позже — с массовым переселением из Европейской России за Урал.

Экономическое освоение Сибири, поиски новых географических путей, развитие капиталистических отношений повлекли за собой расширение научных знаний. В Сибири открываются научные общества и музеи, организуются экспедиции, развиваются археология и этнография; сказывается и культурное значение политической ссылки.

Пятидесятые годы XIX в. ознаменовались появлением критического направления в историографии Сибири. Ее отцом по праву может считаться П. И. Небольсин (1817—1893). Не будучи специалистом-историком, Небольсин пришел к изучению истории Сибири, заинтересовавшись ходом золотоискательства, эпидемия которого захватила тогда многих людей. Это привело его к историческим изысканиям, а они в свою очередь — к изучению сибирских повестей. Его первым сибирским дебютом в журнале «Отечественные записки» была статья о сибирских золотых приисках (1847), а два года спустя появился его основной труд «Покорение Сибири» (1849). Небольсин, собрав вместе известные в его время сибирские повести, сличил их между собой и сделал попытку проверить их данные с показаниями официальных документов — царских грамот. Он не последовал за Миллером, считая, что хотя последний «вполне обладал критическим талантом и готов был распутать гордиев узел в сибирской истории, но, к несчастью, боярский сын Ремезов, хорезмский или хивинский хан Абульгази и амстердамский бургомистр Николай Витзен еще более сбили его с толку, и Миллер даже не рассек своего узла, указав, однакоже, другим, позднейшим писателям на концы, которые прежде всего надобно из этого узла вытянуть» [1].

Небольсин отвергал ценность труда Ремезова, правда, оговариваясь, что «однако ж не всякое же его поло-

---

[1] *П. И. Небольсин,* Покорение Сибири, СПб., 1849, стр. 9—10.

жение должно быть признано ложным: у него есть места, где он ставит зрителя в необходимость смотреть на предмет с иной точки»[1]. Поэтому Небольсин остановился на исследовании двух источников: Есиповской и Строгановской повестей. В отличие от своих предшественников Небольсин довольно подробно разбирает их, стараясь внести ясность в запутанный вопрос. «Обе эти летописи, — писал он, — во многом, особенно во второстепенных происшествиях, между собою согласны, но во всем, что касается до существенных вопросов, они решительно противоречат друг другу. Мы старались разобрать эти противоречия, сравнивая их между собою, сличали их с подлинными словами царских грамот, применяли их к местным обстоятельствам, и нашли, что причиной этих противоречий была неодинаковость начал или духа, которыми составители летописей были проникнуты»[2]. Таким образом, Небольсин впервые указал на тенденциозность сибирских повестей, авторы которых руководствовались политическими расчетами. Он близко подошел к мысли о существовании какого-то единого протографа. Взвешивая данные обеих повестей, Небольсин решительно склоняется на сторону Есиповской. Однако защита ее положений все еще мало подкрепляется им обоснованными аргументами. Его доводы сводятся к тому, что повесть Есипова излагает события просто и объективно, а, распространяя свой подлинник, «автор действовал не без критики и описываемые им происшествия соображал с хронологическим их порядком и с местными обстоятельствами»[3]. Сильнее у Небольсина звучит критика Строгановской повести, начатая еще П. А. Словцовым. Упрекая ее в злоупотреблении «цветами красноречия», которые обличают составление повести в позднейшее время, Небольсин выражает ей недоверие из-за ее пристрастия к Строгановым. Строгановская повесть, как показал Небольсин, выпускает из царских грамот те места, какие ей не выгодны, а казаков старается выставить «сладенькими витязями,

---

[1] *П. И. Небольсин,* Покорение Сибири, стр. 7.
[2] Там же.
[3] Там же.

всегда готовыми плакать от умиления», и выводит события, не подтверждаемые официальными актами. На основании того, что Строгановская повесть в самом начале говорит о сибирской архиепископии, учрежденной в 1621 г., а в конце — о распространении христианства в Сибири, Небольсин отнес составление ее ко второй половине XVII столетия, если не позже: «Мысль приплести имя Строгановых к имени Сибири и приписать им ее покорение могла блеснуть в уме которого-нибудь из недогадливых летописцев гораздо позже покорения Сибири, особенно, когда они серьезно увидели, что призвание Ермака и в царских грамотах XVII столетия приписывается Строгановым. Услужливый летописец восхитился этой мыслью и основал на ней все свое творение. Он заблагорассудил скрыть те обстоятельства, которые могли бы обнаружить истину, дал другое направление словам и делу...»[1]

Призвание Ермака Строгановыми Небольсин считал нелепой выдумкой, недопустимой для чести верных царских слуг Строгановых, невозможной по чисто техническим и организационным причинам (переход от Волги до Чусовой в 75 дней, продовольствие казачьей дружины в течение 2-летнего пребывания у Строгановых, сохранение ее в тайне от правительства и т. п.), а также и по буйному характеру казачьей вольницы. В основу своего труда Небольсин положил Есиповскую повесть, сличая ее данные с царскими грамотами и другими официальными источниками. Подобно А. Н. Радищеву, поход Ермака представлялся Небольсину как вторжение казачьей вольницы, вначале побуждаемой не высокими помыслами, а жаждой наживы. Только в ходе событий казаки пришли к мысли «создать целую поэму завоевания Сибири»[2]. Автор «Покорения Сибири» отдает это событие исключительно в руки народной инициативы. Действия правительства Грозного в отношении Сибири рассматривались Небольсиным как умно рассчитанные на ее постепенное присоединение без больших жертв,

---

[1] *П. И. Небольсин,* Покорение Сибири, стр. 64.
[2] Там же, стр. 135.

с течением времени. Огромную роль он придавал Ермаку, его личности предводителя похода. Он называет его «великим человеком», «великим воином, администратором и политиком» [1], протестуя против карамзинского сравнения его с Писарро и Кортесом.

Исторические взгляды Небольсина были выражением его идей о проведении широких преобразований в пользу народа [2]. В событиях сибирской истории, изложенных в повести Есипова, он видел яркое проявление народной инициативы, а в личности Ермака — выражение простого, но великого народного духа.

Поставив изучение сибирских повестей на научную почву, Небольсин указал путь дальнейшего их сравнительно-критического исследования: поиски протографа, т. е. древнейших записей, положенных в основу сибирских повестей.

Боевой полемический тон Небольсина, в котором видны традиции «Отечественных записок» времен Белинского, вызвал резкую отповедь реакционной журналистики. Угодливая «Библиотека для чтения», издаваемая Сенковским, назвала Небольсина квази-ученым и, негодуя на его возвеличивание роли Ермака, спрашивала: «...можно ли посвящать 130 страниц покорению Сибири Ермаком и не сказать о политике патриарха Филарета?» [3]

Однако наиболее сильные критические удары последовали со стороны С. М. Соловьева — самого крупного представителя русской буржуазной исторической науки. Он обрушился на Небольсина мощью своего таланта и эрудиции. Выступив в этом вопросе в качестве сторонника Карамзина, Соловьев умело нащупал слабые места в схеме Небольсина и не преминул больно ударить по ним. Прежде всего он правильно указал на ошибочное утверждение Небольсина о «простоте» стиля Есиповской повести, а также насчет времени составления Строгановской повести. Последний вопрос Соловьев

---

[1] *П. И. Небольсин,* Покорение Сибири, стр. 144.

[2] См. «Письма П. И. Небольсина», Рукописный отдел Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, ф. 322, письмо 42.

[3] «Библиотека для чтения», 1849, т. 95, июнь, стр. 36.

решает убедительно и просто — упоминание в заглавии даты основания сибирской архиепископии — 1621 г. — есть позднейшая вставка переписчика, ибо в дальнейшем она нигде не упоминается. Утверждение П. И. Небольсина, что свидетельства Строгановской повести о распространении христианства в Сибири обнаруживают ее позднее составление (во второй половине XVII в.), по мнению С. М. Соловьева, ничего не доказывают. То же самое можно было сказать и в начале XVII в.: «Под Сибирской землей разумелось не то, что мы теперь называем Сибирью, пространство от Уральских гор до Восточного океана, но Сибирь в тесном смысле, царство Кучумово»[1]. Соловьев разбивает, как недоказанное, утверждение Небольсина о том, что земли, пожалованные Иваном Грозным Строгановым, сданы в аренду, а не в вотчину. Наконец, он справедливо упрекает Небольсина в модернизации при описании отдельных сторон похода Ермака и его взаимоотношений со Строгановыми (описание волжского пути, средневековой администрации, потенциальных возможностей строгановских вотчин в содержании казачьей дружины и т. п.).

Вместе с тем ряд положений и критических замечаний С. М. Соловьева был малодоказательным. Главным его основанием для утверждения факта призвания Ермака была опальная царская грамота от 16 ноября 1582 г. Строгановым, где царь гневно выговаривает им за посылку Ермака в Сибирь и упоминает о призвании казаков «именитыми людьми»[2]. Однако Соловьев не обратил внимания на то, что упомянутая грамота, присланная вследствие донесения чердынского воеводы Пелепелицына, повторяет текст этого донесения и целиком в оценке событий основывается на нем. В то же время донесение Пелепелицына могло содержать ложную информацию: чердынский воевода, желая отвести от себя царский гнев за плохое состояние обороны

---

[1] *С. М. Соловьев,* История России, кн. II, т. 6, СПб., 1875, стр. 339.

[2] См. *Г. Ф. Миллер,* История Сибири, т. I, стр. 342—343.

Пермских земель, свалил обвинение на Строгановых, якобы пославших Ермака войной в Сибирь и тем самым нарушивших мирные взаимоотношения с местными племенами. Критика Небольсиным тенденциозной манеры цитирования царских грамот Строгановской повестью также была несправедливо отвергнута Соловьевым, как и вообще тенденциозность всей Строгановской повести.

Неубедительно звучит общий довод Соловьева в пользу Строгановской повести: «Но если бы, — писал он, — даже мы и не знали значения источников Строгановской летописи, то и тогда мы должны были бы предпочесть ее Есиповской, ибо Строгановская объясняет нам явление вполне удовлетворительным образом, указывая на постепенный ход, связь событий... Что может быть для историка удовлетворительнее этого повествования?»[1] Такими же малодоказанными оказываются рассуждения и о хронологии похода Ермака. Вообще сама критика Соловьевым Небольсина носит односторонний характер защиты положений Строгановской повести, а не критического разбора сибирских повестей (Есиповской повести мимоходом дается отрицательная оценка, а труд Ремезова не упоминается вовсе). Сибирский вопрос для Соловьева, так же как и для Карамзина, был «обочиной» русской истории, поэтому ни тот, ни другой не останавливались на подробном его исследовании. Рассматривая историю присоединения Сибири сквозь призму своей теории колонизации Востока, Соловьев важнейшее значение придавал «представителям организующего начала» — Строгановым. Они одни, по его мнению, обладали для этого необходимыми данными: обширными средствами и энергией, в отличие от толп «людей искавших приволья в степи, составлявших передовые дружины колонизации, по имени зависевших от государства, на деле мало обращавших внимание на его интересы...»[2] Отсюда, надо полагать, и идет его отношение к сибирским повестям, из которых он предпочел Строгановскую. Оценка последней и разбор во-

---

[1] *С. М. Соловьев*, История России, кн. II, т. 6, стр. 337—338.
[2] Там же, стр. 313.

проса о присоединении Сибири, поднятого Соловьевым в полемике с Небольсиным, в значительной мере способствовали выявлению сильных и слабых мест спорящих сторон и подвели итоги критического изучения сибирских повестей, а главное — содействовали повышению научного уровня старого спора. Но в то же время полемика между Небольсиным и Соловьевым имела и отрицательное значение: своим авторитетом Соловьев захлопнул двери для дальнейшего исследования вопроса более чем на четверть столетия.

Застойное положение, создавшееся в области критического изучения сибирских повестей, отнюдь не характеризовало общее историческое изучение Сибири. Напротив, вторая половина XIX в. отмечена большим ростом сибирской исторической литературы. Общими побудительными причинами этого были: отмена крепостного права, развитие собственно сибирской буржуазии и переселенческое движение с Запада. В Сибири в это время умножаются и усиливают свою деятельность научные учреждения и ученые экспедиции, а в связи с ними растет накопление письменных, археологических, этнографических и других источников. Таким образом, интерес к Сибири и ее прошлому не только не ослабевал, а, напротив, усиливался, идя по пути накопления исторических источников и обобщения теоретических вопросов. В сибирской историографии появляются имена А. П. Щапова, В. И. Семевского, зарождается областническое направление, выражающее интересы сибирской буржуазии (Н. М. Ядринцев, В. И. Вагин, С. С. Шашков, П. М. Головачев и др.), широко развивается краеведение. Вопрос о сибирских повестях казался решенным по крайней мере надолго и не поднимался в исторической литературе.

Некоторую новизну в трактовку личности Ермака пытался внести Н. И. Костомаров в своей «Русской истории в жизнеописаниях ее главнейших деятелей» [1]. Однако этот крупный историк, известный своим субъек-

---

[1] См. *Н. И. Костомаров,* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей, т. I. Пгр., 1915, стр. 461—473.

тивистским, вольным обращением с источниками, скорее запутал вопрос, чем внес какую-либо ясность, сбивая с толку читателей несуществующими обстоятельствами биографии Ермака[1]. Впрочем, Костомаров не ставил под сомнение призвание казаков Строгановыми и стихийно, таким образом, последовал за уже установившейся после Соловьева точкой зрения.

В 80-х годах XIX в. все усиливающийся исторический интерес к Сибири, рост местных научных сил, главным образом из среды областников, выразились в появлении новых исследований, посвященных сибирским повестям. Они характеризуются постепенным освобождением их авторов от влияния Карамзина и Соловьева и появлением самостоятельных гипотез, продиктованных исследованием как уже известных, так и вновь открытых материалов. На страницах столичных и сибирских журналов завязывается новая дискуссия по старому сибирскому вопросу. Она проходит уже на более высоком научном уровне: сказывается материал и идеи, накопленные в предыдущий период.

Непосредственным поводом оживления интереса к историческому прошлому Сибири стал вопрос о дате празднования трехсотлетия присоединения Сибири к России. В связи с этим была уточнена путем анализа и сопоставления сибирских повестей хронология похода Ермака. Существенный вклад в эту проблему был внесен академиком Л. Н. Майковым, занявшимся историей Сибири в связи с поручением, данным ему Археологической комиссией по изданию сибирских повестей[2].

В небольшой по объему работе «Хронологические справки по поводу трехсотлетней годовщины присоединения Сибири к Русской державе»[3] Майков наибольшее значение придает действиям правительства Ивана Грозного в присоединении Сибири, хотя и признает поход

---

[1] См. *Н. И. Костомаров,* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей, т. I, стр. 468.

[2] *А. И. Андреев,* Очерки по источниковедению Сибири. XVII век, стр. 124—126.

[3] См. «Журнал Министерства Народного Просвещения» (далее ЖМНП), 1881, ч. CCXVII, сентябрь.

Ермака за великое событие. В историографическую оценку сибирских повестей Л. Н. Майков не внес ничего нового, безоговорочно следуя за Карамзиным и Соловьевым. Однако он сделал важное замечание относительно «Истории Сибирской» Ремезова, обратив внимание на хронологию по числам и месяцам у последнего. Это навело Л. Н. Майкова на мысль о существовании каких-то не дошедших до нас источников, которыми пользовались автор Строгановской повести и Ремезов, ибо отдельные даты у них совпадают. Несмотря на свое недоверие к ремезовскому труду, Л. Н. Майков путем сопоставления его со Строгановской повестью и царскими грамотами составил хронологию важнейших событий похода Ермака. Следуя в основном все-таки хронологии Строгановской летописи, он выступил в защиту 26 октября 1581 г. — как даты занятия казаками столицы Кучумова царства.

В связи с интересом, проявляемым общественностью к трехсотлетию присоединения Сибири, вопрос о сибирских повестях проник в широкую прессу и стал достоянием сравнительно широких читательских кругов, особенно в Сибири. Местная сибирская интеллигенция начинает подавать свой голос и в этом вопросе. Сибирский историк А. В. Оксенов в своем первом критическом обозрении сибирских повестей [1] еще робко следовал за установившейся традицией, ссылаясь на мнение большинства. Однако уже здесь он придавал большее значение, чем его предшественники, известиям Ремезова. В отличие от Карамзина и Соловьева Оксенов высказал осторожное предположение о том, что в основание Строгановской повести легло какое-то не дошедшее до нас сказание; в связи с этим он обратил внимание на диаметральное противоречие сибирских повестей в исходном пункте (о роли дружины Ермака и Строгановых в присоединении Сибири) и сходстве их в изложении главных событий.

Углубившись в исторические источники, через два года Оксенов выступил с интересной работой, дополняющей трактовку сибирских повестей новым материа-

---

[1] См. «Восточное обозрение», № 38, 22 сентября 1883 г.

лом — историческими песнями о Ермаке[1]. Исходя из того что «народ во всей своей совокупности не может ошибаться в отношении общего понимания значения лица или события»[2], Оксенов ставит под сомнение правильность мнения большинства русских историков о решающей роли Строгановых, ибо исторические песни сходятся в своих воззрениях с Есиповской повестью и данными Ремезова. Мало того, изучение народных песен позволило Оксенову прокорректировать даже отдельные черты биографии Ермака и истории похода его дружины вплоть до таких неожиданных деталей, как цифровая численность, состав отряда, маршрут и т. п. Следуя народным преданиям, Оксенов подтверждает данные повести о том, что до сибирского похода Ермак жил и действовал на Волге, Дону и Каспийском море, побивая бояр и воевод; боясь гнева Грозного, Ермак с товарищами скрылся в Сибирь. Сравнивая маршрут похода Ермака по историческим песням с «Историей» Ремезова, Оксенов приходит к поразительному выводу о том, что они полностью совпадают, за исключением незначительных разногласий в указаниях мест зимовок. Вместе с тем народные песни не согласны с повестями в определении численности дружины Ермака и его последнего часа. Народная песня утверждает, что гибель Ермака последовала не в результате бегства атамана к спасительным лодкам, а его стремления помочь своим товарищам в битве[3].

В защиту тех же основных позиций, которые обосновывал Оксенов с помощью народных песен, выступили

---

[1] См. *А. В. Оксенов,* Ермак Тимофеевич в исторических песнях русского народа, «Сибирский сборник». Приложение к «Восточному обозрению», кн. I, СПб., 1886.

[2] Там же, стр. 75.

[3] «...и бился-дрался с татарами время немалое. И для помощи своих товарыщев он, Ермак, похотел перескочити на другую свою коломенку и ступил на переходню обманчивую, правою ногою поскользнулся он, — и та переходня с конца верхнева подымалася и на ево опущалася, росшибла ему буйную голову и бросила ево в тое Енисею-быстру реку. Тут Ермаку такова смерть случилась». («Сборник Кирши Данилова», М.—Л., 1958, стр. 90). Енисей назван в песне ошибочно. В действительности Ермак погиб в волнах Вагая, притоке Иртыша.

Ермак.
Со скульптуры М. М. Антокольского.
Государственный Русский музей.

Д. И. Иловайский и сибирский историк П. М. Головачев. Их точка зрения воскресила в сибирской историографии линию, которая шла от Миллера и Словцова и восходила к «Истории» Ремезова.

В своей «Истории России»[1] Иловайский не вдается во внутренние причины, приведшие к походу Ермака. Возвращаясь к Карамзину, он в связи с Ермаком опять упоминает Кортеса и Писарро; казачья дружина для Иловайского — буйная толпа, которую возбуждают преувеличенные слухи о раздолье и богатствах неизвестной восточной страны[2]. Иловайский, однако, не пошел за Карамзиным в объяснении взаимоотношений Строгановых и Ермака: «С вероятностью можно предположить, — писал он, — что почин был обоюдный, но со стороны казаков более добровольный, со стороны же Строгановых более вынужденный обстоятельствами. Казацкая дружина, прибывшая в Чусовские городки, была не такого характера, не таких привычек, чтобы долгое время могла спокойно нести скучную сторожевую службу, покорно подчиняться местным купцам-землевладельцам и довольствоваться скудною добычей в соседних инородческих краях»[3].

Вслед за Миллером и Словцовым Иловайский повторил мысль о невозможности версии Строгановской повести относительно перехода ермаковой дружины от реки Чусовой до Искера за полтора месяца. Полемизируя с Майковым, Иловайский отодвигает дату взятия Кучумовой столицы на 1582 г.

После Д. И. Иловайского выступил сибирский историк, деятель областничества П. М. Головачев. Основываясь на том же труде Ремезова, он исследовал в своей статье глубинные процессы движения русского народа на Восток[4]. По его мнению, Строгановы и дружина Ермака представляли собой две силы (материальные средства у первых и люди — у вторых), которые только в сочетании друг с другом могли прийти к цели; взятые же

---

[1] См. *Д. И. Иловайский,* История России, т. III, М., 1890.
[2] См. там же, стр. 389.
[3] Там же.
[4] См. *П. М. Головачев,* Покорение Сибирского царства и личность Ермака, «Сибирский сборник», вып. I, М., 1891.

в отдельности, они не смогли бы успешно действовать. Поэтому Головачев отдает должное Строгановской повести, но считает ее односторонней, официальной семейной летописью. Односторонностью, по его мнению, страдает и Есиповская повесть, но с другой стороны — она ни словом не упоминает о Строгановых; он соглашается с Карамзиным, что Есиповская повесть представляет собой тенденциозную переделку Строгановской, а ее риторические обороты внушают мысль о ее недостоверности. П. М. Головачев высоко ставит «Историю» Ремезова, считая, что в нее вошли первоначальные записи Киприана и народные предания. Высоко ценит он и подробную хронологию Ремезова. Пользуясь исследованием А. В. Оксенова, Головачев ссылается на исторические песни как на источник. Кроме того, он приводит свидетельства иностранцев, пытаясь расширить таким образом круг источников для суждения о сибирских повестях. Так, в частности, он положительно решает вопрос об инициативе Ермака в сибирском походе и о численности его дружины, определяя ее в 300 человек.

Выступления противников «строгановской теории» не остались без ответа со стороны последователей Карамзина и Соловьева. Ответ этот принадлежал учителю Пермской гимназии, розыскателю сибирской истории, автору «Пермской старины» А. А. Дмитриеву [1]. В своей работе, скопившей большой материал, он подводит итоги долгого спора — от Миллера до Иловайского, — выступая сам как ревностный сторонник фамилии Строгановых и их роли в присоединении Сибири. В этом отношении, а также в своей аргументации работа Дмитриева напоминает доводы Н. Устрялова: «Неправильность толкования источников Небольсиным тем более непростительна, — писал А. А. Дмитриев, — что факт призвания Ермака самими Строгановыми и их несомненное участие в покорении Сибири открыто заявляется, кроме Иоанна Грозного, Алексеем Михайловичем и Иоанном и Петром Алексеевичами в грамотах 1673 и 1692 гг. Не ясно ли заявляется в этих словах настоящая историческая роль Строгановых в деле завоевания Сибири, за-

---

[1] См. *А. А. Дмитриев,* Пермская старина, вып. IV, Пермь, 1892.

является с высоты царского престола, царскими устами! Неужели и этим словам нельзя давать веры, как делают это Небольсин и Погодин!» [1]

Подытоживая доводы сторонников Строгановской повести, Дмитриев собирает воедино аргументы, последовательно выставляемые ее защитниками: 1) жалоба чердынского воеводы Пелепелицына на Строгановых, призвавших, по его словам, воровских казаков; 2) опальная царская грамота Строгановым в связи с этой жалобой; 3) свидетельства Строгановской повести; 4) грамоты царей Алексея Михайловича, а также Ивана и Петра Алексеевичей Строгановым, в которых говорится о призвании казаков [2].

Труд А. А. Дмитриева представлял ценность только своим материалом. А. А. Дмитриев догматически приводит мнения ученых по поводу сибирских повестей и делает не блещущие новизной выводы, опираясь на авторитеты, а не на собственные рассуждения. По существу он не исследует самостоятельно сибирский вопрос, не пытается установить соотношение между повестями, их датировку, источники и т. п.: он показывает, но не доказывает, собирает, но не исследует.

Догматизм и исследовательская слабость А. А. Дмитриева особенно проявились в полемике, развернувшейся между ним и С. А. Адриановым на страницах журнала Министерства народного просвещения. В статье, далеко вышедшей за рамки рецензии, С. А. Адрианов шаг за шагом блестяще опроверг основные построения «Пермской старины» Дмитриева и сторонников Строгановской повести, выступив в защиту положений П. И. Небольсина [3].

Разбирая один из основных доводов Карамзина и Соловьева об опальной грамоте Ивана Грозного Строгановым, Адрианов дал ей простое объяснение: воеводе Пелепелицыну было выгодно представить Строгановых ворами и изменниками, чтобы отвести гнев царский от

---

[1] *А. А. Дмитриев,* Пермская старина, вып. IV, стр. 49—50.
[2] См. там же, стр. 61—63.
[3] См. *С. А. Адрианов,* К вопросу о покорении Сибири, ЖМНП, 1893, CCLXXXVI, апрель, стр. 522—550.

себя; и это удалось — в Москве поверили и на основании отписки воеводы составили упомянутую грамоту. Что касается времени написания Строгановской повести, то пусть Небольсин ошибается, а Соловьев прав: заглавие содержит интерполяцию позднейшего переписчика, поставившего дату основания сибирской архиепископии. Однако это ровно ничего не доказывает и вопрос о дате составления Строгановской повести остается по-прежнему открытым. Показав гипотетичность утверждений Дмитриева, считавшего положения Строгановской повести незыблемыми, Адрианов развернул свои остроумные выводы относительно сибирских повестей. Не привлекая новых фактов, а с помощью анализа уже известного материала, он пришел к выводам, в своей основе сохранившим значение до настоящего времени.

Древнейшей повестью Адрианов считает Есиповскую. Ее источники — синодик Киприана, татарская летопись и рассказы участников похода Ермака. Все это Есипов собрал вместе и украсил цветами красноречия. Другая, Строгановская, повесть в своем основном ядре целиком, а местами дословно совпадает с Есиповской. Источниками Строгановской повести, по мнению Адрианова, были: царские грамоты, затем — предания, бытовавшие в Пермском крае, и повесть Есипова.

Переходя к труду Ремезова, Адрианов устанавливает, что его источники — повесть Есипова, народные предания и еще какие-то две летописи, до нас не дошедшие. Приводя различные версии, Ремезов или не желал, или не сумел составить компиляцию и поэтому в некоторых случаях повторяет в вариациях одно и то же событие. Окончательную оценку достоверности Ремезовской «Истории» Адрианов ставит в зависимость от открытия двух таинственных летописей. Таким образом, схема составления сибирских повестей, выведенная Адриановым, выглядит следующим образом (см. схему № 1).

Вопрос об участии Строгановых в походе Ермака Адрианов решает отрицательно. Он считает невероятным умолчание об этом Киприана и Есипова, черпавших свои сведения непосредственно от живых участников похода. Весьма подозрительным кажется ему и свиде-

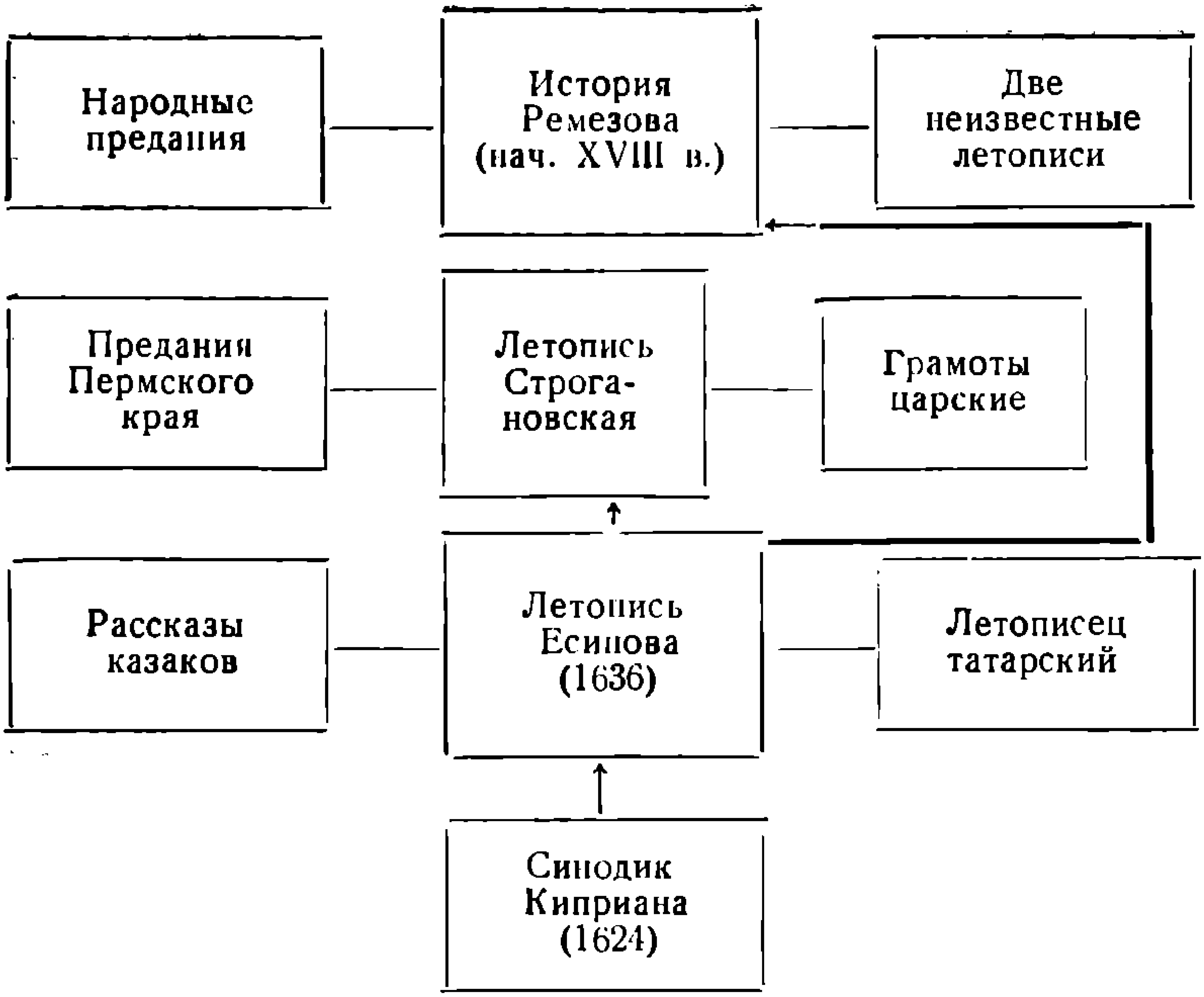


Схема № 1

тельство Строгановской летописи о помощи Строгановых Ермаку отрядом в 300 человек — ни Киприан, ни Есипов ничего не говорят об этом. Против того же показывают и писцовые книги, свидетельствующие о мизерном количестве населения в вотчинах Строгановых. Таким же вымыслом представляется С. А. Адрианову и сообщение Строгановской повести о посольстве от Ермака к Строгановым с известием о покорении Сибири. Тенденция Строгановской повести возникла, по мысли Адрианова, в результате обстоятельств похода Ермака, неожиданно удачного: Строгановы не преминули воспользоваться наветом воеводы Пелепелицына, так счастливо для них обернувшегося, и постарались укрепить мнение об их мнимом участии в сибирском предприятии. Однако Адрианов не решает сибирский

вопрос: окончательный вывод он относит к тому времени, когда выяснятся источники Ремезовской «Истории».

А. А. Дмитриев отвечал Адрианову, выступив на страницах того же Журнала Министерства народного просвещения [1]. В качестве аргументов в противоположность своему оппоненту, оперировавшему лишь логическими построениями, он выдвинул новые материалы по истории Сибирского ханства и роли Строгановых. В последнем случае он пытается опереться на открытое им в новой редакции «Сказание сибирской земли» или Соликамский летописец, который, по его мнению, доказывает призвание Ермака. То же самое подтверждает, как полагал Дмитриев, хранящийся в доме Строгановых ружейный ствол с дарственной надписью: от Максима Строганова Ермаку, с указанием даты «лето 7090 (1582) г.» Наконец, Дмитриев задает своему оппоненту три вопроса, решение которых, как он полагал, должно свидетельствовать в пользу сторонников Строгановых: 1) почему Строгановы не выступили перед царем — против воеводы Пелепелицына с контржалобой о его попустительстве разбоям казаков в Сибири, 2) почему Строгановы не пытались снять с себя клевету о призвании казаков, возведенную Пелепелицыным, если это действительно была ложь; 3) почему Строгановы безропотно отказались от своих сибирских владений, если они не участвовали в походе?

С. А. Адрианов не замедлил в свою очередь ответить статьей, написанной на основе того же материала, которым оперировал А. А. Дмитриев [2]. «Сказание Сибирской земли», как показал Адрианов, представляет собой второразрядный источник; автор его плохо знает предмет, о котором пишет: Сибирь он путает с Золотой Ордой, Обь называет Обвой и т. п. Наконец, само «Сказание» приписывает инициативу похода Ермаку, а не Строгановым. Дмитриев сам подрывает доверие к этому источнику, произвольно признавая одни его положения и отрицая другие. Надпись на ружейном стволе ничего не

---

[1] *А. А. Дмитриев,* Роль Строгановых в покорении Сибири, ЖМНП, 1894, ч. CCXCI, январь.

[2] См. *С. А. Адрианов,* Пермская старина (рецензия), ЖМНП, 1894, ч. CCXCIV, июль.

доказывает: она не выравирована, а вылита. Поэтому отливка ствола должна была быть произведена намного раньше похода (ибо у Строгановых не было оружейных заводов), а это предполагает предварительную договоренность о дате начала похода Ермака в Сибирь, что не соответствует действительности.

Адрианов принял вызов А. А. Дмитриева и пункт за пунктом ответил на поставленные им вопросы. Строгановы не протестовали против доноса Пелепелицына по очень простой причине: им было выгодно связать свое имя с Ермаком и его казаками, поход которых увенчался великим подвигом. Третий вопрос решается так же просто: если бы Строгановы завоевали Сибирь, то они обратили бы ее в свою вотчину. Однако Сибирь была завоевана не Строгановыми, и даже не Ермаком, а московскими войсками, а поэтому стала вотчиной царя.

Дискуссия между сторонниками противоположных взглядов на историю похода Ермака вызвала живой интерес. Его показателем явилась статья сибирского исследователя И. И. Тыжнова, который подвел итоги этой полемики [1]. «Заметим здесь, — писал он, — что «строгановская теория» в работах А. А. Дмитриева встречалась наиболее полно, исчерпала все доказательства в свою пользу и, кажется, сказала свое последнее слово. Действительно, ни один из сторонников этой теории не выдвигал ее и не обставлял так тщательно каждую мелочь, как это видим у Дмитриева» [2]. Значительным шагом вперед в решении сибирского вопроса Тыжнов считал уступку сторонников строгановской теории в признании того, что строгановская повесть является источником только по начальной стадии похода Ермака, а дальнейшее его движение может быть изучаемо по другим летописям. В частности, показательным представляется то обстоятельство, что даже такой целеустремленный сторонник Строганова, как А. А. Дмитриев, вынужден излагать историю присоединения Сибири, пользуясь данными Ремезовской истории.

---

[1] См. *И. И. Тыжнов*, Новейшие труды по истории покорения Сибири, «Сибирский сборник», кн. I, Иркутск, 1898.

[2] Там же, стр. 60.

Вместе с тем Тыжнов сделал несколько тонких критических замечаний в адрес С. А. Адрианова. Одобрив его критическое исследование сибирских повестей, И. И. Тыжнов правильно заметил и слабые пункты в схеме Адрианова: «мог ли Есипов назвать писание, принесенное казаками Киприану, «писанием прежде меня списавшего нечто». Едва ли он мог это сделать: он ясно различает эти два «писания»: одно «писание прежде меня списавшего нечто», другое — «писание сие», доставленное казаками Киприану»[1]. Впрочем, И. И. Тыжнов считает извинительными некоторые ошибки С. А. Адрианова потому, что тот пользовался неисправным списком повестей, не воспроизводящим точную редакцию первоисточника.

Не ограничиваясь критическими замечаниями, Тыжнов сделал попытку развить дальше схему Адрианова выяснением протографа, положившего основу сибирского летописания. Исходя из того что самый главный его признак — краткость, он отверг предположение Адрианова о том, что этим протографом (который распространил Есипов) были записи Киприана, и обратился за поисками к труду Ремезова. В последнем, по его мнению, и следует искать те первоначальные записи, которыми пользовались как Ремезов, так и Есипов. В конце концов Тыжнов приходит к следующим выводам: «Вскоре после взятия Сибири была составлена записка о походе Ермака; в этой записке были обозначены годовые и месячные даты. Затем, спустя 40 лет по взятии Сибири, собирал известия о походе Ермака архиепископ Киприан с той целью, чтобы занести в синодик имена убитых казаков, с показанием того, кто где был убит. Это последнее повествование нельзя отождествлять с названными выше первоначальными записями, ибо через 40 лет после события участники похода едва ли могли бы припомнить даты. Далее, приблизительно в то же время составлял летопись тобольский дьяк Есипов: он пользовался первоначальными записями, которые риторически распространил, татарским

---

[1] *И. И. Тыжнов,* Новейшие труды по истории покорения Сибири, «Сибирский сборник», кн. I, Иркутск, 1898, стр. 63.

летописцем и показаниями остававшихся в живых товарищей Ермака... В петровскую эпоху первоначальными записями пользовался Ремезов. О времени составления летописи Строгановской достоверно ничего сказать нельзя»[1].

Важность выводов И. И. Тыжнова о едином протографе была несомненной, однако в то время она была лишь гипотезой, которую еще следовало доказать. Гипотетичность доказательного материала своих идей чувствовал и сам Тыжнов. Причина этого заключалась в том, что ни он, ни С. А. Адрианов не имели проверенного текста сибирских повестей.

Вторая дискуссия по сибирскому вопросу сильно двинула вперед научно-критическое изучение сибирских повестей. В отличие от первой она закончилась победой противников «строгановской теории» (Небольсина — Адрианова) и на основе новых идей вернула схему сибирского летописания на старые, миллеровские позиции. Вместе с тем она окончательно утвердила идеи П. И. Небольсина о необходимости поисков «концов», т. е. протографа сибирских повестей и устами И. И. Тыжнова выразила первую гипотезу о нем, впоследствии блестяще доказанную С. В. Бахрушиным. Сибирское летописание из рук С. А. Адрианова получило, наконец, стройную логическую схему развития, ставшую фундаментом для дальнейших построений. Полемика 90-х годов XIX в. по сибирскому вопросу кладет также начало новому периоду некоторого сближения точек зрения противоположных сторон и смягчения остроты идейной борьбы. Историческая мысль, отражающая общественную жизнь, переходит в конце XIX и начале XX в. в область других, политически более актуальных вопросов, выдвигаемых классовой борьбой.

Научное издание сибирских повестей, тянувшееся ни много ни мало 66 лет, наконец осуществилось в 1907 г.[2] Это дало в руки историкам Сибири проверенные тексты

---

[1] *И. И. Тыжнов*, Новейшие труды по истории покорения Сибири, «Сибирский сборник», кн. I, Иркутск, 1898, стр. 69—70.

[2] См. историю издания сибирских летописей у А. И. Андреева. *А. И. Андреев,* Очерки источниковедения Сибири. XVII век, стр. 118—144.

и поставило на прочную научную основу критику сибирского летописания.

Первым, кто взглянул на сибирские повести не как на отдельно взятое изолированное явление, а нечто связанное с общерусским летописанием, был С. Ф. Платонов[1]. Он заметил поразившее его сходство описания картин природы между «Повестью о смутном времени», приписываемой кн. Катыреву-Ростовскому, и сибирской Строгановской повестью, причем не простое механическое заимствование, а однородность творчества. В связи с этим Платонов ставит два вопроса: 1) не присвоил ли себе кн. Катырев-Ростовский труды сына боярского Сергея Кубасова, с именем которого давно связывалась «Повесть о Смутном времени»? 2) не перу ли того же Кубасова принадлежит и сибирская Строгановская повесть? На первый вопрос он отвечает отрицательно, а второй оставляет для ответа специалистам — историкам Сибири.

Мимоходом С. Ф. Платонов дает оценку своей позиции в сибирском летописании: «Мы держимся взгляда С. А. Адрианова, — писал он, — предположившего, что Есиповская летопись не была составлена по Строгановской, а, наоборот, ей предшествовала и служила ей источником»[2]. Пять лет спустя Платонов высказался по основному сибирскому вопросу, отметив важнейшее значение Строгановых — «крупнейших и талантливейших капиталистов эпохи» — в общем движении русских на восточные пространства и, в частности, в организации и руководстве походом Ермака[3].

Точка зрения Платонова на «Повесть о Смутном времени» кн. Катырева-Ростовского и на сибирскую Строгановскую повесть получила свое дальнейшее развитие в исследовании А. Орлова[4]. Он показал, что

---

[1] См. *С. Ф. Платонов*, Старые сомнения, «Сборник статей в честь М. К. Любавского», Прг., 1917, стр. 172—180.

[2] Там же, стр. 179.

[3] См. «Русское прошлое», Исторические сборники, под ред. С. Ф. Платонова, А. Е. Преснякова и Ю. Гессена, вып. 3, Пгр. — М., 1923. стр. 8.

[4] См. *А. Орлов*, Повесть кн. Катырева-Ростовского и Троянская история Гвидо де Колумна, «Сборник статей в честь М. К. Любавского», стр. 73—98.

повесть имеет значительные заимствования из «Троянской истории» Гвидо де Колумна, переведенной на русский язык не позднее первой четверти XV в. и быстро завоевавшей популярность на Руси. «Троянская история» стала в XVII в. образцом повествования и она-то, по-видимому, оказала влияние на авторов «Повести о Смутном времени» и Строгановской повести.

После Великой Октябрьской социалистической революции научное изучение Сибири получило новое содержание и новые формы. Открытие массы новых научно-исследовательских учреждений, вузов, развитие краеведческой работы знаменовало собою новую эпоху в развитии сибирской историографии. Правда, в первое время, когда советская история Сибири еще только создавалась, она шла по пути решения тех вопросов, которые ей оставили в наследство буржуазные историки. В частности, вопрос, поставленный С. Ф. Платоновым о Сергее Кубасове, как возможном авторе Строгановской повести, пыталась решить А. М. Ставрович. В статье «Сергей Кубасов и Строгановская летопись (новые мысли по поводу «Старых сомнений»)»[1] она, отвечая на вопрос С. Ф. Платонова: «вне всякого сомнения»[2], утверждала авторство Сергея Кубасова. В лице А. Ставрович Строгановская повесть получила, пожалуй, одного из самых решительных и непримиримых противников. По ее мнению, эта повесть «есть фальсификат, написанный около 1673 г.» с весьма определенной целью: утвердить мнение об участии (хотя бы и косвенном) Семена Строганова в покорении Сибири. Ставрович делит повесть на следующие составные части: 1) подлинные акты, тенденциозно обработанные, 2) протограф, который положен в основу и Есиповской повести, 3) местные предания и летописи, а также риторические отступления, ничего не прибавляющие к содержанию. Сличив последние с «Повестью о Смутном времени», Ставрович на основании совпадения некоторых мест из текста и литературных приемов приходит

---

[1] См. «Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову», Пгр., 1922, стр. 285—293.

[2] Там же, стр. 285.

к выводу, что они написаны одним лицом. Им она считает Сергея Кубасова, который участвовал в посольстве Ф. И. Байкова (1654—1657) и был потом назначен подъячим в Енисейск. Ставрович полагает, что Кубасов и был нанят Строгановыми (по линии Семена Строганова) для составления фальсифицированной истории их участия в присоединении Сибири. Он составил эту повесть не ранее 1673 г., ибо впервые именно в этом году в ответе на челобитную Строгановых указывается на участие Семена Строганова в призвании Ермака, в то время как опальная грамота Грозного об этом ничего не говорит.

Крайние позиции Ставрович (статья которой, будучи написана в остро полемическом духе, воскрешает споры конца XIX в.) вряд ли можно признать обоснованными. Основной стержень ее доказательств — сличение литературных приемов — нельзя считать достаточно прочным для научного построения. То обстоятельство, что Кубасов проживал в Сибири, разумеется, еще ничего не доказывает. Излишней прямолинейностью в решении сложного вопроса представляется утверждение о том, что Строгановская повесть есть фальсификат.

Самым серьезным аргументом А. М. Ставрович является вывод о вставке летописцем в текст грамоты Грозного имени Семена. Однако это не дает оснований для далеко идущего вывода о фальсификате, а говорит только лишь о тенденциозности автора Строгановской повести.

Если А. М. Ставрович была крайним противником «строгановской теории», то в лице А. А. Введенского эта теория нашла не менее убежденного сторонника. В работе «Библиотека и архив у Строгановых в XVI—XVII вв.», вышедшей вслед за статьей А. М. Ставрович, Введенский выступил против ее доводов[1]. Прежде всего он справедливо отверг квалификацию Строгановской повести как фальсификата. Для своих доказательств А. А. Введенский впервые привлек палеографические данные, обратясь к рукописному подлиннику.

---

[1] *А. А. Введенский,* Библиотека и архив у Строгановых в XVI—XVII вв., «Север», 1923, кн. 3—4, стр. 69—115.

Внешние признаки рукописи, по его мнению, свидетельствуют о том, что это — скоропись первой половины XVII в., а филигрань на бумаге позволяет вывести более точную дату — 30-е годы XVII в.

Вместе с тем, отдавая должное верному наблюдению Ставрович о прибавлении автором Строгановской повести от себя имени Семена Строганова в тексте опальной царской грамоты, Введенский пытается отвести вывод о тенденциозности автора повести догадкой о том, что царская грамота могла быть адресована одному из Строгановых, потому что в то время Пермские вотчины принадлежали обоим владельцам — Семену и Максиму. Таким образом, составитель повести с полным основанием мог исправить неточность царской грамоты, что он и сделал. Аргументация А. А. Введенского сомнительна, ибо известно, что правила делопроизводства XVI—XVII вв. не могли допустить такого «сокращения» адресата. Но если даже принять точку зрения А. А. Введенского, то она все равно никак не может удовлетворительно объяснить вставку имени Семена в текст царского документа, если не признать настойчивой тенденциозности автора Строгановской повести. Однако именно этого не хочет сделать А. А. Введенский, вместе с тем утверждающий, что Строгановская повесть «написана, несомненно, составителем — человеком, близко знавшим именно архивные точные документальные данные, недоступные постороннему книжнику-любителю, профессионалу по части составления хронографов и летописцев, — это ведет нас к предположению и весьма вероятному, что протограф сибирских повестей строгановских редакций составился не без участия сольвычегодских хором Строгановых»[1].

По мнению А. А. Введенского, первоосновой Строгановской повести мог быть письменный отчет дружины Ермака о походе. Эту мысль внушает в сущности та же Строгановская повесть, рассказывающая о том, что Ермак послал в Москву и Строгановым два донесения о взятии Кучумова царства. Это известие не раз отри-

---

[1] *А. А. Введенский.* Библиотека и архив у Строгановых в XVI—XVII вв., «Север», 1923, кн. 3—4, стр. 100.

цалось многими исследователями, тем более что в строгановских архивах, так тщательно собиравшихся и охранявшихся, этого решающего документа не оказалось.

Наконец, надо отметить справедливость той критики, которой подверглась еще тогда, в 1923 г., работа А. А. Введенского за идеализацию Строгановых, проходящую через все исследование[1].

Заслугой А. А. Введенского была защита одного из важнейших источников сибирской истории от крайних положений А. М. Ставрович и использование им палеографических данных. Свои первоначальные выводы А. А. Введенский развернул спустя 26 лет, еще раз вернувшись к этой теме в полемике с А. И. Андреевым.

Развитие сибирской историографии советского периода связано с именем выдающегося историка Сибири С. В. Бахрушина, продолжавшего свою научную работу после революции. Его работы по истории Сибири имели важнейшее значение в критическом изучении сибирских повестей и заставили пересмотреть вопрос в целом. Схема сибирского летописания, данная С. В. Бахрушиным, с одной стороны, подводит итог долгой предшествующей работе исследователей, а с другой — открывает новый период в изучении сибирских повестей. С. В. Бахрушин, применив научно-критический метод А. А. Шахматова, сумел глубоко проследить внутреннюю историю эволюции их текста путем параллельного сравнения[2]. Таким образом он пришел к выводу о том, что основные сибирские повести — Строгановская, Есиповская и статья «О взятии Сибирского царства» в «Новом летописце» — тождественны в своем основном тексте. Сравнение это не подтверждает мнения С. А. Адрианова и других о синодике Киприана как об источнике повестей, а, напротив, свидетельствует о том, что он также переработал первоисточник. Таким первоисточником (протографом) было «Написание», которое, по словам Есиповской повести, казаки принесли архиепископу

---

[1] См. *А. А. Введенский,* Библиотека и архив у Строгановых в XVI—XVII вв., «Север», 1923, кн. 3—4, стр. 69.

[2] См. *С. В. Бахрушин,* Очерки по истории колонизации Сибири, в кн.: *С. В. Бахрушин,* Научные труды, т. III, ч. 1.

Киприану. В нем излагалась история похода Ермака в Сибирь. С. В. Бахрушин разрешил таким образом спор, длившийся около столетия, о том, какая из повестей — Есиповская или Строгановская — является первоисточником, доказав, что их авторы пользовались своим протографом самостоятельно, перерабатывая его в соответствии со своей точкой зрения и литературными вкусами.

Схема сибирского летописания, предложенная Бахрушиным, выглядит следующим образом. В конце XVI в. казаками было составлено не дошедшее до нас краткое «Написание» о походе в Сибирь. В связи с установлением сибирской архиепископии в 1621 г. казаки доставили «Написание» архиепископу Киприану. На основании этого «Написания» и устных дополнений казаков около 1622 г. был составлен синодик Киприана. В 1636 г. поминовение казаков было утверждено центральными московскими светскими и духовными властями. Под влиянием этого события была написана повесть Саввы Есипова. Источниками последней были: то же «Написание», синодик и свидетельства очевидцев. Синодик оказал влияние на литературную форму, принятую Есиповым, а что касается устных сведений, то они очень немногочисленны. Ссылки Есипова на татарского летописца Бахрушин считает восходящими к «Написанию», ибо те же сведения о татарских князьях имеются и в Строгановской повести.

Вне всякой зависимости от синодика и Есиповской повести в кругах, близких Строгановым, в первой половине XVII в. была составлена Строгановская повесть, прославляющая этот род. Автор ее пользовался в качестве источников: «Написанием», царскими грамотами и, видимо, устными сведениями самих Строгановых. В литературном отношении Строгановская повесть испытала сильное влияние «Троянской истории» Гвидо де Колумна в русском переводе.

Высокая оценка дается Бахрушиным труду Ремезова. В основе «Истории Сибирской» лежит, по его мнению, Есиповская повесть, кроме нее, еще две другие не дошедшие до нас летописи, позволившие Ремезову изложить события похода Ермака в иной последова-

тельности. Помимо этих письменных источников, автор «Истории Сибирской» дополнил свой труд словесными преданиями русского и татарского происхождения. Рассматривая хронологию похода, данную Ремезовым, С. В. Бахрушин отрицательно отнесся к его годовым, но зато счел правдоподобными его числовые даты.

С. В. Бахрушин впервые четко отделил от текста Ремезовского труда вклеенные туда неизвестно кем листы Кунгурской повести. Кунгурская повесть не восходит к протографу, общему для других сибирских повестей, и носит совершенно самостоятельный характер. По мнению С. В. Бахрушина, Кунгурская повесть возникла в русском Прикамье во второй половине XVII в. Она носит народный характер и вышла, по-видимому, из казацкой среды. Повесть содержит в себе запись русских и местных преданий, а также следы знакомства с письменными памятниками.

Таким образом, С. В. Бахрушин, значительно продвинув вперед изучение сибирских повестей, окончательно достраивает схему С. А. Адрианова, которая в своем законченном виде принимает следующий вид (см. схему № 2).

С. В. Бахрушин рассматривал поход Ермака как экспедицию, снаряженную Строгановыми. Из частного предприятия она превратилась в событие большого государственного значения благодаря вмешательству царского правительства, взявшего потом дело присоединения Сибири в свои руки [1]. Впрочем, решению сибирского вопроса он не придавал большого значения, считая, что эта проблема имеет чисто исторический интерес [2].

В решении вопроса об инициативе похода Ермака С. В. Бахрушин целиком отдает ее Строгановым. Несомненно, здесь сказалась та недооценка роли русского народа и государства, которая была следствием груза буржуазной историографии, довлевшей над методологической схемой присоединения Сибири, данной С. В. Бахрушиным. Как известно, по его мнению, основной движущей силой освоения Сибири был торговый

[1] См. *С. В. Бахрушин,* Научные труды, т. III, ч. 1, стр. 145.
[2] См. *Г. Ф. Миллер,* История Сибири, т. I, стр. 484.

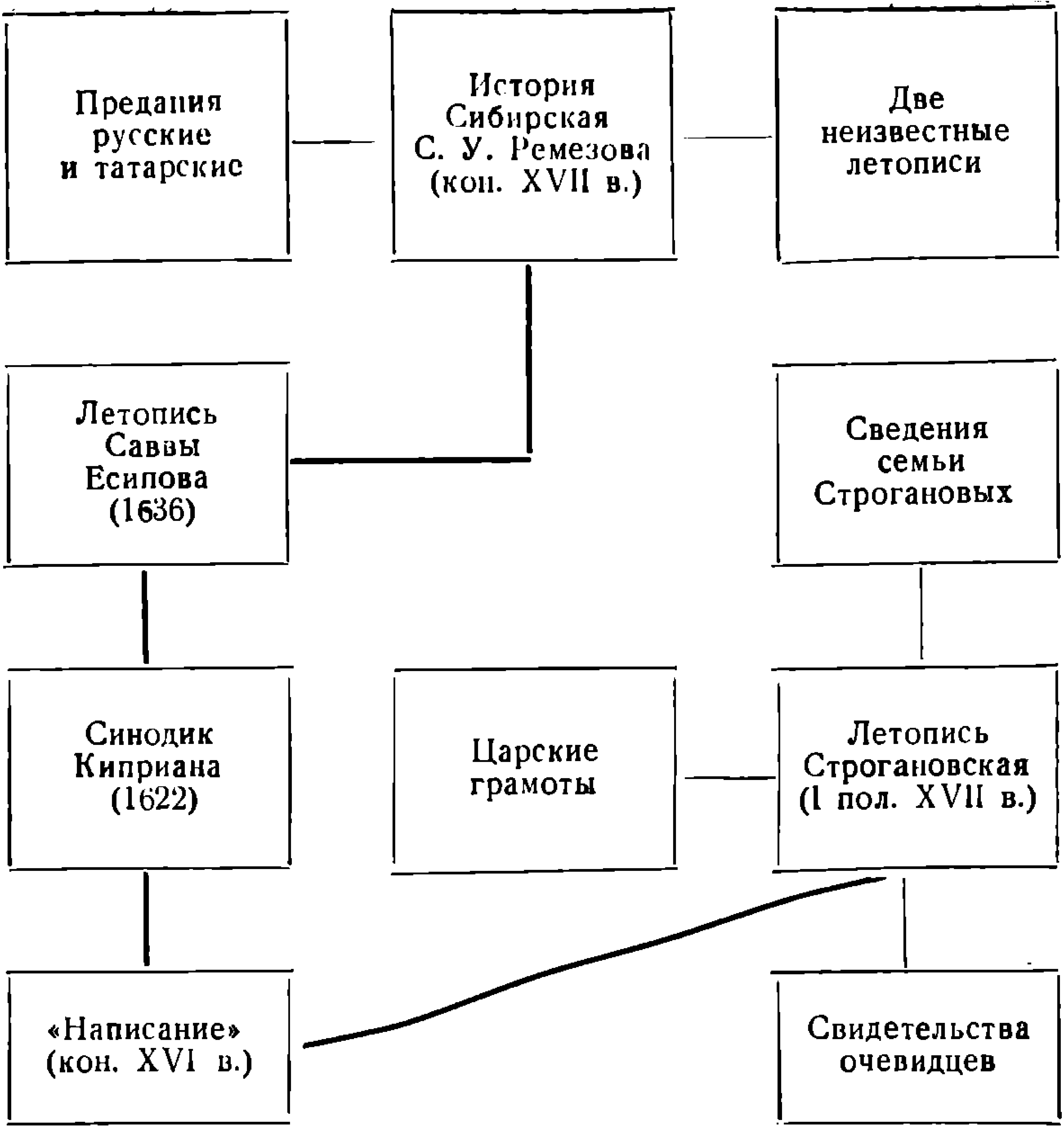


Схема № 2

капитал, торговые и промышленные люди. Непосредственной причиной, заставившей русских промышленников и предпринимателей двинуться в земли Зауралья, был, по мнению С. В. Бахрушина, повысившийся спрос на пушнину за границей, суливший русским торговцам большие барыши. Строгановы шли вслед за ватагами промышленных людей, а государство уже двигалось «по стопам частных предпринимателей» [1].

[1] *С. В. Бахрушин,* Научные труды, т. IV, ч. 1, стр. 141, 143.

Что касается проникновения русского народа в Сибирь, то С. В. Бахрушин обходит его в своей схеме, рассматривая присоединение Сибири к русскому государству как завоевание.

Правда, к концу своей научной деятельности С. В. Бахрушин пересмотрел ряд принципиальных положений, однако они так и остались незавершенными [1].

Жизнь не подтвердила мнения С. В. Бахрушина о том, что сибирский вопрос имеет лишь чисто академический интерес. Дело в том, что сквозь призму историографического спора в глубине его проступает в конечном итоге важнейший вопрос истории Сибири — о роли и значении народных масс, предпринимателей и царского правительства в освоении Востока. Вопросы эти ясны в общей постановке, однако конкретное их преломление в сибирской истории вызывает много сомнений из-за противоречивости и неясности источников.

Вслед за С. В. Бахрушиным выступил известный знаток сибирского источниковедения А. И. Андреев, давший полную сводку письменных источников по истории Сибири XVII в.[2] А. И. Андреев вновь поднял вопрос о недостоверности Строгановской повести. Возражая А. А. Введенскому, А. И. Андреев в результате собственного палеографического обследования рукописи сделал заключение, что датировка почерка и филигрань древнейшего известного списка Строгановской повести является спорной и относится не к первой, а ко второй половине XVII в.

Решающим, однако, доводом А. И. Андреев считает не палеографические данные (шаткость которых он, по существу, признает), а «обстоятельства дела», связанные с содержанием повести, и в особенности вставку имени Семена Строганова в текст опальной грамоты Грозного. На основании этого А. И. Андреев уверждает, что «Гипотезу А. М. Ставрович об обстоятельствах и времени составления «первой» редакции

---

[1] См. *В. И. Шунков,* Труды С. В. Бахрушина по истории Сибири, в кн.: *С. В. Бахрушин,* Научные труды, т. III, ч. 1, стр. 5—12.

[2] См. *А. И. Андреев,* Очерки по источниковедению Сибири. XVII век.

Строгановской летописи, несмотря на возражения А. А. Введенского, следует считать доказанною, убедительной и не опровергнутой»[1]. Следуя в своей аргументации за С. А. Адриановым и А. М. Ставрович, А. И. Андреев повторил положения упомянутых исследователей.

Привлекая статью о покорении Сибири в «Новом летописце» для доказательства непричастности Строгановых к походу Ермака, упоминание «Летописца» о строгановской помощи казакам А. И. Андреев считает интерполяцией[2]. Однако, утверждая так, он оперирует лишь только общими соображениями о «неловком включении» в текст слов о взаимоотношениях Строгановых и Ермака и несоответствии их общему контексту, не подкрепляя свое положение более точными доказательствами.

Вообще все известия о Строгановых в связи с походом Ермака произошли, по мнению А. И. Андреева, после появления Есиповской повести.

Строгановская повесть содержит в себе известия и документы, неточно переданные и использованные, — это справедливо. Однако это не дает права делать вывод о том, что, «являясь ранним образцом того сочинительства по истории завоевания Сибири, которое стало процветать особенно в последние десятилетия XVII в., Строгановская летопись не заслуживает внимания серьезного исследователя, которому понятны мотивы ее составления в 70-е годы XVII в. (оправдать претензии одного из Строгановых на те права, которыми будто бы пользовались его предки, а прежде всего Семен Аникиев Строганов, от которого вел свое происхождение Григорий Строганов) и известны те недобросовестные и ненаучные приемы составления летописи, которые применил автор»[3].

Вывод этот, недостаточную мотивированность которого сознает сам А. И. Андреев[4], не учитывает следующих моментов. Умолчание Есиповской повести о Строгановых еще ничего само по себе не говорит: Есипов

---

[1] *А. И. Андреев,* Очерки по источниковедению Сибири. XVII век, стр. 133.

[2] См. там же, стр. 134—136.

[3] Там же, стр. 140.

[4] См. там же, стр. 141.

просто мог не знать об этом. Тенденциозность и неточность цитат Строгановской повести также не дает основания считать это произведение фальсификатом; неточности (вольные или невольные), а также вымысел имеют место и в тексте С. Есипова и у С. У. Ремезова, что, однако, не позволяет квалифицировать их таким же образом. Известия «Нового летописца», Кунгурской повести Ю. Крижанича, С. У. Ремезова единогласно подтверждают участие Строгановых в походе Ермака, в какой степени, это другой вопрос. Сами обстоятельства подготовки похода, исходные пункты движения дружины Ермака говорят за то, что они не могли быть без участия Строгановых, вотчины которых являлись единственной возможной базой казачьей дружины. Таким образом, содержание Строгановской повести, несмотря на ее тенденциозность (хотя, строго говоря, ни одна из сибирских повестей не является бесстрастно объективной), следует признать не фантазией сочинителя, а рассказом, основа которого отображает реально существовавшие факты.

После Великой Отечественной войны быстрый подъем производительных сил Сибири, невиданный рост ее экономики, культуры, научных учреждений и ученых сил имел своим следствием развитие вширь и вглубь ее исторического изучения. Проблема присоединения Сибири и в послевоенное время продолжала оставаться в центре внимания историков. Она решалась как в плане дальнейшего изучения сибирских повестей и документов, так и попытками решить общие методологические вопросы. Главное внимание советские историки стали уделять мирной земледельческой колонизации Сибири как основному фактору ее закрепления за Русским государством и ее освоения.

Исследования В. И. Шункова, затем В. Н. Шерстобоева и др. на большом фактическом материале показали, что деятельность Строгановых и поход Ермака были только первыми актами присоединения Сибири [1].

---

[1] См. *В. И. Шунков,* Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII веков, М.—Л., 1946; *В. Н. Шерстобоев,* Илимская пашня, т. I, Иркутск, 1949.

В. И. Шунков, характеризуя эволюцию взглядов на присоеди-

Одновременно началась критическая работа советских сибиреведов, заново пересмотревших концепцию С. В. Бахрушина, которая господствовала в сибирской советской историографии довоенного времени. Не только в общих работах, посвященных присоединению Сибири, но и в специальных критических исследованиях сибирских повестей, историки все чаще начинают обращаться для доказательств принципиальных соображений к «обстоятельствам дела», пользуясь выражением А. И. Андреева.

Первым с критикой схемы присоединения Сибири, принадлежавшей С. В. Бахрушину, выступил Г. Красинский [1].

Суровая оценка, данная А. И. Андреевым Строгановской повести, была поддержана Г. Красинским, который считал ее сведения неверными, а истолкование ею собы-

---

нение Сибири, писал: «Продвижение московских правительственных войск в Сибирь обеспечило широкие возможности для деятельности «промышленников» за Уралом. Служилые люди и люди «промышленные и торговые» первыми пришли в Сибирь. В течение XVII в. они прошли Сибирь от западного ее края до восточного, опережая друг друга и занимая новые земли. Именно они определяли направление движения. Поэтому при изучении продвижения русских за Урал в этот период обычно рассматривалась именно эта сторона освоения русскими Сибири. При этом в центре внимания одних историков находилась шумная деятельность московской дворянской бюрократии по освоению огромной территории, в центре внимания других — деятельность промышленных и торговых людей. Причем в более ранних работах обычно освещалось преимущественное значение первой, в более поздних мы наблюдаем стремление подчеркнуть первенствующее значение вторых.

Между тем уже с конца XVI в. начинается прилив в Сибирь волны крестьянского переселения. Менее заметная на первых порах, эта волна уже в XVII в. достигает серьезного размаха, преимущественно для Западной Сибири... Крестьянство являлось здесь и основной массой населения и основным производителем материальных благ...

Без изучения процесса образования крестьянского населения, без изучения характера и условий его деятельности нельзя правильно разрешить вопрос о значении русской колонизации для развития производительных сил Сибири, нельзя правильно осветить ее прошлое как составной части Русского государства» (*В. И. Шунков*, Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII веков, стр. 5—7).

[1] См. *Г. Красинский*, Покорение Сибири и Иван Грозный, «Вопросы истории», 1947, № 3.

тий «тенденциозным». Указанному автору принадлежит любопытная попытка изложить историю похода Ермака в Сибирь только по официальным данным (грамотам). Отказавшись от сибирских повестей, он не считает возможным включить их в свое исследование в качестве источников, потому что они написаны в более позднее время [1]. Красинский выдвигает также совершенно новую точку зрения на сибирский вопрос. По его мнению, правительство Ивана Грозного вело очень тонкую и далеко рассчитанную последовательную политику в отношении присоединения Сибири, мудро и дальновидно учитывавшую всю совокупность внутренних и внешних факторов. Строгановы явились только простыми исполнителями царской правительственной воли и действовали по указаниям, полученным от последней, не будучи хозяйственно заинтересованными в продвижении на Восток. Точно так же обстоит дело и с Ермаком — его переход от Волги до Чусовой и от Чусовой в Сибирь — есть дело царской, правительственной инициативы, которая таким образом умело подыскала пути использования этой вольницы в государственных интересах.

Точка зрения Красинского была реакцией на то преуменьшение роли государства, какое имело место в работах дореволюционных и советских историков, в частности С. В. Бахрушина. В этом смысле она выполнила свою роль.

Концепция Г. Красинского получила убежденного сторонника в лице З. Я. Бояршиновой. В своей статье «К вопросу о присоединении Сибири к Русскому государству» [2] З. Я. Бояршинова подвергает резкой критике С. В. Бахрушина и приводит свои доказательства по ряду спорных вопросов проблемы присоединения Сибири. Начало присоединения Сибири З. Я. Бояршинова справедливо относит ко второй половине XV в., ко времени правления Ивана III. Дальнейшее проникновение русской власти в Сибирь З. Я. Бояршинова целиком отдает в руки правительства Ивана Грозного.

---

[1] См. *Г. Красинский,* Покорение Сибири и Иван Грозный, «Вопросы истории», 1947, № 3, стр. 92, 94.

[2] См. «Труды Томского государственного университета имени В. В. Куйбышева», т. 128, Томск, 1954, стр. 61—82.

Подобно Г. Красинскому, З. Я. Бояршинова рассматривает Строгановых как представителей правительства царя Ивана Грозного, возложившего на них «выполнение задачи укрепления восточных границ Русского государства, обязав их строить небольшие пограничные крепости и содержать в них гарнизоны казаков». Отсюда поход Ермака — предприятие, осуществленное под руководством Строгановых и совершенное ими по предписанию царя Ивана Грозного. Вместе с тем поход дружины Ермака рассматривается как одно из мероприятий, направленных на решение «задач укрепления обороноспособности Русского государства, в плане внешней политики правительства Ивана Грозного» [1]. Дело в том, что, помимо опасностей татарских вторжений, по мнению Г. Красинского, а вслед за ним З. Я. Бояршиновой, во второй половине XVI в. существовала реальная угроза превращения Сибири в западноевропейскую (особенно английскую) колонию.

В схеме Г. Красинского и З. Я. Бояршиновой не остается места народу, вольно-народному проникновению, совершенно заслоненному государственным началом, а это противоречит фактам. Что касается похода Ермака, то игнорирование сибирских повестей и опора на единичные царские грамоты неизбежно приводит к односторонности в оценке сибирского похода. Можно ли рассматривать Строгановых, как исполнителей царской воли на Востоке в смысле руководства обороной на границах? Отличались ли права, данные Строгановым, от обычно предоставляемых царским правительством прав во вновь присоединенной стране? Ответ может быть один — нет, не отличались. В царских грамотах нет ни одного намека на то, чтобы Иван Грозный рассматривал Строгановых как своих представителей на Востоке; он лишь придавал большое значение их деятельности, но не более.

Так же сильно преувеличена Г. Красинским и З. Я. Бояршиновой угроза Сибири со стороны государств Западной Европы. Ее тогда не могло быть в такой степени, если учесть хотя бы трудности проникновения в Сибирь с моря. Да вряд ли Московское правительство было

[1] «Труды Томского государственного университета имени В. В. Куйбышева», т. 128, Томск, 1954, стр. 64, 66.

обеспокоено обороной Сибири от иностранцев. Сибирь была тогда плохо известна самим русским; трудно допустить, чтобы Иван Грозный мог думать об обороне страны, не входившей тогда в состав Русского государства. В действительности царское правительство заботилось об охране торговых интересов русских купцов, конкуренцию которым составляли иностранцы.

Отрицаемый З. Я. Бояршиновой вопрос о первоначальном накоплении капитала в Сибири[1] до сих пор остается спорным, хотя за последнее время большинство советских исследователей склонны видеть начало его еще в конце XVI в.

Иная трактовка процесса присоединения Сибири к Русскому государству дана М. К. Одинцовой в ее статье «К вопросу о заселении русскими Сибири в XVII веке»[2]. Автор правильно рассматривает заселение Сибири как закономерный процесс, главной силой которого был народ, искавший за Уралом освобождение от усилившейся эксплуатации. Однако, увлекшись исследованием проблемы заселения как чисто стихийного явления, М. К. Одинцова допустила одностороннее освещение фактов этих сложных событий русской жизни. В статье принижена роль русского государства и торгово-промышленных элементов в присоединении и освоении Сибири. Не следует забывать, что промысловые партии, направлявшиеся предприимчивыми купеческими людьми, часто первыми шли в глубь неведомой страны, а закрепление вновь открытых земель окончательно производилось государственными силами, деятельно стремившимися населить и обжить сибирский край.

Поход Ермака рассматривается М. К. Одинцовой в связи с общенародным движением части русского крестьянства на восток, что бесспорно. Вместе с тем значение этого похода недостаточно оценено: лишь только как один из рядовых эпизодов. В действительности удар дружины Ермака ликвидировал главное препятствие на пути освоения Сибири — царство Кучума.

---

[1] См. «Труды Томского государственного университета», т. 128, стр. 74—75.

[2] См. «Труды Иркутского государственного университета», т. X, Иркутск, 1954, стр. 109—148.

Методологическая схема С. В. Бахрушина была отвергнута во многих своих частях, но основы и метод его критического изучения сибирских повестей остались незыблемыми. Историки Сибири продолжали исследование сибирских повестей, следуя по пути, проложенному С. В. Бахрушиным.

Рассчитанная на широкие круги читателей, книга Д. С. Лихачева «Русские летописи и их культурно-историческое значение» впервые включила в общий обзор русских летописей сибирские исторические повести [1]. Следуя за С. В. Бахрушиным, Д. С. Лихачев выдвинул ряд новых и интересных положений. По его мнению, первая официальная сибирская повесть была составлена еще при архиепископе Киприане. К сожалению, эта мысль не подкрепляется научными доказательствами и фактически повисает в воздухе. Придавая большое значение народной оценке сибирского похода, Д. С. Лихачев прослеживает эволюцию сибирских повестей официального направления под влиянием фольклора. По его мнению, фольклор о Ермаке сложился в первой половине XVII в., а во второй половине этого же столетия стал проникать в сибирские повести [2].

Очень ценны частные замечания, сделанные автором книги «Русские летописи». Первое из них относится к Кунгурской повести, в которой Д. С. Лихачев тонко уловил несомненные нотки полемики с другой версией подготовки похода Ермака, утверждающей, что казаки брали у Максима Строганова припасы не под угрозой силы, а «взаймы» и в «честь» [3]. Второе замечание касается противопоставления, имеющегося в синодике Киприана и в повести Есипова «простых людей» (Ермака и его казаков, которых, согласно версии официальных церковных сочинений, бог избрал для совершения ратного подвига в Сибири) — «славным мужам» и «царским воеводам». Объяснение этого явления Д. С. Лихачев видит в простом литературном заимствовании Есиповской

---

[1] См. *Д. С. Лихачев,* Русские летописи и их культурно-историческое значение, М.—Л., 1947, стр. 391—418.

[2] См. там же, стр. 394—395, 399.

[3] См. там же, стр. 414.

повестью синодика Киприана, который ,в свою очередь был составлен на основе казачьего «Написания».

Другое обоснование причин этого противопоставления выдвинула Н. А. Дворецкая [1]. Уязвимую сторону мнения Д. С. Лихачева она видит в невозможности судить о недошедшем до нас «Написании» по синодику Киприана или повести Есипова. По ее предположению, причина резкого противопоставления, возможно, заключается в тех враждебных отношениях, которые, как известно, существовали между архиепископом Киприаном и тобольским воеводой Матвеем Годуновым.

В основной части своей интересной статьи Н. А. Дворецкая пришла к выводу о том, что «прославление казаков по повести Есипова и синодику значительно отличается от оценки похода Ермака крестьянством и казачеством, т. е. той социальной средой, откуда вышли участники похода, положившего начало присоединению Сибири к Русскому государству» [2]. Ермак в народной традиции выступает как выходец из эксплуатируемой среды. Его биография дается в народных песнях без прикрас, как атамана казаков, нападавшего на царских слуг. В то же время повесть Есипова и синодик Киприана тщательно избегают фактов жизни Ермака до его прихода в Сибирь. Отсюда Н. А. Дворецкая, касаясь длительного спора об участии Строгановых в походе Ермака, утверждает, что сведения о богатых солепромышленниках и не могли появиться в Есиповокой повести. Последняя прославляла казаков как исполнителей божественной воли, а этому противоречили бы известия об их действиях на Волге и в Строгановских вотчинах. Официальную оценку похода Ермака Н. А. Дворецкая считает обусловленной классовой борьбой, которая приводила господствующий класс, помимо других мер, к усилению идеологического воздействия. Оно состояло в том, что народный герой Ермак, выразитель общественного протеста, изображался верным слугой царского самодержавия и православной церкви.

---

[1] См. *Н. А. Дворецкая,* Официальная и фольклорная оценка похода Ермака в XVII в., «Труды отдела древнерусской литературы», т. XIV, М.—Л., 1958, стр. 330—334.

[2] См. там же, стр. 333.

Народное прославление Ермака как национального героя было отмечено и подчеркнуто В. И. Дуловым в его рецензии на школьный учебник истории, поднимающей принципиальные вопросы присоединения Сибири [1].

Защитником «строгановской теории» в 1949 г. вновь выступил известный исследователь истории Строгановых, профессор А. А. Введенский [2], повторивший уже сложившиеся в ходе многолетней дискуссии старые и приведший новые аргументы в защиту своей позиции. Несомненным является его утверждение, что Строгановская повесть — ценный и важный источник. Опровергая наблюдения А. И. Андреева, А. А. Введенский излагает более убедительные палеографические доказательства, свидетельствующие о том, что Строгановская повесть составлена (судя по бумаге и почерку) в первой половине XVII в. Отсюда он делает правильный вывод об ошибке С. А. Адрианова в том, что Строгановская повесть основана на Есиповской. Однако дальше, решая сибирский вопрос, А. А. Введенский произвольно отбирает из повестей нужные факты и отвергает те, которые противоречат его версии, воскрешая построения своих предшественников, особенно А. А. Дмитриева.

Подобно последнему, А. А. Введенский сам делает значительную уступку противникам «строгановской теории», выдвигая соображение о том, что поход Ермака в Сибирь не был единоличной инициативой Строгановых: «Нельзя полагать, — пишет он, — что поход Ермака в Сибирь есть единоличная инициатива Строгановых или единоличная инициатива никем не руководимых казаков во главе с Ермаком. Если Строгановы и действовали единоличной инициативой в деле непосредственной отправки дружины Ермака в Сибирь, то так действовали Строгановы в духе и в смысле общих указаний и инструкций Московского правительства» [3].

---

[1] См. *В. И. Дулов,* Вопрос о завоевании Сибири в освещении школьного учебника, «Сибирские огни», 1951, № 6, стр. 140—142.

[2] См. *А. А. Введенский,* Строгановы, Ермак и завоевание Сибири, «Исторический сборник Киевского государственного университета», 1949, № 2.

[3] См. там же, стр. 23.

Едва ли можно допустить, чтобы Московское правительство, преувеличивавшее к тому же военные силы Сибирского ханства, ставило перед Строгановыми, как пишет А. А. Введенский, задачу «обуздания агрессии сибирского хана Кучума» [1]. При тех данных, или вернее при отсутствии данных у Московского правительства о Сибирском ханстве, оно не могло думать так, как ему приписывает А. А. Введенский, тем более потому, что все население Строгановских вотчин составляло лишь 400 человек мужского пола.

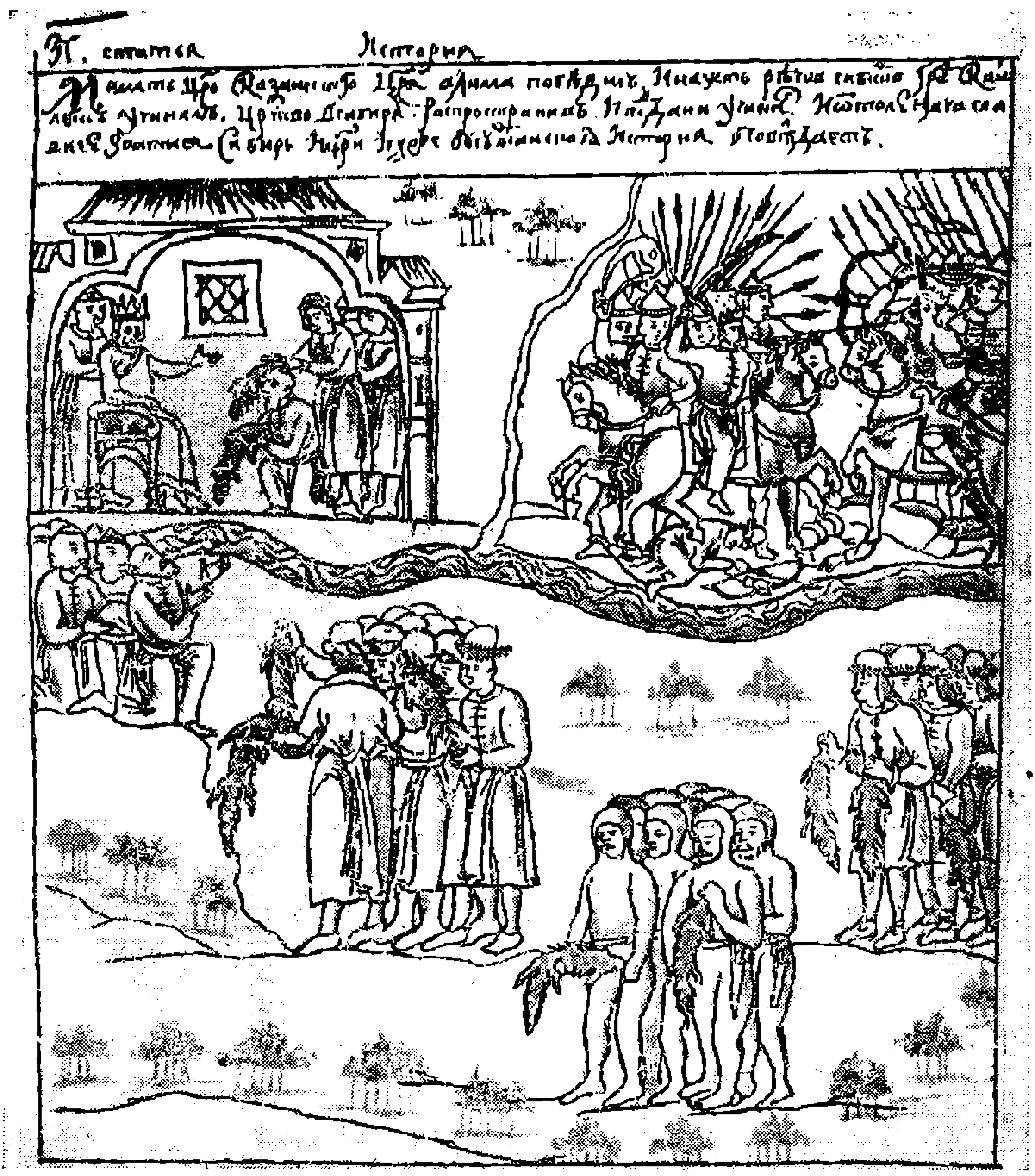
Отсутствие в повести Есипова рассказа о приглашении Строгановыми Ермака объясняется А. А. Введенским тем, что Есипов просто выпустил ненужный для его концепции факт, имеющийся в общем протографе [2]. Однако откуда известно, что в протографе имелось такое сообщение, если протограф до нас не дошел. Кроме того, у нас имеется свидетельство Кунгурской повести и Ремезова, где Строгановы, хотя и упоминаются, но совсем не в плане гостеприимных хозяев, а невольных соучастников казачьего предприятия. Неубедительно звучит и довод о том, что по дороге в Сибирь казаки не могли бы проплыть безнаказанно мимо Казанской крепости, если бы их поход не был бы, так сказать, легализован. Но нам неизвестно, во-первых, прошло ли это безнаказанно вообще, ибо мы не можем судить об этом опять-таки из-за отсутствия данных, а, во-вторых, пройти или не пройти через охраняемый объект — дело случая, и история может назвать здесь не один пример за и против.

Вслед за А. А. Дмитриевым А. А. Введенский обращается вновь к «Сказанию Сибирской земли» — памятнику, сомнительность которого была доказана еще Адриановым в полемике с Дмитриевым. Еще более недостоверной представляется ссылка А. А. Введенского вслед за Дмитриевым на пищаль с дарственной надписью Ермаку от Максима Строганова. Недостоверность этого была доказана еще более пятидесяти лет тому назад

---

[1] *А. А. Введенский,* Строгановы, Ермак и завоевание Сибири, «Исторический сборник Киевского государственного университета», 1949, № 2, стр. 23.

[2] См. там же.



Городище Кашлык (Искер), столица царства Кучума.

Краткая сибирская летопись (Кунгурская), СПб., 1880, ст. 17.

А. С. Адриановым, тем не менее на основании этой посылки А. А. Введенский делает вывод о предварительной подготовке Строгановыми похода Ермака и даже о существовании в Пермских вотчинах литейных заводов. Правда, А. А. Введенский отступает в одном случае от Дмитриева — признанием того, что мизерное население

строгановских вотчин не дает возможности установить, права ли Строгановская повесть, определяя цифру отряда, приданного Ермаку, в 300 человек. Совершенно непонятными остаются и причины, по которым Строгановы не сочли нужным осведомить Московское правительство и чердынского воеводу о создании «вотчинной армии» и о посылке дружины Ермака в Сибирь, если, как считает А. А. Введенский, это происходило с ведома или по крайней мере с одобрения властей. По необъяснимой своей халатности (если следовать за Л. А. Введенским) Строгановы получают опалу от самого царя Ивана Грозного, направившего им гневную грамоту 16 ноября 1581 г. А. А. Введенский здесь снова в связи с упомянутой грамотой задает три вопроса своим оппонентам — три вопроса, которые в свое время уже задавал А. А. Дмитриев и на которые отвечал С. А. Адрианов.

Непрочность некоторых построений А. А. Введенского объясняется его крайней позицией в «строгановской теории».

Сторонники этого направления получили новое подкрепление статьей В. И. Сергеева «К вопросу о походе в Сибирь дружины Ермака» — результата кропотливой работы автора над разнообразными письменными источниками [1]. В. И. Сергеев дает новую датировку Сибирского похода: начало — 1 сентября 1578 г., взятие Кашлыка (Искера) — 26 октября 1582 г., гибель Ермака — 6 августа 1585 г.

Не вдаваясь в анализ сибирских повестей, В. И. Сергеев считает наиболее достоверным источником для периода подготовки и начала похода Ермака Строгановскую повесть. Что касается Есипова, то последний — как полагает автор статьи — выпустил рассказ о Строгановых как несоответствующий его концепции. За Есиповым последовал С. У. Ремезов. Инициатива Строгановых в Сибирском походе у В. И. Сергеева не вызывает сомнений, хотя в противоречии со сказанным он утверждает, что «казачья масса сыграла активную роль в завоевании Сибири» [2].

---

[1] См. *В. И. Сергеев,* К вопросу о походе в Сибирь дружины Ермака, «Вопросы истории», 1955, № 1, стр. 117—129.

[2] Там же, стр. 129.

Впрочем, для В. И. Сергеева эти вопросы составляют лишь фон его главной темы — хронологии похода Ермака. Статья эта, сама по себе важная для дальнейшего изучения датировки событий, связанных с присоединением Сибири, интересна и как показатель той неутихающей борьбы мнений по сибирскому вопросу, характерной для советской историографии Сибири вплоть до самого последнего времени.

Таким образом, несмотря на 300-летнюю давность, сибирский вопрос до сих пор остается нерешенным. Главная причина этого явления состоит в том, что материал для суждения слишком мал и противоречив. Поэтому остаются в силе слова, сказанные историком И. Тыжновым по сибирскому вопросу еще в 1898 г.: «Старались разрешить его и генералы науки, и простые рядовые, однако решению он не поддается. Причина этого явления чрезвычайно проста: до настоящего времени нет основы для его разрешения. Как это ни странно, и даже удивительно, — однако это так» [1].

За время, прошедшее после революции, советская историческая наука в области сибиреведения обогатилась целым рядом достижений. Советские историки обосновали новую схему сибирского летописания, открыли протограф сибирских летописей, отделили как самостоятельную Кунгурскую повесть, дали палеографическое исследование сибирских повестей, наметили основы хронологии, составили общую сводку источников XVII в. и т. п.

Не менее важным был и общий взгляд на присоединение Сибири. Если дворянско-буржуазная историография рассматривала присоединение Сибири как завоевание, то советская историография на основе углубленного изучения фактического материала отвергла эту точку зрения. Присоединение Сибири рассматривается советскими историками как преодоление огромных пространств на Востоке, имеющего характер мирного освоения страны. Для буржуазной русской историографии присоединение Сибири заканчивалось разгромом царства

---

[1] *И. Тыжнов,* Новейшие труды по истории покорения Сибири, «Сибирский сборник», кн. I, Иркутск, 1898, стр. 73.

Кучума дружиной Ермака. В то же время для советской историографии поход Ермака лишь положил начало присоединению Сибири к Русскому государству, устранив ханство Кучума как препятствие на пути русского освоения восточных земель.

Однако даже эти успехи не решили сибирской полемики. История длительного сибирского спора показывает, что одной из причин, препятствующих его правильному решению, являются крайности научных направлений. Каждое из них односторонне отдает предпочтение одной силе, решившей присоединение Сибири (или народу, или торговым элементам, или государству), отрывая ее действия от общей обстановки в России и практически игнорируя остальные факторы. Недаром еще С. Ф. Платонов призывал освободиться от мусора ненужной полемики и начать новое изучение старой темы [1].

При настоящем состоянии исторических источников и при современном положении в науке наиболее правильным представляется освещение событий, данное в Кунгурской повести и у С. У. Ремезова. Открытие С. В. Бахрушиным единого протографа создало предпосылки для сближения противоположных точек зрения. Но самое главное — это обстоятельства сибирского похода: участие в нем Строгановых мы должны предположить с несомненностью, хотя инициатива принадлежала не им, а казакам. Казаки дружины Ермака — не строгановские слуги, а сибирский поход — не инициатива Строгановых. Движение отряда Ермака следует представлять как первую волну мощного потока волыно-народного освоения, влившегося в Сибирь после падения царства Кучума. Дело здесь не в инициативе Строгановых: общий процесс освоения Сибири совершался, хотя и при активном участии Строгановых, но независимо от их воли, как общезакономерный процесс, продиктованный сложными условиями жизни Русского государства. Вместе с тем без Строгановых и созданной ими материальной базы дружина казаков не была бы в состоянии справиться с мно-

---

[1] См. *С. Ф. Платонов,* Строгановы, Ермак и Мангазея, «Русское прошлое», вып. 3, Прг.—М., 1923, стр. 3 (примечание 1).

гочисленным противником, имевшим огромные возможности для маневрирования.

Третьей силой было государство: только царские войска оказались в состоянии удержать Сибирь, что не могла сделать дружина Ермака, несмотря на храбрость казаков и талант их вождя. Правительственные войска окончательно довершили разгром царства Кучума, закрепили Сибирь за Русским государством и обеспечили экономическое освоение края.

Таким образом, присоединение и освоение Сибири могло быть в тех условиях совершено только в сочетании народных, торгово-промышленных и государственных сил, взаимодействие которых представляло собой сложный комплекс противоречий между ними, определяемых в конечном итоге классовой борьбой.

ГЛАВА II

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ СИБИРИ

1. Открытие и присоединение Сибири

Сибирь издавна привлекала внимание русских предприимчивых людей. Первые походы знаменитых новгородских ушкуйников в Печору и Югру (нижняя Обь) летописцы относят к XI в. Вполне вероятно, что открытие Сибири новгородцами произошло еще раньше.

Несмотря, однако, на попытки новгородцев утвердиться на нижней Оби, в Югрии, эта страна лишь номинально считалась им подчиненной. В действительности югричи были фактически самостоятельными, и связь между ними и новгородцами состояла лишь в периодических сборах дани.

Поспешные экспедиции в тогда еще незнакомую страну могли привести к получению только отдельных отрывочных известий. Из Новгорода проникали по ту сторону Урала военные и торговые люди: естественно, что характер их деятельности наложил отпечаток и на сведения, которые они приносили по возвращении домой. Переданные летописцу через вторые или даже третьи руки, эти сведения обрастали легендами.

Таковы данные, содержащиеся в Никоновской, Ипатьевской и Новгородской четвертой [1] летописях. Этот новгородский цикл известий о Сибири завершается наиболее выдающимся произведением своего рода — сказанием «О человецех незнаемых на восточной стране и языцех розных» [2]. Оно содержит в себе много положительных сведений о Западной Сибири, представляя собой первый связный рассказ о сибирских народах. Эти данные охватывают большую территорию — от полуострова Ямал до Алтая включительно и от Уральского хребта до реки Таз [3]. Несмотря на краткость содержания, Сказание поражает обилием сведений, которое оно дает. В самом деле, в нем читатель может почерпнуть данные географические (о девяти племенах и их расселении), этнографические (внешний вид ненецких (самоедских) племен, образ их жизни, быт, пища, орудия, шаманство), экономические (разработка рудных богатств, немой торг, предметы торговли: соболи, песцы, оленьи кожи, пыжи) и даже идеологического характера (представления о загробном мире). В Сказании ясно прощупывается основная тенденция автора: дать имеющиеся в его распоряжении сведения о товарах и о торговле в Западной Сибири с тамошними племенами. Это произведение было составлено, по всей вероятности, купеческим человеком. Для уровня знаний своего времени оно должно было принести практическую пользу. Недаром Д. Н. Анучин, перу которого принадлежит блестящее исследование сказания «О человецех незнаемых», назвал его «чем-то вроде краткого путеводителя» [4].

Несмотря на разнообразность сведений, новгородский цикл известий о Сибири характеризуется некоторыми общими чертами. Эти данные составлены по слухам, полученным от зырян и вогулов (югричей), облечены в фантастическую форму и отрывочны по содержанию

---

[1] См. «Полное собрание русских летописей» (далее ПСРЛ), т. IX, СПб., 1862, стр. 127; т. II, Прг., 1923, стр. 274; т. IV, ч. 1, Л., 1925, стр. 291.

[2] См. «Сибирь в XVII веке», М., 1890, стр. 3—6.

[3] Река Таз протекает в нынешней Тюменской области.

[4] *Д. Анучин,* К истории ознакомления с Сибирью до Ермака, «Древности», т. XIV, М., 1890, стр. 229.

(в том числе и сказание «О человецех незнаемых»). Вместе с тем они, как правило, указывают на богатства Сибири (особенно пушнину) и содержат положительные сведения географического, этнографического и экономического характера. В самом отборе этих сведений содержится в потенции мысль о необходимости использования богатств северных стран, населенных «немым языком».

В этом смысле можно утверждать, что сказание «О человецех незнаемых» не только завершает новгородский цикл сведений о Сибири, но и предваряет ту программу, которую потом дали наследники новгородских ушкуйников — землепроходцы — в своих многочисленных отписках[1]. Последние по своему содержанию и целям составления, а также по кругу вопросов во многом напоминают Новгородское сказание, в то же время резко отличаясь от него по форме — реалистической и простой, без доли вымысла. Поэтому сказание «О человецех незнаемых» следует считать произведением, представляющим собою переходную ступень от отрывочных, фантастических сведений новгородцев о Югрии и восточной стране за нею к точным, практическим сведениям русских землепроходцев XVII в.

Новгородские военные и торговые экспедиции в Югру продолжались до середины XV в., но со второй половины этого столетия положение резко изменяется. Битва на реке Шелони (1471) покончила не только с вольностями Господина Великого Новгорода, но и с его влиянием в Югре. Отныне роль Новгорода перешла к Москве, которая не только восприняла, но и с каждым десятилетием расширяла северные владения своего предшественника.

В то же самое время в результате феодализации Золотой Орды и усиления местных феодалов по среднему течению рек Оби и Иртыша образовалось Сибирское ханство со смешанным татарским населением, подчинявшим себе часть ханты-мансийских (вогульских и остяцких) племен. Развитие феодализма смешивалось здесь

[1] «Отписки» и «скаски» землепроходцев опубликованы в «Дополнениях к Актам историческим» (далее ДАИ), т. II, III, IV; в сборнике «Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII в.» и др. изданиях.

с сильными пережитками первобытнообщинных отношений, а первобытная религия — с магометанством, которое стало распространяться в среде татарской аристократии. Разноплеменность Сибирского ханства и усиливающаяся классовая борьба были основными факторами, обусловившими его непрочность. Ко всему этому еще добавлялась свирепая борьба за ханскую власть между отдельными родами сибирских князей.

Падение Казанского ханства очистило пути русского проникновения и усилило прямые политические связи России и Сибири. Русское государство вплотную подошло к границам Сибирского ханства и могло оказывать на него непосредственное влияние. В 1555 г. сибирский хан Едигер из рода тайбугинов, пытаясь получить помощь Москвы в своей борьбе за власть с враждебным родом шейбанидов, добровольно подчинился России. Однако положение самого Едигера было весьма неустойчивым и в 1563 г. ханский престол был захвачен шейбанидом Кучумом: «И прииде на них из степи с поля царь Кучум, Муртазелиев сын, со многими воинскими людьми и уби Едигера и Бекбулата, и оттоле прозвася Кучум Сибирский царь», — говорит сибирская летопись [1]. Кучум порвал отношения с Москвой, отказавшись от вассальной зависимости и уплаты дани царю. Более того, он организовывал нападения местных князьков на русские владения в Прикамье.

Правительство Ивана Грозного считало, что развитие мирных отношений с вассальным Сибирским ханством естественным путем приведет к подчинению его России. Этот политический расчет был вызван необходимостью: тяжелые войны с Ливонией, Польшей и Швецией, Крымским ханством, отдаленность Сибири вынуждали царя вести до поры до времени политику, связанную с наивозможно меньшей затратой сил и средств государства. Московское правительство даже в тяжелые минуты борьбы на Западе не упускало из поля своего зрения восточные дела, стремясь к утверждению русской власти в Сибири. Выражением этой целеустремленной политики явилось царское пожалование Строгановых об-

---

[1] «Сибирские летописи», СПб., 1907, стр. 19.

ширными владениями на реках Каме, Чусовой и Тоболе и те широкие права, которые были даны им Иваном Грозным для обороны и дальнейшего расширения края в пользу Русской державы. Строгановские владения служили опорными пунктами русского освоения сибирских земель. Строгановы сыграли важную роль в истории присоединения Сибири. Это были богатые солепромышленники-купцы, вышедшие из крестьян [1]. Трудно сказать, каким образом они очутились в Прикамье, вероятнее всего их занесла сюда с севера России волна заселения. Основателем могущественной купеческой династии Строгановых был Аника Федорович. Уже при нем эта фамилия стала богатейшей, наживавшей огромные барыши на заведении промыслов и на торговле. Он же начал энергичное заселение своих пермских вотчин, призывая на них русских крестьян. При сыновьях Аники Федоровича — Григории и Якове Аникиевичах, продолжавших дело своего отца, — Строгановы получили от царского правительства обширные льготы и права, целью которых было укрепление и дальнейшее расширение русского влияния на Востоке (1558, 1564). Предприимчивые и энергичные промышленники ставили укрепленные городки, «называли» к себе всяких «охочих и вольных» людей и вооружали их «снарядом скорострельным, пушками и пищалями». Обширные владения Строгановых по рекам Каме и Чусовой, постепенно расширяясь, перешагнули за Урал, а в 1574 г. они получили от имени царя Ивана IV право распоряжаться огромной территорией, включающей бассейн рек Тобола, Оби и Иртыша. Правда, эта территория еще не принадлежала Московскому государству; ею владел сибирский хан Кучум.

Другой путь заселения шел через северный Урал, а также «морским ходом» — через Югорский шар, Карское море, затем волоком через полуостров Ямал в Обскую губу, в устье рек Оби и Таза. На реке Таз русскими людьми было поставлено несколько острожков, бывших опорными пунктами политических и торговых сношений с местными племенами хантов и ненцев. Эта местность

---

[1] См. *А. А. Введенский*, Происхождение Строгановых, Вологда, 1923.

называлась (ставшая впоследствии знаменитой) Мангазеей — второй после Строгановских городков опорной базой северного русского пути освоения Сибири.

В великом русском освоении Сибири приняли участие все классы русского общества и все области Московского государства. Оно имеет свои исторические корни, глубоко уходящие в экономику и социальный строй Русского государства.

Во-первых, развитие феодальной экономики, натуральной по своей природе, шло главным образом не по линии роста техники и производительности труда, а за счет освоения новых земель, которые давали питательные соки для роста феодальной экономической системы, укреплявшей себя расширением объектов эксплуатации.

Вторая причина состояла в постоянном усилении феодальной эксплуатации внутри страны, которая достигла своей кульминации перед крестьянской войной и польско-шведской интервенцией начала XVII в. Масса разнообразного народа бежала из европейской части России на Восток в поисках воли и «новых землиц», свободных от крепостного права. Эти люди и составили передовые отряды, начавшие освоение Сибири.

Развитие товарно-денежных отношений и первоначальное накопление капитала было третьим фактором, обусловившим освоение Сибири. Оно было связано с мировой торговой конъюнктурой, резко изменившейся в связи с «революцией цен» на Западе в XVI в. Моржовые клыки и особенно «мягкое золото» (пушнина) Сибири давали огромные прибыли, толкавшие торговцев и промышленников к дальнейшему проникновению на Восток. Сочетание народной, торгово-промышленной и правительственной деятельности и составило общий процесс освоения Сибири.

Однако все это переселенческое движение, начатое еще новгородцами, сначала шло чрезвычайно медленно.

С конца XVI в. начинается совершенно новый, ничем не сравнимый с предыдущим по темпам и масштабам период освоения Сибири. Удар, нанесенный Сибирскому ханству дружиной Ермака, открыл широкий проход мощному потоку русской колонизации, за короткое время

стремительно залившему Сибирь от гор Урала до берегов Тихого океана. Кто знает, может быть, действия атамана Ермака на Волге были выражением общественного протеста низов против тирании господствующих классов, нередко проявлявшегося в форме разбойничьего движения. Во всяком случае, так рисуют Ермака русские народные песни. Поход дружины Ермака с Волги в Сибирь не был случайностью, а представлял собой историческую закономерность: казаки были головным отрядом русской народной колонизации Сибири, а строгановские вотчины — его первоначальной базой боевого и продовольственного снабжения.

Снаряженный Строгановыми и предводительствуемый выдающимся вождем, отряд Ермака достиг великих успехов и занял столицу Сибирского ханства 26 октября 1582 г. Сибирское ханство, представлявшееся до сих пор силы необыкновенной, оказалось рыхлым и непрочным: оно распалось от первого удара небольших сил, правда, сравнительно хорошо технически оснащенных. Но как бы то ни было, дружине Ермака оказалось не под силу удержать завоеванное. Трагический конец Ермака и последующее отступление его отряда ясно показывают это. Только вступление царских войск в Сибирь решило дело: непреклонный враг России Кучум еще долго боролся за свои прежние владения, пока не был окончательно разбит русскими войсками в 1598 г.

В сущности поход Ермака был первым и последним более или менее крупным военным предприятием русских в Сибири. Конечно, и после него происходили столкновения с остатками Сибирского ханства, но они носили, как правило, лишь характер отдельных стычек. В целом русское продвижение в Сибири, несомненно, носило характер освоения огромной малонаселенной территории, жители которой были разбросаны маленькими группами в «океане земли». Ермак начал продвижение; со времени его похода открывается новая эпоха в истории Сибири, России да и всей Азии. В течение 50—60 лет русские землепроходцы прошли Сибирь от края и до края. В 1648 г. Семен Дежнев уже обогнул Азию с северо-востока; одновременно казаки уже действовали на Амуре, а в конце XVII в. Атласов прошел Камчатку.

К концу XVII в. Сибирь была включена в состав Российского государства.

Присоединение Сибири к России имело огромное историческое значение.

Прежде всего Сибирь потенциально была колоссальным экономическим районом с его пушными богатствами, лесами, плодородными землями и богатейшими недрами. С каждым десятилетием Сибирь раскрывала человечеству свои доселе глубоко запрятанные богатства, сторицей воздавая за труд, затраченный на ее освоение.

Сибирь была первоначально безлюдной и дикой страной. Она стала источником многочисленных богатств только после того, когда к ней был приложен огромный человеческий труд, усилия поколений народов и, конечно, прежде всего великого русского народа. Через Сибирь Россия вступила в тесное соприкосновение с Китаем, Японией и Средней Азией, а это создало совершенно иные историко-политические комбинации и не могло не оказать известного влияния на ход мировой политики. Последствия этого особенно благотворно проявляются в наше время, когда пробудились народы Востока.

Сибирские народности и племена, часть из которых находилась еще в состоянии варварства, через посредство русского народа были приобщены к мировой цивилизации и неуклонному развитию, получившему мощный толчок благодаря Великой Октябрьской социалистической революции.

Однако, говоря о прогрессивном значении присоединения Сибири к России, мы не должны забывать о жестоком угнетении местного населения, безудержной эксплуатации и грабеже царской администрации, хищнической эксплуатации богатств страны и беспощадном подавлении всякого сопротивления.

Присоединение Сибири имело неоценимое значение для развития мировой и русской науки. Оно доставило огромный естественнонаучный материал и неизмеримо расширило географические познания цивилизованного мира. Особенно расширились горизонты таких научных дисциплин, как география, естествознание, этнография, геология и языкознание. «Открыв Сибирь образованному миру, Россия не жалела средств на ученые экспедиции

в эту страну чудес и резких противоположностей, и изучение ее обогатило и естествознание, и землеведение, и этнографию новыми полноценными сокровищами»[1].

Грандиозная сибирская Одиссея была совершена инициативой простых русских людей (в своей массе оставшихся безвестными), без больших затрат со стороны государства, в самых трудных условиях — суровой стужи, голода, огромных пространств и полной неизвестности впереди. Первоначальное заселение Сибири представляло собой один из самых ярких примеров роли народных масс в истории. Это было поистине массовое народное движение в поисках земли и воли.

Из кого же состояли эти смелые люди? Это были казаки, служилые и промышленные люди, а также крестьяне. В своей массе они были свободолюбивыми, смелыми и суровыми людьми, предпочитавшими крепостному рабству борьбу не на жизнь, а на смерть со стихиями природы в неведомой стране. Но и тут, в Сибири, многие из них попадали в кабалу и подвергались эксплуатации разбогатевшими предпринимателями. Это приводило к тому, что те, кто не мог найти себе места для приложения своих усилий, те, кто и здесь сталкивался со старой, внушавшей отвращение картиной угнетения, вновь двигались вперед в поисках необжитых земель. Но если одних устремляло свободолюбие, то других — жажда наживы и славы, а третьих — обязанность службы. Однако, если сложить все это вместе, мы не получим внутреннего портрета землепроходца, если не прибавить дух предприимчивости и любознательности, толкавших этих простых, но великих духом людей к новым открытиям. Но и этого мало: собирательный тип землепроходца гораздо сложнее, чем может представиться на первый взгляд. Во многих из них борьба против царской администрации сочеталась потом с ревностной службой по «приисканию новых землиц», побеги — с объясачением «иноземцев» и подведением их «под государеву руку», элементы анархизма — с соблюдением государственных интересов, жажда богатства — с бескорыстным отправ-

---

[1] *Е. Замысловский,* Занятие русскими Сибири, ЖМНП, 1882, ч. CCXXIII, октябрь, стр. 246.

лением «самим собою», за свой собственный счет и риск в опасную экспедицию. Наконец, на всем этом лежал налет безудержной удали и самоотвержения. Сибирь давала широкий простор предприимчивому духу своих пионеров для проявления их личных качеств, ума и воли.

В этом смысле не лишены интереса две биографии служилых сибирских людей, которые представляют собой типичный пример.

В октябре 1659 (7168) г. в Красноярскую съезжую избу подал воеводе «скаску» сын боярский Севастьян Самсонович Кубенин, который сравнительно подробно изложил внешние события своей жизни[1]. Род его ведет начало из Великого Новгорода, а отец Севастьяна Самсонова родился в Пежемской волости и был тяглым человеком. Оставшись семнадцати лет без отца и средств в смутное для Русского государства время, Севастьян Самсонов «сошел охотою своею в полк к боярину Борису Михайловичу Лыкову, к Вологде». С этим полком ходил он на Белоозеро, а оттуда под Картополь. В 1617 (7125) г. жизнь Севастьяна Кубенина резко поворачивается; он говорит об этом довольно неохотно и глухо: «И после того, я, Севастьянко, сошел в Сибирские городы в 125 (1617) г. гулящим делом...» Здесь нуждались в каждом русском человеке, не особенно интересуясь, почему именно он появился, и поверстали его в казачью службу. Кубенин, «пришед на Красной Яр (Красноярск), острог ставил (1628) и служил всякие государевы службы — конные, пешие и струговые». Ходил он в Киргизскую землю, где «бился явственно, убил мужика», на Тубинского князька, в Каманинскую землю — для государева ясачного сбору. Посылали его, государева человека, к бурятам, в Братскую землю с войною и даже с дипломатическим поручением к качинцам и аринцам (которые отъехали к киргизам) призывать их вернуться под высокую государеву руку на свои старые кочевья, в чем он и успел. Потом ходил он «приискивать новую землицу», плыл на стругах вверх по Енисею, принимал шерть у улусных людей, приводил к шерти других, брал ясак у аманатов. Затем вновь ходил в 159 (1651) г. в Брат-

[1] ДАИ, т. IV, СПБ, 1851, стр. 179—181.

скую землю, где собирал ясак «весь сполна без недобору да вновь приискал Югденскую землицу и взял с них восемь соболей, и по сю пору с той Югденской землицы ясак государев платят».

«И за те мои службишка, и за ясачный сбор и за прибыль... по той государевой грамоте велено мне в Красноярском остроге службу служить в детях боярских, а оклад мне учинен на Москве государева жалованья семь рублев денег, да хлеба семи четей, соли указано против иных красноярских детей боярских».

Другой служилый человек — Демьян Лидронович Злобин, сын боярский, из Стародуба Северского. Рано потеряв отца, он ушел на Дон, где и «гулял» шесть лет во время смуты. Затем он оказался в Москве, во время царствования Василия Шуйского попав в самый водоворот событий крестьянской войны и польско-шведской интервенции. Сидел Злобин в Коломне, осажденной польскими отрядами, бился с ними же под Москвою, Смоленском и Любечем, и «На бою поляка и немчина живого взял», ранен был несколько раз. Довелось ему служить и под знаменами великого русского патриота князя Димитрия Михайловича Пожарского — под Калугою и в Боровске. Но затем зашумело в голове у сына боярского, захотелось ему воли: «И после тое службы отъехал я на Дон и на Дону гулял полпята года, а с Дону я выехал к Москве в станице с атаманом Наумом Шелудяком, и за то сослан в Сибирь в Тоболеск». Зачисленный на службу, он попал отсюда в Красноярский острог, где был назначен атаманом.

В течение многих лет (с 1630 г.) со служилыми людьми ходил он на «государевых изменников» «в Киргизы и в Кан», «в Тубу и в Моторы» и в Братские земли; били «изменников и непослушников», пленных приводили в Красноярский острог. Вся его жизнь состояла в бесконечных переходах, походах, боях и преследованиях, имеющих ту цель, чтобы туземцы «были послушны и под государевою царскою высокою рукою в вечном холопстве». Наконец, в 1657 г. была прислана из Москвы грамота, отставляющая Демьяна Злобина от службы: «потому что я, Демка, устарел; и сынишка мой Мишка по государеве грамоте в Красноярском остроге в мое место

в атаманы поверстан в мой оклад денежной и хлебной и соляной».

Обе эти биографии, сохраненные для нас Г. Ф. Миллером, представляют собой жизнеописания участников больших и сложных событий русской жизни первой половины XVII в. как в центральной России, так и в Сибири. От патриотической борьбы за самостоятельность России они переходили в «гулящее дело» и от последнего — к тяжелой службе в Сибири, где они ставили остроги — будущие города — и в то же время «жесточью» расправлялись с «государевыми изменниками».

Было бы ошибкой считать, что продвижение землепроходцев совершалось без всякого порядка, стихийно. Московское правительство пыталось внести организованность во все эти предприятия: сначала оно занималось им непосредственно само, а потом это дело перешло в руки местных сибирских властей — воевод. Наряду с правительственной инициативой и часто взамен ее действовали на свой риск и страх служилые, промышленные люди и крестьяне, собираясь в партии и отправляясь за свой счет в далекие предприятия. Вслед за землепроходцами шло уже обязательное государственное закрепление территории с помощью военных отрядов, а в дальнейшем — строительство опорных пунктов (городов) и деятельное переселение русских людей во вновь открытые земли. Усиление крепостного режима в центральной России вызвало бегство крестьян в Сибирь, где не было помещиков, а власти здесь нуждались в каждом русском человеке.

Сибирь не могла быть присоединена к России посредством оружия. Только мирные средства — освоение и заселение — могли привести к закреплению края за Московским государством. Эта задача была осуществлена народными массами, усилиями которых Сибирь была превращена в земледельческий район. Заселение Сибири русскими крестьянами из Московской Руси началось еще в конце XVI в. На огромном протяжении Сибири основывались города и села, заводились пашни, культивировались земли. Если уже говорить о покорении Сибири, то основным его оружием был не меч, а орало. Именно земледельческая колонизация решила дело. Русских

было больше, чем аборигенов, русские несли сибирским народам более высокую культуру и технику; они не вмешивались во внутренние дела и веру местных жителей, проявляя исключительную терпимость.

2. «Отписки» и «скаски» землепроходцев как исходная основа сибирской историографии

Открытие и освоение Сибири сопровождалось ее научным изучением. Честь первооткрытия новых земель принадлежит славным русским землепроходцам, которые оставили нам живые записи того, что впервые было увидано в Сибири пытливым оком цивилизованного человека. Эти драгоценные свидетельства очевидцев представляют собой служебные документы, написанные в виде донесений властям — «отписок», «скасок» и челобитных. Отдельные «отписки» землепроходцев, может быть, маловажны, но, сложенные вместе, они дают богатейший историко-культурный материал разнообразного содержания. С внешней стороны они одинаковы по способу изложения и рисуют почти всегда один и тот же круг вопросов. Это их объединяет, но в то же время они неповторимо индивидуальны, отражая внутренние черты автора, его самобытный подход к изучаемым явлениям. Особенный колорит этих «отписок» заключается в том, что они составлены не учеными и не писателями, а представителями народа, самим народом, отражая чисто народные представления и восприятия событий. Они демократичны и по способу своего составления, являясь плодом наблюдений и восприятий целых поисковых групп, т. е. коллективного разума.

Хронологически «отписки» землепроходцев охватывают время с конца XVI по начало XVIII в., а территориально — всю Сибирь. Особенностью «отписок» и «скасок» землепроходцев было то, что они не утрачивали своего значения весь XVII в., постоянно имея всю ту же ценность новизны и открытия, потому что движение на восток непрерывно продолжалось, а значит, и оставался тот же способ открытия и описания новых земель.

Мы не видим в документах, оставленных землепроходцами, никакого намека на всякого рода чудеса, так

характерные для летописцев того же времени. В связи с этим стоит отметить, что «отписки» землепроходцев лишены богословского характера, за исключением, может быть, трафаретных формулировок, изредка попадающихся во вводной части.

Все эти черты «отписок» землепроходцев, как-то: простота, реализм, достоверность, в большей степени были обусловлены целями составления указанных документов. Последние были чисто практического свойства: землепроходцы старались зафиксировать все, что касалось прежде всего путей проникновения в страну, а также ее ценности с точки зрения государственных интересов. Второй важной целью было показать прохождение своей службы для получения жалованья от казны, которая так нарочито небрежно, с огромным запозданием его выдавала. Вместе с тем землепроходцы были людьми, обладающими большим природным умом, жизненным опытом, закаленными в борьбе, проникнутыми жаждой предприимчивости и духом любознательности. Сталкиваясь с новыми условиями природы и с неведомыми им людьми, их обычаями и нравами, они не могли не обратить на них внимания и не зафиксировать их более или менее полно в своих донесениях. Следует смело сказать: все то, что можно было увидеть и услышать, а также понять (без специальной профессиональной подготовки) в области географии, этнографии, геологии, ботаники, зоологии и т. п., было замечено и зафиксировано землепроходцами. В этом смысле можно говорить о научной ценности их «отписок». Следует отдать должное московскому правительству и местной сибирской воеводской администрации: в их наказах людям, отправляющимся «проведывать новые землицы», содержался весьма подробный в научном смысле слова перечень сведений, какими интересовались власти в самых различных областях жизни и экономики.

Несмотря на общий описательный характер «сказок» землепроходцев, они, несомненно, составлялись с определенных позиций, обусловивших как отбор материала, так и его освещение. Было бы, конечно, в данном случае неуместно говорить о какой-либо концепции: речь идет о стихийно слагавшихся взглядах на окружаю-

щую действительность (природа и человек). Относительная одинаковость условий и исходных позиций землепроходцев позволяет установить и определенные их политические позиции, под углом зрения которых составлены их «отписки», где они пытались осмыслить ход того исторического процесса, непосредственным участником которого они сами были. Основная их, так сказать, политическая линия — это *государственная польза,* государственные интересы. Исходя из государственной важности своих действий, значимость которых для будущего они отлично понимали, землепроходцы в своих «отписках» выдвигали две основные проблемы: 1) освоение открытых земель и 2) перспективы дальнейшего движения вперед и целесообразность занятия новых «землиц». Себя они рассматривали как представителей Русского государства, призванных нести тяготы и лишения, падающие на долю первооткрывателей.

Однако практическое понимание государственной пользы землепроходцами было обусловлено их народным сознанием, близостью к эксплуатируемой массе и не совпадало с толкованием того же понятия воеводской администрацией. Это выразилось прежде всего в отношении к местному населению, к которому первые пришельцы в Сибирь хотя и применяли насилие, но в то же время и опирались на его помощь и даже защиту в своем движении на восток и в изучении страны. Этот важный момент, несомненно, также отразился в документах, оставленных землепроходцами.

«Отписки» землепроходцев всесторонне охватывают все многообразие явлений, с которыми они встречались в Сибири. Их интересовали пути, реки, залежи металлической руды, охота, рыболовство, земледелие, этнографический состав населения, его язык, нравы и обычаи, возможность и выгодность торговли и т. п. Программа, с которой шли в Сибирь и дальше на восток землепроходцы и по которой они вели «расспросные речи», пытливо изучая страну, исчерпывающе изложена, например, в «отписке» знаменитого Василия Пояркова: «он Василий, расспрашивал про Зию, и про Шилку реку, и про сторонние речки, кои впали в Зию и в Шилку реку, и какие по тем речкам люди живут, и дают ли кому они

ясак от себя, и про серебряную, и медную, и свинцовую руду, и про синюю краску, чем кумачи красят, и на Зие и Шилке реке серебро родится-ли, и медная и свинцовая руда, и синяя краска, чем кумачи красят, есть ли, и камни и кумачи?» [1]

В своих донесениях землепроходцы стремились к наивозможной точности сообщаемых сведений о расстояниях «пешим ходом и конем», местоположении открытых ими поселений местных племен, численности населения, именах «князцов» и взаимоотношениях между последними, а также ремесле и земледелии:

«...а на Зие и на Шилке родится 6 хлебов: ячмень, овес, просо, греча, горох и конопля, да у Балдачи же родится овощ, огурцы, мак, бобы, чеснок, яблоки, груши, орехи грецкие, орехи русские...» [2]

Зоркий глаз землепроходца точно подмечал все:

«А по той де реки по Ульи и живут те тунгусы 4-е роды: килары, долганы, горбыканы, бояшенцы, а тех де родов людей у них много, у одного де Ковыри, которого сын у них был в аманате, боканов ево человек с 500 и больши, а у иных де родов по тому же и больше их улусных людей...

Да они ж де и с того ж острожку ходили морем на Охоту реку трои суток, а от Охоты до Ураку одне сутки...

А те де реки собольные, зверя всякого много, и рыбные. А рыба большая, в Сибири такой нет, по их языку кумша, голец, кета, горбуня, столько де ее множество, только невод запустить и с рыбою никак не выволочь» [3].

Деловое описание, естественно, приводило к чисто деловому выводу, стремлению в деталях предусмотреть необходимые силы и средства для освоения открытой земли:

«А только де государь укажет послать на те реки своих государевых служилых людей человек 30 в куяках,

---

[1] ДАИ, т. III, СПб., 1848, стр. 52.
[2] Там же, стр. 55.
[3] «Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века». Сборник документов, М., 1951, стр. 139—140.

да к тому охочих промышленных будет человек 30 же, и на тех же реках тех тунгусов под государеву царскую высокую руку привесть мочно, и государю прибыль учнет быть немалая, потому что на тех реках немирных землиц тунгуских розных родов людей много, и по тем рекам соболя и всякого зверя много ж, а соболи добрые, черные. А суды б делать зде на Муке реке, а надобно дощеник водою мелок, да к тому дощенику в прибавку 2 струга, с набои однодеревые добрые. И только де отпустят ранее с весны, и на те реки одним летом дотить мочно, потому что только до волоку ходу недель с 8, а волок невелик, только день ходу» [1].

Наряду с точностью следует отметить широкий географический кругозор землепроходцев. Эта широта понятий тем более удивительна, если иметь в виду, что она была приобретена чисто эмпирическим путем, без всякой научной подготовки.

Широкий географический кругозор характерен особенно для Михаила Стадухина, оперировавшего в своих отписках представлениями об огромном пространстве [2], а Семен Дежнев географически верно, в лаконичных выражениях, описал сделанное им великое открытие. То же самое можно сказать и о Василии Пояркове, Ерофее Хабарове и др. Многие из землепроходцев не ограничивались географическим описанием земель, а старались сопроводить их чертежами, как правило, к сожалению, не сохранившимися. Таковы упоминания о чертежах Стадухина, Дежнева [3], Хабарова [4].

Деятельность землепроходцев подчас проявлялась в тонкой политике в отношении местного населения, а также в правильной дипломатической линии, проводимой ими при встречах с представителями иностранных держав. В первом случае как пример особенной удачи надо упомянуть Семена Дежнева и Михаила Стадухина, сумевших в критический момент нападения тунгусов на

---

[1] «Открытия русских землепроходцев...», стр. 141.

[2] См. *Т. Райнов,* Наука в России XI—XVII вв., М.—Л., 1940, стр. 387—388.

[3] ДАИ, т. IV, стр. 22 и 122.

[4] ДАИ, т. III, стр. 261.

реке Оемеконе получить помощь от их же соплеменников, с оружием в руках выступивших в защиту русских [1]. Ерофей Хабаров во время стычек с народами, жившими по Амуру, всячески избегал столкновений с китайцами и стремился установить с ними дружеские отношения: «...И как в кои поры у нас драка была, и те Богдоевы люди по полю все ездили, и бою нашего с Дауры смотрели и к нам, казакам, не стреляли... и назавтрее тое драки те Богдоевы люди послали к нам в город из поля своего человека Богдойского, и тот мужик пришел к нам в город к государскому величеству честно, и стал говорить своим языком китайским... и яз, Ярофейко тому Богдойскому мужику честь воздал, и подарки государевы давал и отпустил его, Богдойского мужика честно в свою Богдойскую землю» [2].

Великие открытия, сделанные землепроходцами, не являются результатом слепого случая, а представляют собой закономерное явление, обусловленное колонизационным движением русских и выдающимися личными качествами первооткрывателей. Как правило, они были талантливыми организаторами, искусными мореходами и великолепными промысловиками. И пусть не говорят, что землепроходцы не понимали значения сделанных ими открытий. Против этого неопровержимо свидетельствуют их же «отписки»: достаточно вспомнить тяжелый спор о приоритете открытия Берингова пролива между Семеном Дежневым и Михаилом Стадухиным. Правда, речь здесь о «корге», богатой моржами, но вместе с ней — и о «Большом Каменном носу», его «Русской стороне» и о «чухчах зубатых», что указывает не только на промысловый, но и в известной степени на географический интерес. Исторический подход к изучаемым событиям позволяет нам не удивляться тому, что открытие Дежнева не произвело особого впечатления ни на Москву, ни на сибирских воевод. Это объясняется низким уровнем географических знаний того времени. Тем не менее этот неграмотный, но талантливый человек по-своему понимает, что им проделано весьма важное дело. Не слу-

---

[1] См. *Н. Оглоблин,* Семен Дежнев, СПб., 1890, стр. 42.
[2] ДАИ, т. III, стр. 361.

чайно спор о приоритете возник именно из-за мыса Дежнева: «А с Колымы реки итти морем на Анандырь реку есть нос, вышел в море далеко, а не тот нос, который от Чухочьи реки лежит, до того носу Михайло Стадухин не доходил, а против того носу есть два острова, а на тех островах живут Чухчы»[1]. Петр Бекетов с гордостью писал в челобитной о своем походе и построении Якутского острога: «А преж, государь, меня в тех местех никакой русской человек не бывал»[2].

Источниками богатых сведений, сообщаемых землепроходцами в сибирские воеводские канцелярии и в Москву, были прежде всего их собственные наблюдения, составляемые в результате проведывания новых земель. Мы уже видели их точность. Другим источником известий, из которого широко черпали землепроходцы, были показания местных жителей. На основании последних составлялись ценные сведения, которые мы находим, например, в «расспросных речах» служилого человека Лавра Григорьева и сына боярского Ивана Ерастова. В основу этих сведений легли показания «колымского князца» Порочи, рассказавшего подробно о северо-восточных реках и населении, живущем по их берегам:

«И он де, Лаврушка, по тому наказу расспрашивал иноземцев юкагирей, ковымсково князца шамана Порочи и жену ево, про серебряную руду — есть ли на которой реке серебряная руда блиско Индигирской реки и сколь далече. И тот де ковымский князец ему, Лаврушке, в распросе сказывал: есть де река Нелога за Ковымою рекою, впала в море своим устьем, а на той де реке Нелоге блиско моря в горе в утесе руда серебряная; а люди де живут у той горы пешие де на одном месте в земляных юртах, а род де у них и язык свой не юкагири, а называютца де оне нанками...»[3]

В «отписках» Дежнев, Стадухин и многие другие землепроходцы нередко ссылаются на рассказы местных жителей, а также упоминают о той помощи, которая была оказана ими. Незнание языка сибирских народов

---

[1] ДАИ, т. IV, стр. 26.
[2] «Открытия русских землепроходцев...», стр. 94.
[3] Там же, стр. 125.

значительно сужало сбор необходимых сведений, а неправильные представления местного населения влекли за собой ошибочные данные и в сообщениях землепроходцев.

Постник Иванов рассказывал: «А Юкагирская де, государь, землица людна и Индигерская река рыбна... И в Индигерь, де, государь, реку многие реки впали. А по всем де по тем рекам живут многие пешые и оленные люди, а соболя и зверя всяково много по всем по тем рекам и землям. Да у юкагирских же де, государь, людей, серебро есть, а где де они серебро емлют, того, он, Посничко, не ведает. И про иные де ему многие землицы юкагири росказывали. А подлинно де, государь, он, Посничко, про те землицы росказать не умеет, потому, мало их юкагирского языку знал...»[1]

Известный служилый человек Михаил Стадухин на основании неправильных сведений, полученных от чукчей, создал легенду об острове против берегов Восточной Сибири, которая продержалась чрезвычайно долго[2]: «И была де у него жонка погромная колымская ясырка именем Калиба, а та жонка жила у тех мужиков, у чюхчей, 3 годы, и она де ему сказывала, что на острову, который в мори, идучи х той Колыме реке судами на левой руке. А учнет де тот остров объявливатца в море от матерой земли в виду на левой руке, идучи от Лены от Святого Носу, а к Яне де реки и от Яны к Собачье, а Индигирка тож, и от Индигирки х Колыме реки идучи, и гораздо тот остров в виду и горы снежные, и пади, и ручьи знатны все... И те де Чюхчи по сю сторону Колымы от своего жилья с той речки зимою Чюхчи переезжают на оленях на тот остров одним днем»[3].

Отбор материала, представленного в «отписках» землепроходцев, происходил естественным образом. Главным его содержанием является описание маршрута походов, путей, рек, стычек с местными племенами и сбора дани (ясака). Оно и понятно: землепроходцы действовали

---

[1] «Открытия русских землепроходцев...», стр. 101.
[2] «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие», 1758, февраль, стр. 101—118.
[3] «Открытия русских землепроходцев...», стр. 221—222.

в незнакомой стране, поэтому знать пути проникновения в нее было жизненно необходимой задачей. Другой важной задачей было принести прибыль за счет ясака и промыслов пушного зверя, рыбы, находок серебра и золота. Поэтому последние вопросы занимают также немаловажное место в документах служилых людей. По сравнению с обилием и глубиной этих сведений человек в «скасках» землепроходцев занимает второе место: сибирское население было крайне редким, а пространство, на котором оно жило, — несоизмеримо огромным.

Сказанное отнюдь не исключает большой этнографической работы, проведенной землепроходцами. Они оставили нам ценные сведения о местообитании племен Сибири, отношениях их к русской власти, сборе ясака, количестве населения, их князьях, торге, родовом строе, вооружении и т. д. Эти описания носят характер перечисления этнографических черт. Описания народностей Сибири в «скасках» землепроходцев неразрывно связаны с общим описанием природы; отдельные этнографические экскурсы встречаются у немногих (М. Стадухин, Н. Колобов, Л. Григорьев, С. Поляков). Особое место занимает знаменитая «скаска» Вл. Атласова, представляющая собою уже результат накопления большого положительного опыта. Атласов дает гораздо более живую и подробную картину жизни племен коряков и ительменов (камчадалов), являющуюся, несомненно, следствием повышения интереса к человеку в конце XVII в. Это уже полное этнографическое описание народности со всеми сторонами хозяйства, общественного строя и быта [1].

В «отписках» русских людей, характеризующих отношение их к сибирским племенам, отсутствует какое-либо высокомерие, чувство превосходства или проявление особой жестокости для того сурового времени. Конечно, землепроходцы не могли не заметить примитивного быта сибирских народностей, но, характеризуя его, они не дают ему какой-либо пренебрежительной оценки, а просто и объективно фиксируют факт. «А бой у них

---

[1] См. *Н. Оглоблин,* Две скаски Вл. Атласова об открытии Камчатки, «Чтения в Обществе истории и древностей российских», кн. 3, М., 1891.

(тунгусов. — *В. М.*) лучной, у стрел копейца и рогатины все костяные, а железных мало, и лес и дрова секут и юрты рубят каменными и костяными топорки...»[1]

На характере описания землепроходцев не могло не отразиться тяжелое материальное положение служилых людей и классовая борьба, в условиях которой проходило занятие и освоение Сибири. Беспощадная эксплуатация и угнетение рядовых промышленных и служилых людей воеводами и купцами вызывали протест, довольно ярко выражавшийся в челобитных. Они производят еще большее впечатление потому, что безыскусно, рукою местного грамотея, рисуется картина исключительно тяжелых условий службы в Сибири. Документы описывают походы, требующие огромного напряжения физических сил и воли, бесконечные переходы в условиях лютой зимней стужи, далекие плавания в утлых кочах по рекам и морям, голод во время экспедиций и столкновения с местными племенами, гибель в походах и боях многих служилых людей: «И многих, государь, побито нас, холопей твоих, на дорогах и переходах, и на морском розбое, и на аманацком имке, и з голоду померло...»[2] Все это дополнялось тем, что служили они очень часто «государеву службу многие лета без государева жалованья», «с реки с воды да с травы», «обдолжали и обнищали, подыматца впредь на государеву службу, по ясачным зимовьям нечем, одежишка и обучишков купить стало не в мочь, наги и босы». В результате люди, приносившие государству неисчислимые богатства, превращались в кабальных: «От тое, государь, нужи мы, холопи твои, обдолжали великими долги, от торговых людей от кабал окупитца нечем, стоим и мучим живот свой на правеже. А как мы, холопи твои, приедем с твоих, государевых, дальних служеб и бьем челом тебе, великому государю, и приносим челобитное к твоим, государевым, стольникам и к воеводам, и к дияком в Якуцком остроге о твоем, государеве, заслуженных лет о хлебном и денежном жалованье, и твои, государевы

---

[1] «Открытия русских землепроходцев...», стр. 139.
[2] Там же, стр. 267.

столыники и воеводы, и дияки нам, холопям твоим, в твоем, государеве, в заслуженных лет в хлебном и в денежном жалованье отказывают, что де в твоей, государеве казне хлеба и денег нет» [1].

Гнет сибирских воевод, купцов и предпринимателей давил как местное население, так и пришедших сюда русских жителей Сибири. Классовая борьба угнетенных — местных жителей и русских пришельцев — выливалась в Сибири в отдельные моменты в стихийные народные восстания, которыми изобилует XVII в. Она нашла свое отражение в «отписках» русских землепроходцев, в форме жалоб на притеснения администрации и хищничество ростовщиков, прерываемых нотами протеста. Такая форма объясняется тем, что челобитные землепроходцев подавались просителями в царскую администрацию. Это приводило часто к досадной лаконичности их языка, нередко чисто канцелярским оборотам во вкусе XVII в. и отдельным трафаретным выражениям.

Следует сказать, что обращение к царю и часто встречаемые обороты речи, вроде «божиею милостью и твоим, великого государя счастием», имели чисто формальный характер, которым ни авторы, ни представители царских канцелярий никакого смысла не придавали, считая их необходимыми только для соблюдения бюрократических приличий того времени.

Наряду с лаконичными, отрывисто-короткими сведениями имеются весьма объемистые, занимающие много страниц «отписки». Такова, например, «отписка» Ерофея Хабарова о его походах по Амуру, занимающая в типографской печати 12 страниц большого формата, отпечатанных убористым шрифтом [2]. Это уже, собственно детальный отчет экспедиции, составленный по точным данным, которые, вероятно, систематически фиксировались. В донесении Хабарова прорывается живое, образное, почти художественное описание событий, нарисованных рукою очевидца.

В истории развития знаний о Сибири землепроходцы первые в массовом масштабе вступили в сибирскую

---

[1] «Открытия русских землепроходцев...», стр. 417—418.
[2] ДАИ, т. III, стр. 359 и след.

землю, открыли и описали ее. Землепроходцы широко раздвинули рамки познаний человечества о мире и оставили последующим поколениям не только задачи дальнейшего освоения Сибири, но и массу документального материала о ней, в отдельных случаях не потерявшего своего значения и по настоящее время.

Зерна знаний о Сибири, заброшенные новгородцами, будучи взращены их наследниками — землепроходцами, — дали необыкновенно обильные всходы в виде накопления в кладовых науки огромного количества ценных сведений самого разнообразного содержания. Уровень знаний о Сибири до похода Ермака был незначительным по сравнению с тем запасом сведений, которые принесли в Россию землепроходцы. Сибирь теперь перестала быть «незнаемой страной». Изучение Сибири привело к великим географическим открытиям, имевшим всемирное значение и благотворно отразившимся на прогрессивном развитии мировой науки.

На основании «отписок», «скасок» и «росписей» землепроходцев в XVII в. стали составляться сводные чертежи и географические обзоры отдельных районов и Сибири в целом. Таковы «Роспись Сибирским городам и острогам» (ок. 1640 г.), Чертеж и описание Годунова, выполненный в 1667 г. в Тобольске, Чертеж Сибирской земли 1672 г. и завершающая географическая работа XVII в. — Чертежная книга Сибири С. У. Ремезова (1701).

На основе, заложенной землепроходцами, выросли впоследствии исторические сибирские повести. Основная часть этих повестей об истории присоединения Сибири вышла из так называемого «Написания», составленного казаками дружины Ермака в виде «отписки» в обычной манере землепроходцев. «Написание» до нас не дошло, но по синодику Киприана и сибирским повестям (Строгановской и Есиповской) мы можем судить о нем. Другая повесть, Кунгурская, не восходящая к первоначальному «Написанию», еще более проникнута народным духом и напоминает по своему характеру «отписки» землепроходцев, в частности Ерофея Хабарова [1].

---

[1] См. *С. В. Бахрушин,* Научные труды, т. III, ч. 1, стр. 41.

Выдающиеся произведения XVII в., принадлежащие Н. Г. Спафарию и Ю. Крижаничу, несомненно, в главной своей части были основаны на знакомстве в первую очередь со сведениями землепроходцев, а произведения Н. Г. Спафария даже по своему строению напоминают русские подорожники.

Сведения землепроходцев, синтезированные в сибирских чертежах XVII в., проникали в Западную Европу, обогащая ее знания о северо-восточной Азии. Таковы сведения и карты Сибири К. Проотца, Э. Палькивиста, Н. Витзена, Ф. Авриля и др., скопированные ими в Москве у высокопоставленных должностных лиц. Так, Витзен черпал свои сведения у думного дьяка А. А. Виниуса, Авриль — у Мусина-Пушкина [1], которые в свою очередь пользовались документами Сибирского приказа, в массе своей содержащими «отписки» землепроходцев и грамоты воевод. Кроме того, отдельные иностранцы получали, таким образом, возможность пользоваться архивами московских приказов, как, например, тот же Авриль. В частности, сведения Авриля о реке Колыме, полученные от Мусина-Пушкина, основаны, по-видимому, на сведениях Михаила Стадухина, бывшего первооткрывателем этой реки (1641)[2].

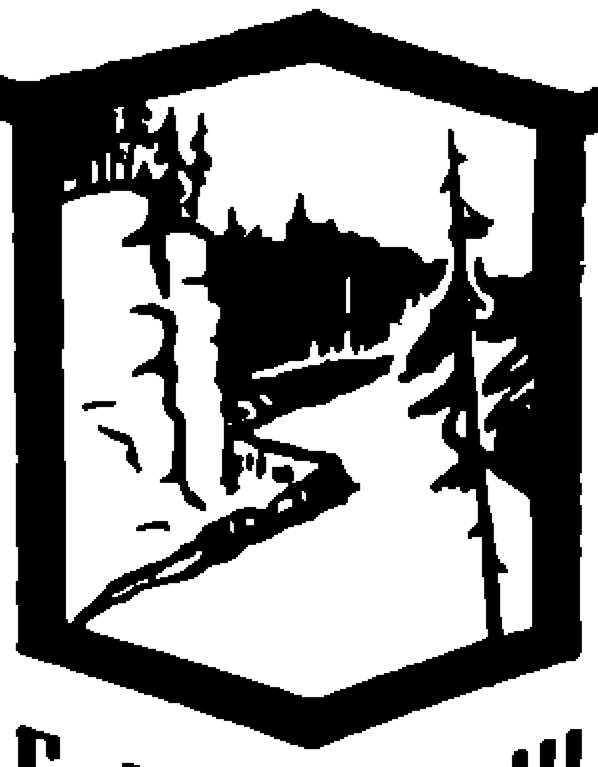
Документы землепроходцев свидетельствуют о первичном чисто практическом периоде изучения Сибири. Новая страна изучается отрывочно, по отдельным ее районам, на первый план выдвигаются интересы, связанные с присоединением новых земель. На этом этапе исследования еще нет каких-либо обобщений. Уровень географической науки тогда был настолько невысоким, что великие открытия землепроходцев оставались часто втуне, без практического применения, хотя о них и было известно, правда, узкому кругу должностных лиц. Московское государство рассматривало в то время сведения землепроходцев как секретные документы и тщательно хранило их от чьих бы то ни было глаз, осо-

---

[1] См. *М. П. Алексеев,* Сибирь в известиях иностранных писателей и путешественников, Иркутск, 1941, стр. 429, 463.

[2] См. там же, стр. 472—473.

бенно опасаясь иностранцев. Тем не менее открытия землепроходцев проникали в общество и постепенно становились всеобщим достоянием в России и в Западной Европе. Сведения, накопленные землепроходцами, стали фундаментом всего последующего знания о Сибири. В этом и состоит главная особенность сибирской историографии, вышедшей из своеобразных народных источников — «отписок» и «скасок» первооткрывателей Сибири.



ГЛАВА III

НАРОДНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ

Каждое из ветвей сибирской историографии XVII в. — народное, официальное и зарождающееся буржуазное — черпало свой материал в основном из одного источника — свидетельств и сообщений землепроходцев. Однако одни и те же факты получали разное освещение в зависимости от угла зрения.

В наиболее чистом виде сведения об исторических событиях и в частности о походе дружины Ермака, сохранила народная письменная и устная традиция. Народные воззрения сформировались и проникли в историческую литературу из записей самих очевидцев знаменитого сибирского похода и тех устных сведений и преданий, которые сохранились в русском (и частично татарском) народе о дружине Ермака. Согласно народной оценке главным действующим лицом в присоединении Сибири был народ, из которого вышла дружина Ермака. Сам Ермак — ненавистник и разоритель бояр, купцов и царских чиновников, представитель народной вольницы. Народ рассматривает его разбойничью удаль на Волге как выражение общественного протеста низов против самовластия бояр. Народная трактовка не допускает мысли о приглашении дружины казаков Строгановыми. Поход в Сибирь есть дело коллективного решения дружины, а участие Строгановых ограничивается снабжением ее всем необходимым. Произведе-

ния народного толка отличаются реализмом, простотой и объективностью изложения событий. Они лишены богословского содержания и какой-либо нарочитости, тенденциозности, имеющей целью обосновать предвзятую мысль.

К народным воззрениям относятся Кунгурская повесть и «Описание новые земли Сибирского государства». Целый ряд моментов, подтверждающих их данные, можно найти в народном фольклоре о присоединении Сибири [1].

1. Кунгурская повесть

Начальным этапом развития сибирской историографии были сибирские исторические повести. Их основой стали записи участников знаменитого похода Ермака о завоевании царства Кучума.

Эти люди были, в сущности, первыми землепроходцами: казаки Ермаковой дружины не только положили начало будущего русского освоения Сибири, но и составили первые записи о походе в Сибирь. Этих «отписок», видимо, было несколько; во всяком случае не меньше двух: одна из них, именуемая в исторической литературе «Написанием», стала протографом сибирских повестей официального направления. Другая — основой для Кунгурской повести, отражающей народную традицию о Ермаке и присоединении Сибири.

Кунгурская повесть представляет, кроме того, любопытный образец в том отношении, что она указывает путь преемственности — перехода от «отписок» землепроходцев к летописной повести. В ней еще нет попытки какого-либо идеологического обоснования присоединения Сибири, она написана безыскусственно и просто, однако в отличие от «отписок» Кунгурская повесть дает уже связный литературный рассказ, в котором изложены не только факты, но имеется сюжетная связь между ними, а также определенная, ярко-выраженная народная оценка событий. Автор рассказывает о минув-

[1] См. «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым», М., 1938, стр. 74—86; «Сборник Кирши Данилова», М.—Л., 1958, стр. 81—90.

ших событиях чуть-чуть иронически, с мужицкой хитрецой характеризуя явления и действующих лиц.

Фрагменты Кунгурской повести дошли до нас в виде листов, вклеенных в текст «Истории Сибирской» С. У. Ремезова. Впервые на вклеенные листы обратил внимание Г. Ф. Миллер[1], но его указание впоследствии было забыто и Кунгурская повесть вместе с трудом Ремезова принималась как единый текст. Научно обоснованно Кунгурская повесть была выделена лишь С. В. Бахрушиным, датировавшим ее второй половиной XVII в.[2] Фрагменты Кунгурской повести содержат известия о «воровском слухе» — действиях Ермака с товарищами на Волге, его бегстве в Сибирь, запасах продовольствия и снаряжения, взятых у Строгановых и выступлении в поход (ст. 5—8); следующий отрывок (ст. 49—52) рассказывает о боях во время похода вверх по реке Тавде[3] и возвращении вниз; затем идет самостоятельное, сообщаемое только Кунгурской повестью повествование о походе вниз по Иртышу пятидесятника Богдана Брязги с отрядом в 50 человек (ст. 73—80); наконец, заключительная часть говорит (ст. 99—102) о последнем выступлении Ермака в связи с получением известий о враждебных действиях Кучума против бухарских купцов[4].

Кунгурская повесть представляет собой рассказ о действиях главной силы, решившей присоединение Сибири, — народа. Судя по ее названию, она возникла в местах, где господствовали Строгановы, а значит, и строгановский вариант Сибирского похода, утверждающий решающую роль богатых солепромышленников в присоединении Сибири. Трудно сказать, что явилось побудительной причиной для составления этой повести; возможно, в своем законченном виде она была реакцией на устные предания, исключавшие инициативу казаков. Во всяком случае в основе Кунгурской повести лежит не дошедший до нас протограф, который был составлен

---

[1] См. *Г. Ф. Миллер,* История Сибири, т. I, стр. 159.
[2] См. *С. В. Бахрушин,* Научные труды, т. III, ч. 1, стр. 40.
[3] Река Тавда — приток Тобола.
[4] «Сибирские летописи», стр. 313—316, 325—327, 333—336, 341—343.

очевидцем — участником похода Ермака. Автор — человек несомненно вышедший из народной среды — безыскусственно показывает истинную канву событий, не приукрашивая ее никакой предвзятой мыслью или «распространением». Кунгурская повесть представляет собой свидетельство народного восприятия событий, связанных с присоединением Сибири как результата казачьего похода, совершенного без вмешательства бога и участия царя и богатых предпринимателей.

В связи с тем что Кунгурская повесть пошла из иного корня, чем главные сибирские повести, особый интерес представляют ее источники, с исчерпывающей полнотой исследованные С. В. Бахрушиным[1]. По своему характеру она самая демократическая среди сибирских повестей. Несомненно, в своей основе она возникла тем же путем, как и «отписки» землепроходцев. Это — зарисовки очевидцев с натуры, точные сведения, не затемненные ни церковной идеологией, ни какими-либо другими предвзятыми идеями, а бывшие плодом народного восприятия и народного же способа его выражения. Картины того, как старые суда казаков были брошены и «сквозь их дна дерева проросли», шаманского камлания (магических действий), целования окровавленной сабли, уплаты ясака, описания боев, живых человеческих эмоций, а также точность рассказа, снабженного массой сопровождающих действие обстоятельств, приводит к несомненному выводу о том, что события переданы их очевидцами. Эти последние были казаки — участники похода Ермака.

Второй источник Кунгурской повести — местные сибирские предания, иногда неправильно понятые. Таково известие, относительно обычая пить с золота, «царицын плач», предание о камне, от которого восходит «стужа, дождь и снег», и рассказ о древней богине — несомненный пережиток фетишизма.

Кроме татарских устных преданий, в повесть, надо полагать, вошли и русские предания Пермского края. К ним относятся известия о взаимоотношениях дружины

---

[1] См. *С. В. Бахрушин,* Научные труды, т. III, ч. 1, стр. 41—42.

Ермака со Строгановыми, о которых говорит составитель [1]. Возможно, к этой же группе относятся и сведения о снаряжении казаков перед выступлением в Сибирь.

Повесть, как это уже было замечено С. В. Бахрушиным, обнаруживает некоторое знакомство понаслышке с письменными источниками: царскими грамотами и архивом Строгановых [2], отложившимся в их поместьях.

Однако основным ядром Кунгурской повести были рассказы очевидцев в виде знакомой нам по землепроходцам «отписки» или «сказки». Затем они обросли еще целым рядом источников и были сведены в один рассказ. Текст Кунгурской повести фрагментирован, но в известной степени мы на одном из примеров можем проследить процесс ее составления. Первоначальное ее изложение по языку («начало заворуя», «обмишенились» и др.), по сообщаемым фактам, относится к творчеству казаков и изложение доводится до зимовки Ермака на Буе [3]. Дальнейшее изложение свидетельствует о знакомстве автора с опальной грамотой Ивана Грозного Строгановым и их архивом, а также с теми версиями взаимоотношений между солепромышленниками и казаками, которые бытовали в Пермском крае. Это обнаруживает более позднее происхождение этих сведений. О том же самом говорит и компоновка текста: повесть, уже отправив Ермака в Сибирь и упомянув о Строгановых и их помощи, снова возвращается к этому вопросу, но уже гораздо более обстоятельным рассказом [4].

Кунгурская повесть утверждает инициативу казаков в сибирском походе. Никто не приглашал Ермака; его приход в Сибирь был результатом решения самой дружины, преследуемой царскими войсками: «Ермак же советом з дружиною услыша грозное слово и дело августа 29 числа, и с возвратом здумали бежать в Сибирь разбивать, обратя струги по Волге и по Каме вверх» [5].

---

[1] См. «Сибирские летописи», стр. 314, 315, 326, 333, 334, 335, 336, 342.

[2] См. *С. В. Бахрушин,* Научные труды, т. III, ч. 1, стр. 42.

[3] См. «Сибирские летописи», стр. 313—314.

[4] См. там же, стр. 314—316.

[5] Там же, стр. 313.

Снаряжение дружины Ермака за счет Строгановых.
Краткая сибирская летопись (Кунгурская), ст. 8.

Участие Строгановых признается значительным в смысле материально-технической помощи, но вынужденным силой: «О мужик, — кричали Максиму Строганову казаки, — не знаешь ли ты и тепере мертв, возьмем тя и

ростреляем по клоку, дай нам на расписку по имяном на струги, поартельно 5000 по именом на всякого человека по 3 фунта пороху и свинцу и ружья, и три полковые пушки, по 3 пуда муки ржаной, по пуду сухарей, по 2 пуда круп и толокна, по пуду соли и двум полоти, и колико масла пудов, и знамена полковые с иконами, всякому сту по знамени»[1]. Оценивая версию Кунгурской повести, расходящуюся и с Есиповской и со Строгановской, следует иметь в виду, что составителю первой были известны предания, ходившие в Пермском крае на этот счет. Автор Кунгурской повести точен: он не говорит, что Иван Грозный обвинил Строгановых в призвании Ермака, а лишь пневался за то, «что Максим Строганов тех пресловущих воров Ермачка Поволского с товарищи з запасы и с ружьем отпустил»[2]. Дальнейший рассказ позволяет уловить тонко замеченную Д. С. Лихачевым[3] нотку полемики составителя со строгановским вариантом: «А в поход Ермак на струги дружине своей у Максима взимая с пристрастием, а вовсе не в честь или взаймы, но убити хотеша и жита его разграбить, дом его и при нем живущих разорити в конец...»[4] Повесть передает также разноречивые чувства Строгановых: опальная грамота Грозного их повергла в печаль, но в то же время слухи, доходившие о Ермаке «како в воинстве и о всем слышно ему в удаче, и о том веселящеся, не всуе туне запас и ружье и подмог и пушки дал в отпуск»[5]. Таким образом, по сибирскому вопросу Кунгурская повесть дает наиболее удовлетворительное объяснение взаимоотношений Строгановых и Ермака, показывая сочетание живой силы и материальных ресурсов, которые обеспечили возможность выступления казаков в Сибирь.

Народный дух, которым проникнута повесть, исключает возможность идеализации или хотя бы предоставления особого места отдельной героической личности.

---

[1] «Сибирские летописи», стр. 315.
[2] Там же, стр. 314.
[3] См. *Д. С. Лихачев*, Русские летописи и их культурно-историческое значение, стр. 414.
[4] «Сибирские летописи», стр. 315.
[5] Там же, стр. 314—315.

Предводители казаков называются в повести (Ермак, Иван Кольцо, Иван Гроза, Богдан Брязга и др.), но они не выделяются никакими выдающимися чертами. «Велеумный ритор» Ермак Тимофеевич сын Повольской высокопарно именуемый так официальными сибирскими повестями, здесь еще Ермачко Повольский, который после «заворуя» бежит, спасаясь от петли, в Сибирь, может «обмишенится», «обирать» жителей и «кормиться» за счет богатых Строгановых. Главный герой Кунгурской повести — казачья дружина, жившая по суровым законам донского круга: «и указ на преступление чинили жгутами, а кто подумает отойти от них и изменити, не хотя быти, и тому по донски указ: насыпав песку за пазуху и посадя в мешок в воду. И тем у Ермака все укрепилися; а больши 20 человек с песком и камением в Сылве упружены. Блуд же и нечистота в них в великом запрещении и мерска, а согрешившего обмывши 3 дня держат на чепи»[1]. Кунгурская повесть исключает какое-либо вмешательство провидения в ход событий. Царская власть, ее намерения выступают в неопределенной форме, по-видимому, летописец плохо представлял себе ее возможности: «Мужик, — так, по мнению составителя повести, пишет царь Максиму Строганову, узнав о том, что он снабдил необходимым казаков Ермака, — помни да как ты с таким великим и полномочным соседом[2] ссоришь, и какая несостоятельная спона меж нами учинится, и не уведаешь, что я тебе за это учиню; а ежели доброе что в таком случае учинится беспорочно, не ведаешь, чем ты со своими пожалован будешь в твоем спасении»[3].

Как видно отсюда, автор представляет себе царя и его взаимоотношения с подданными в чисто народном духе. Вообще вопросы высшего небесного и земного управления мало занимают составителя, произведение которого носит прагматический характер. Тем оно ценнее по сведениям самого разнообразного содержания: истории похода, географии, этнографии, политике пришельцев, положения местных племен и т. п. И в этом

[1] «Сибирские летописи», стр. 316.
[2] Имеется в виду Кучум.
[3] «Сибирские летописи», стр. 314.

отношении Кунгурская повесть составляет как бы продолжение «скасок» землепроходцев, правда, уже на более высокой основе. Не скованная церковной идеологией, повесть проявляет более широкий интерес к сибирским жителям, их обычаям, нравам, идеологии, а также взаимоотношениям, складывавшимся между русскими и аборигенами. Таково, например, камлание шамана: «проклятаго связавше крепко и уткнут саблею или ножем в брюхо скрозь и держат связана, дондеже по вопросу всем скажет, и тогда выдернут из него нож или саблю, шейтащик же став наточит пригоршни крови своей, выпьет и вымажется, будет весь цел, что и язв не знать»[1]. Сюда же относятся рассказы о литом боге, небесном камне и т. п.[2] Отношения между казаками и сибирскими жителями складывались по-разному, — говоря словами повести, — «боем и доброволь-но»[3]: то «вожи (т. е. проводники) ему (Ермаку) были зыряне» и «принесоша ясак с поклоном и шертоваша», «стречающе и провожающе казаков и с провожатыми честно», то «великий бой бысть и ранища многих казаков, их же татар прибиша до единого»[4]. Значительное место во фрагментах Кунгурской повести отведено сбору ясака.

Соответственно характеру своего содержания Кунгурская повесть написана народным, подчас разговорным языком. «Начало заворуя», «воровской слух», «Ермачко», «обмишенились» — в таких и подобных им выражениях повесть ведет свое повествование. Иногда язык переходит в разговорный: «И взял есак, ехал», «Что мимоходом урвал, то и наша добыча» и т. д.[5]

К сожалению, фрагментированный вид Кунгурской повести не представляет возможности судить о ней достаточно полно. Это тем более жаль потому, что она дает нам в наиболее чистом виде пример сказания, содержание и форма которого с предельной ясностью обнаруживают свое народное происхождение.

---

[1] «Сибирские летописи», стр. 326.
[2] См. там же, стр. 334, 342.
[3] Там же, стр. 325—326.
[4] Там же, стр. 314, 325; 335—336.
[5] Там же, стр. 326.

2. «Описание новые земли Сибирского государства»

К народным воззрениям относится и произведение под названием «Описание новые земли Сибирского государства»[1]. Автор его неизвестен, но А. И. Андреев представляет довольно убедительные доказательства того, что им был подъячий Посольского приказа Никифор Вешюков, дважды бывший в Сибири проездом в Китай (в 1675 г., с посольством Н. Г. Спафария и в 1686 г. — с Ф. А. Головиным)[2].

Вне всякого сомнения, что автор «Описания» был в Сибири и в Китае, хорошо знаком с уже имевшимися тогда географическими сведениями об этих странах, слышал легенды Зауралья, возможно, также читал недошедшие до нас летописи о походе Ермака. Его целью было записать все, что он видел, слышал, читал о Сибири, и представить это в виде сочинения справочного характера — типа историко-географических обзоров, в которых тогда была большая нужда. Труд этот родился прежде всего как плод путешествия самого автора, интерес которого к Сибири появился не в результате кабинетных размышлений, а личного пребывания во все еще новой тогда стране. «Описание» не носит официального характера и, видно, не написано «на заказ». Автор свободно излагает свои сведения в большей степени через собственное восприятие, не заботясь о ссылках на достоверные источники и не думая о доказательствах каких-либо тенденций, так характерных для сибирских повестей официального направления.

«Описание» составлено в 1685—1686 гг.[3] В основе его исторического рассказа лежат народные источники: легенды и предания, неизвестные нам летописи, которые

---

[1] См. «Сибирские летописи», стр. 367—397.

[2] См. *А. И. Андреев,* Очерки по источниковедению Сибири. XVII век, стр. 29.

[3] См. по этому вопросу: *С. В. Бахрушин,* Научные труды, т. III, ч. 1, стр. 47—48 и *А. И. Андреев,* Очерки по источниковедению Сибири, стр. 29. В подтверждение их выводов можно привести еще одно, правда, косвенное указание самого «Описания», автор которого употребляет выражение «великие государи», могущее относиться только ко времени совместного царствования Ивана и Петра Алексеевичей в 1682—1696 гг. («Сибирские летописи», стр. 383).

автор «Описания» читал, но во время составления сочинения уже, как видно, не имел при себе и пользовался ими по памяти. На это, в частности, указывает слишком общий характер повествования о походе Ермака; если автор и приводит некоторые подробности, то они обычно подаются в духе народных легенд (например, рассказ о хитрости Ермака, распорядившегося для обмана неприятеля зарядить лищали вместо пуль пыжами, или о Кучуме, якобы собиравшемся «с родителями своими» есть мертвое тело Ермака) [1]. Места боев «Описание» не указывает почти никак; по-видимому, они ему неизвестны. Хронология похода также не указывается, если не считать нескольких случайных обозначений. События самого похода кратко ведутся от бегства казачьей дружины с Волги в Сибирь и до взятия столицы Кучумова царства, которую автор «Описания» называет Тобольском [2]. Между этим последним событием и гибелью Ермака автор знает только о том, что в Москву было послано посольство; все остальные события остались ему или неизвестными, или, может быть, показались малозначительными для внесения их в сочинение.

Целый ряд известий, сообщаемых «Описанием», мы находим в «Истории Сибирской» С. У. Ремезова. Они настолько совпадают, что можно с несомненностью установить, что оба сочинения пользовались в этих случаях одним и тем же источником. Таковы сведения о пушках Кучума, панцирях Ермака, о стрелах, рассылаемых Кучумом в знак боевого сбора сил и, наконец, фантастический рассказ о взятии Ермаком Тюмени [3].

Сильнее в «Описании» выступает географическая сторона. Здесь, несомненно, автор чувствует себя во всеоружии. Если С. У. Ремезов везде приводит хронологические даты с точностью до числа и месяца, то в «Описании» везде обозначаются пункты и непременно расстояния между ними: по-видимому, эти сведения почерпнуты из официальных источников, в частности — из

---

[1] См. «Сибирские летописи», стр. 373, 377.
[2] См. там же, стр. 375.
[3] См. «Сибирские летописи», стр. 375, 371; см. также *С. В. Бахрушин,* Научные труды, т. III, ч. 1, стр. 50.

подорожников, которые имели тогда большое хождение. Кроме того, автор мог опереться и на то, что его «очеса видеша»[1]: город Тобольск и весь путь по южной и восточной Сибири, который описан наиболее подробно.

Историческая часть «Описания», составленная по народным источникам, носит демократический характер. «Описание» впервые в сибирской историографии XVII в. начинает изложение истории присоединения Сибири со взятия Казани[2]. Правда, автор связывает эти события только хронологически, но тем самым обнаруживает истоки своего сочинения, идущие из устной народной традиции, которая утверждает участие Ермака в осаде Казани[3]. Из этого же источника идет и основная мысль «Описания», повторяющая народные представления о казачьей дружине, Ермаке и сибирском походе, сложившиеся после присоединения Сибири. Согласно этому представлению, хотя «самовольные казаки с атаманом своим Ермаком Тимофеевым сыном вышли на Волгу и многую пакость всякого чина людем Русским чинили, грабили и воровством своим проезду не давали»[4], тем не менее они оставались патриотами и боялись гнева государева не как разбойники, а как подданные. Ермак с дружиной, согласно «Описанию», бежали с Волги и по пути своего бегства попали «по той же реке Каме вверх живущего мужика Строганова вотчины»[5].

В народном представлении, под влиянием которого автор «Описания» передает свой рассказ, Строганов — тоже мужик, судьба которого напоминает судьбу Ермака. Оказывается, «тот мужик Строганов породою Новгородец, посадцкой человек, иже от страха смерти и казни великого государя царя Ионна Васильевича... из Новограда убежал со всем домом своим в Зыряны, сиречь в Пермь Великую»[6].

---

[1] См. «Сибирские летописи», стр. 397.
[2] См. там же, стр. 367.
[3] См. *А. Оксенов,* Ермак Тимофеевич в исторических песнях русского народа, «Сибирский сборник», кн. I, СПб., 1886.
[4] «Сибирские летописи», стр. 367.
[5] Там же, стр. 368.
[6] Там же, стр. 369.

Дальнейший ход взаимоотношений Строгановых и Ермака строится также в соответствии с народными представлениями: Строганов, боясь за свои богатства, направил казаков в Сибирь; он же подал Ермаку с товарищами мысль о том, что завоевание Сибири закроет их «прежние вины» и заслужит прощение царя. Строганов же снабдил казаков всем необходимым для похода, «атаману Ермаку с товарыщи велию честь воздаде»[1]. Последнее еще раз наводит на мысль о полемическом характере фразы Кунгурской повести о том, что «в поход Ермак на струги дружине своей у Максима[2] взимая с пристрастием, а вовсе не в честь или в займы...»[3] Видимо, автору Кунгурской повести было известно противоречащее его сведениям известие, попавшее потом в «Описание».

Основная мысль «Описания» сводится к тому, что Ермак, завоевывая Сибирь, совершал этот подвиг во имя искупления своей вины перед «Московским христианством», т. е. народом и перед государством (царем). Казаки хотели покорить Сибирь и затем «поклониться ею» царю Грозному. Этот лейтмотив повторяется автором «Описания» неоднократно: таковы рассказы и о взаимоотношениях Строгановых и Ермака, о речах Ермака и казаков перед решительным боем, об «отписке» казаков Ивану Грозному, в которой сообщалось о разгроме Кучума[4]. Между прочим, заслуживает упоминания известие, которое совпадает с «Историей» Ремезова, но противоречит Строгановской повести — о времени исчисления похода Ермака. «Описание» говорит о том, что Ермак осенью ушел из строгановских вотчин, «осеновал до зимнего пути», а зимой по первому пути перешел «на вершину реки Ницы» и уже «вешним ходом» продолжал свой поход дальше[5].

Подобно многим писателям своего времени, автор «Описания» переносит представления и обстоятельства

---

[1] «Сибирские летописи», стр. 369.
[2] Строганова.
[3] «Сибирские летописи», стр. 315.
[4] См. там же, стр. 369, 373, 374.
[5] См. там же, стр. 370.

своего времени на события столетней давности: Кучум владеет не Искером, а Тобольском, Сибирь делится на «уезды» и т. п.[1]

Отношения между Ермаком и его дружиной, их речи, обращенные друг к другу, подаются в несколько идеализированной манере: суровые казаки плачут, «слезы от очес своих аки реки испущаху», растроганные речами, произносимыми в каноническом духе[2]. Несомненно, здесь сказалось влияние морализующей тенденции, которая тем сильнее проступала в предании о Ермаке, чем дальше в глубину времени уходили события его похода.

Главную движущую силу в завоевании Сибири «Описание» видит в простых людях, в народе. «Ермак с товарищи» — вот кто завоевал Сибирь для русского государства. Царь, благосклонно принявший потом Сибирь из рук казаков, совсем не участвовал в ее присоединении, а предприниматели Строгановы оказали только материальную помощь, да и то из страха перед буйной ватагой, неожиданно свалившейся в их Прикамские вотчины. Это — типичное мнение, утвердившееся в народной традиции, неоднократно подтверждаемое Кунгурской повестью, народными песнями о Ермаке, свидетельствами Юрия Крижанича и Семена Ремезова. Характерно также, что народные воззрения, ясно отразившие себя в «Описании», не нуждаются в идеологическом обосновании присоединения Сибири, стихийно, так сказать, считая его делом народным.

Относительно других вопросов, характеризующих современное автору «Описания» состояние Сибири, он мало что внес нового по сравнению со своими современниками — Н. Г. Спафарием и Ю. Крижаничем. Перечисление географических пунктов носит справочный характер, а отдельные отступления, посвященные жизни сибирских племен, напоминают «Путешествие» Спафария, но уступают ему по глубине описания и носят скорее характер беглого обзора[3]. Очень напоминает упомянутое «Путешествие» Николая Спафария описание

---

[1] См. «Сибирские летописи», стр. 368, 372, 373.
[2] См. там же, стр. 373.
[3] См. там же, стр. 378—379.

рек Бии и Катуни. Заимствование видно также и из того, что автор «Описания» не утерпел, чтобы почти дословно не повторить Спафария, советовавшего русскому правительству основать у истоков Оби город: «И только б изволили и указали великие государи на том месте на устья Бии и Катуни город или острог поставити и чем бы великим государем великая прибыль была в ясак от ясачных и в проезде от торговых людей всяких» [1].

Сведения о добыче соли в Сибири, торговле с Бухарой и Китаем, описание калмыков также сильно напоминают соответствующие места из «Повествования о Сибири» Юрия Крижанича [2]. Возможно, автор «Описания» получил эти сведения из рук самого Крижанича, а может быть, они пользовались одним источником — теми рассказами, которые бытовали в Тобольске. Примерно совпадает со сведениями Крижанича, данными в его главном сочинении «Политика», интересное упоминание «Описания» о добыче руды в Кузнецком остроге, жители которого «кузнецы же словут потому, что ясачные люди государские тамо живут по берегу Томы реки и иных тамошних рек, трех терсей камении берут и жгут и плавят железо и куют вместо наковален на камениже, а железо то кузнецкое и уклад велми добр, лутче свейского железа, и мяхко железо, аки свинец» [3].

Отразившее народный дух в своем историческом содержании «Описание» и по форме не отступает от своих демократических основ, будучи написано простым, понятным литературным языком, но без тех грубых оборотов, которыми характеризуется Кунгурская повесть. Если последняя была составлена, вероятно, рукою, умевшей лучше держать меч, нежели перо, то «Описание новые земли...» написано человеком образованным, но вместе с тем чтившим народную литературную и историческую традицию.

---

[1] «Сибирские летописи», стр. 383.
[2] См. там же, стр. 380—381.
[3] Там же, стр. 382.

«Описание новые земли Сибирского государства» вскоре после его составления попало в руки голландского географа Николая Корнелия Витзена, собиравшего сведения о России у своих многочисленных русских корреспондентов. В 1692 г. он выпустил в Амстердаме свой труд «О северной и восточной Тартарии», где полностью было помещено «Описание». Оно вернулось на родину вместе с появлением книги Витзена в России.

ГЛАВА IV

ОФИЦИАЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Крестьянская земельная колонизация сопровождалась правительственными мерами по освоению нового края. Сибирь заселяется людьми из центральной и северной России, строятся города и села — опорные пункты русских владений. Идеологическая опора феодального русского государства — христианская православная церковь — не могла остаться в стороне от устремлений царского правительства в Сибирь. Церковь и государство шли рука об руку, поддерживая друг друга. Поэтому освоение Сибири сопровождалось энергичным распространением христианства, призванного окончательно подчинить местные народности власти русского царя, а вместе с тем и упрочить ее и среди русских.

Идеологические основы правительственной политики в Сибири отчетливо отразились в официальном направлении сибирской историографии, представленном наибольшим количеством произведений исторической литературы Сибири XVII в. Исторические писатели этого направления были официальными лицами и находились на государственной или церковной службе, занимая официальные должности. Так, Савва Есипов был дьяком сибирской архиепископии, С. У. Ремезов — живописцем и «чертещиком», Н. Г. Спафарий занимал должность переводчика и посла; автор Строгановской повести нам

неизвестен. Все они, как правило, работали, составляя свои сочинения по заданию властей.

Основной концепцией писателей официального направления был провиденциализм, характерный для исторического знания XVII в. Религиозные догматы, довлевшие над средневековым человеком, освящали феодальный строй и утверждали его незыблемость авторитетом бога. Провиденциализм был одним из явлений церковной идеологии, пронизывающим все историческое знание. Он представлял собой веру в провидение или промысел, направляющий течение жизни народов. Человек не волен сам совершать свои поступки, он лишь исполнитель веления свыше, которое неизвестно людям. Поэтому общие причины исторического развития лежат вне нас и наш разум не в состоянии их постичь. Образцом для провиденциалиста была библия: он широко черпает ее материал, часто проводит аналогии с библейской историей и старается подражать ее манере повествования.

Официальное направление выдвигает первое идеологическое обоснование присоединения Сибири, типичное для XVII в. Оно заключается в христианском просвещении сибирских народностей. Распространение христианского вероучения на пространствах Сибири, обращение в православие ее народов и племен, утверждение власти русского царя, строительство русских городов и сел, заселение их русскими людьми — во всем этом сибирские писатели официального направления видят неизбежный и благодатный ход исторического развития. Ермак со своей дружиной или Строгановы — все они, независимо от того, кому приписывается честь в разгроме Кучумова царства, — избранники провидения, направившего их в Сибирь и благоприятствующего им. Именно по этой причине Сибирское царство было завоевано небольшой горстью людей. Писатели официального направления относятся к сибирским народам как к иноверцам — магометанам и язычникам. Предавая анафеме их веру, они тем самым идеологически оправдывают жестокую эксплуатацию и угнетение сибирских народностей, бывшие результатом царской политики в Сибири.

Изображение непосредственных участников завоевания Сибири — казаков и Ермака — подается в идеали-

зированной манере: казаки — это не простые люди, выходцы из народа, как их изображает народная традиция, а носители высшей воли: они сражаются и молятся, будучи глубоко проникнуты высокой важностью своей миссии. Царское правительство все время направляет действия своих подданных: только его распоряжениями и усилиями Сибирь окончательно закрепляется за Русским государством. Царь изображается как высший исполнитель воли провидения.

Есиповская и Строгановская повести, «История Сибирская» С. У. Ремезова восходят к казацкому «Напи-санию», составленному участниками похода Ермака. Поэтому, как ни старались исторические писатели официального направления пригладить события, подогнать их под свою мерку, в их произведениях пробивается живая демократическая струя, идущая из главного источника.

Наконец, следует отметить характерное для сибирской официальной историографии сочетание старой церковной и новой светской идеологии. Первая идет от веры, вторая — от опыта. Конкретные события современности или истории передаются точно, практически, по-деловому. Но как только дело переходит в область причинности, наши авторы тотчас обращаются к арсеналу церковных догм и ищут там не столько объяснения, сколько «оправдания верой».

Таковы общие черты сочинений официального направления; это не мешает им расходиться в некоторых конкретных вопросах истории присоединения Сибири.

1. Исторические повести первой половины XVII в.

(Есиповская и Строгановская)

В XVII в. наряду с общерусской историей появляется областное летописание, развитие которого было одним из показателей растущего значения периферии Русского государства. Областные повести впитали в себя характерные черты русской культуры. В сибирских официальных повестях нашли себе место все основные элементы, существовавшие в противоречивом мировоззре-

нии того времени: старая церковная и новая светская идеология, народная струя и отчасти влияние западноевропейской культуры.

Освоение необозримых пространств Сибири настоятельно требовало изучения и обобщения сведений землепроходцев, которые текли полноводной рекой. Обильное количество неизвестных до сих пор фактов и явлений нуждалось в их осмыслении. Это было жизненной необходимостью, ибо освоение новых восточных владений не могло идти в непроглядной тьме незнания.

Другой, не менее важной, государственной необходимостью было идеологически утвердить присоединение Сибири к Русскому государству, доказать историческую правомерность похода Ермака и правительственной политики в Сибири. Эту «духовную» задачу вначале взяла на себя православная церковь, учение которой было официальной государственной идеологией.

В 1621 г. в Тобольске была учреждена сибирская архиепископия. Царское правительство и, в частности, патриарх Филарет придавали особенное значение сибирскому архиепископству как основанному во вновь присоединенной стране. Поэтому главой сибирской церкви был назначен властолюбивый и суровый проводник христианских идей Киприан, известный своей деятельностью в пользу недавно утвердившейся на царском престоле фамилии Романовых [1]. Наделенный большими полномочиями, которые позволяли ему властно вмешиваться и в гражданские административные дела, Киприан энергично принялся за распространение в Сибири православия у иноверцев и искоренения «безбожия» среди русских. Вместе с тем ему было необходимо укрепить центр сибирского православия — Тобольскую архиепископию — как материально, так и духовно, поднять с самого начала ее авторитет.

В то время в Тобольске еще жили сподвижники Ермака, составлявшие «старую сотню» [2]. Они-то и были

---

[1] См. *П. Буцинский,* Открытие Тобольской епархии и первый тобольский архиепископ Киприан, Харьков, 1891, и *С. В. Бахрушин,* Научные труды, т. III, ч. 1, стр. 18—21.

[2] См. *П. Буцинский,* Заселение Сибири и быт первых ее насельников, Харьков, 1889, стр. 108.

в 1622 г. призваны по повелению Киприана и расспрошены о событиях знаменитого сибирского похода Ермака. «Казаки-ж, — рассказывает повесть Есипова, — принесоша к нему написание, како приидоша в Сибирь, и где у них с погаными бои были, и где казаков и какова у них имянем убили. Он же, добрый пастырь, попечение имея о них и повеле убитых имена написати в церкви Софеи Премудрости Божия в соборной синодик и в православную неделю кликать повеле с прочими пострадавшими за православие вечную память»[1]. Отсюда, из казачьего «Написания», и пошли сибирские повести, как это доказано С. В. Бахрушиным.

Появление «Написания», синодика Киприана, а затем сибирских повестей было выражением стремления осмыслить, обобщить события и идеологически утвердить присоединение Сибири к Русскому государству. Землепроходцы еще не ставили и не могли ставить себе подобную цель: последняя предполагает уже какое-то накопление фактического материала. «Написание» и синодик как раз и дают нам за малый промежуток времени эту трансформацию восприятия недавно прошедших событий от землепроходцев к авторам повестей. Если «Написание» было еще составлено в обычной манере «скасок» землепроходцев, «где у них с погаными бои были», то синодик придает ему церковный характер поминальника, где казаки упоминались «с прочими пострадавшими за православие». Из трех главных сибирских повестей в наиболее четком виде церковное направление проявилось в Есиповской повести, а народное направление — в Кунгурской, которая не подверглась влиянию синодика.

По своему историографическому характеру Есиповская и Строгановская повести совпадают во многих своих чертах. Это объясняется единством протографа и сходством отправных идеологических основ обоих авторов (провиденциализм). Содержание официальных сибирских повестей проникнуто религиозным мышлением: везде красной нитью проходит прославление христиан-

---

[1] «Сибирские летописи», стр. 163—164.

ской религии и церкви, а также высшего представителя божественного начала на земле — царя.

Вместе с тем на этом традиционно-церковном фоне повествования появляется реальная манера изображения светской мирской жизни со всеми присущими ей чертами сомнений, отклонений и нарушений. Церковная и светская линии повествования идут на всем протяжении сибирских повестей параллельно, причем в отдельные периоды превалирует то одна то другая, не смешиваясь, а если и смешиваясь, то формальным, чисто внешним способом. Так, произнеся традиционные церковные формулы, составитель как бы считает свою обязанность выполненной и далее продолжает свой рассказ, где люди действуют в зависимости от реальных обстоятельств.

Есиповская и Строгановская повести настойчиво преследуют (каждая свою) конкретную политическую задачу и в соответствии с этим перерабатывают и приспособляют материал своих источников. Строго говоря, разница между Есиповской и Строгановской повестями не столько в том, как они переделывают общий им протограф, сколько в том, какие материалы дополнительно, кроме основного источника, они используют.

Если землепроходцы главное внимание в своих описаниях уделяли природе (борьба с которой была их главной задачей), то летописи переносят свое повествование на человека. Собственно географического интереса летописи не знают, причем они ограничиваются самой сжатой характеристикой. Производительные силы Сибири, ее хозяйство не интересуют летописцев. Важнее им кажется идеология сибирских жителей, их вера, нравы и обычаи, интерес к которым виден из соответствующих, надо сказать, неглубоких по содержанию разделов, а также из некоторых упоминаний, кое-где рассыпанных на протяжении повествования.

По своей композиции сибирские повести, как уже было сказано, представляют собой не погодные записи событий, а являются историческими повестями, построенными на цельном сюжете, который последовательно раскрывается перед читателем. Излагая события, составители усваивают себе характерный для писателей того

времени назидательный тон, проводя обычную тогда морализующую тенденцию, бичуя пороки и возвеличивая добродетель. Риторическая сторона занимает в официальных сибирских повестях немаловажное место в виде отступлений, часто не имеющих отношения к основной канве повествования или даже к ее теме.

Содержание Есиповской и Строгановской повестей в основных событиях совпадают. В них рассказывается о «Сибирской стране», генеалогии ханов, походе Ермака с описанием битв, занятии Искера, дальнейшей борьбе с татарами, гибели Ермака, приходе царских войск в Сибирь и основании первых городов. Таким образом, в описании главных событий летописи сходятся между собой. Однако они вступают в непримиримое противоречие в исходных моментах присоединения Сибири.

Если синодик Киприана вместе с «Написанием», положившие основу сибирскому летописанию, были составлены в связи с «поминовением» в сибирском масштабе Ермака и казаков, то утверждение их поминовения центральной светской и церковной властью в 1636 г. было причиной появления первой сибирской повести, именуемой Есиповской.

«В лето 7144 февраля 16 числа, Советом освященного собора, святейшим патриархом Филаретом и государем царем Михаилом Федоровичем всея Руси указано правилно по грамоте первому Нектарию архиепископу Сибирскому, Ермаку Тимофееву сыну Повольскому, идеже кииждо убиена быша кликати вечную память... И оттоле уставися и до нынешнего лета помяновение вселенское на Москве и зде в Тобольску Ермаку и подобным ему ныне верно служащим вечная память убиваемым за православие, возглас большой»[1].

Таким образом, утверждение поминовения Ермака и его казаков состоялось 16 февраля 1636 (7144) г. По случаю этого события подъячим архиепископства сибирского при архиепископе Нектарии в Тобольске была составлена повесть, законченная написанием 1 сентября того же 1636 г. Ее автором был Савва Есипов[2]. Кроме

---

[1] «Сибирские летописи», стр. 353—354.
[2] См. там же, стр. 169.

этого, мы ничего не знаем о нем. Но если судить об авторе по его произведению, это был человек по тем временам достаточно подготовленный. Ему доступно понятие источника, на который он ссылается (правда, в форме довольно туманной); он хорошо знает церковную историю, обнаруживает знакомство с переводной иностранной литературой, умеет компановать материал и владеет риторическими оборотами, которыми он расцвечивает свое повествование.

Есипов сам следующим образом характеризует свои источники: «Ино же написах с писания преж мене спишавшего, нечто и стесняемо бе речью, аз же распространих, беседуя к вашей любви, иже будет изволивый причитати летописи сия; оно же от достоверных муж испытах, иже очима своима видеша и быша в та лета...» и добавляет к этому: «О царстве же Сибирском и о княжении написахом ино с летописца татарского, ино же достоверными мужи испытовах еже добре и некоснено поведаша ми яве»[1].

С. В. Бахрушин считает, что в основу повести Есипова было положено «Написание» и «Синодик» Киприана, а авторская работа заключалась в «распространении» (т. е. дополнении) первоначального текста. Что касается летописца татарского, то, судя по тому, что генеалогия татарских царей имеется и в Строгановской летописи, эти сведения взяты из «Написания»[2].

Ближайшей целью, которой повесть Есипова обязана своему появлению на свет, было стремление к укреплению канонической базы сибирской архиепископии. Последняя только что получила подкрепление в виде утверждения Москвой поминального чина сибирских мучеников. Задачей Есипова было «распространить» и разъяснить историю борьбы за православие в Сибири.

Главная тема повести Есипова — «о сибирской стране, како соизволением божиим взята бысть от русского полка, собранного и водимого атаманом Ермаком Тимофеевым и своею храброю и предоброю дружиною и со

---

[1] «Сибирские летописи», стр. 169 и 106.
[2] См. *С. В. Бахрушин,* Научные труды, т. III, ч. 1, стр. 29.

единомысленною»[1]. Есипов обосновывает присоединение Сибири и гибель Кучумова царства волей провидения. Царь Кучум, говорит повесть, довольно долго царствовал в Сибири, пребывая «во изобилии, радости и веселии, дани и оброки со многих язык имаше», но пришел час «царство его разрушити и предати православным христианам»[2]. По мнению автора повести, Кучум и его подданные были наказаны за их неверную религию: «...мню же, — пишет Есипов, — яко сего ради посла бог гнев свой на сего царя Кучума и иже под его властью бысть, яко закона божия не ведуше и покланяющеся идолом и жрут бесом»[3].

Но вот решение свыше принято, и теперь остается назначить исполнителей. Кто же избирается для этой высокой цели? «Избра бог не от славных муж, царска повеления воевод и вооружа славою и ратоборством атамана Ермака Тимофеева сына и с ним 540 человек»[4].

Таким образом, по мысли Есипова, Ермак и его товарищи выступают орудиями божьими, забывшими «света сего честь и славу, но смерть в живот преложиша, восприимше щит истинные веры и утвердившеся мужественно и показавше храбрость пред нечестивыми»[5]. Дело не в том, что у Ермака было мало людей: победа решилась не числом воинов, а поддержкой свыше.

Присоединение к России было, по мнению Есипова, благодатным событием для Сибири, ибо его результатом было распространение христианского вероучения и поселения там русских людей. «Оттоле же солнце евангельское землю Сибирскую осия, псаломский гром огласи, наипаче же во многих местах поставишася гради, и святые божии церкви и монастыри создашася... идеже в слух никому не прииде, тамо ныне и гради и веси и в них внутренная жития, множество православных рассешася по лицу всея Сибирские земли»[6].

Однако эти рассуждения, как уже было сказано, производят впечатление вставок в текст: они представ-

[1] «Сибирские летописи», стр. 106.
[2] Там же, стр. 118.
[3] Там же, стр. 119—120.
[4] Там же, стр. 122—123.
[5] Там же, стр. 123.
[6] Там же, стр. 161—162.

ляют собою дань, отдаваемую составителем церковно-феодальной традиции. Сквозь ее сетку пробивается живое демократическое содержание казачьего «Написания», затемнить которое не был в состоянии архиепископский подъячий. Эта народная струя, пробивающаяся в повести, идет от казацкого «Написания», составленного в демократическом духе. Будучи основным первоисточником для Есипова, оно не могло не оказать сильнейшего влияния на его летопись. Если откинуть риторические отступления, Ермак и его дружина действуют, в передаче Есипова, так, как они и должны были действовать, т. е. со всеми обычными перипетиями обычных людей того времени. Характерными в этом отношении являются главы 7-я и 8-я. Обе они называются: 7-я — «О пришествии Ермакове и прочих в Сибирь», а 8-я — «О пришествии же Ермакове и прочих казак в Сибирь». Зачем понадобились две одинаковые главы? По весьма понятной причине: в 7-й главе дается риторическое распространение в традиционной манере восхваления, а в 8-й главе — обычное повествование, снабженное датами и фактами. Автор еще не в состоянии так обработать первоисточник, чтобы его тенденция — в данном случае восхваление Ермака с дружиной — органически вытекала из текста и подкреплялась бы искусно подобранными фактами. Он делает еще первичную обработку своего материала, оставляя его в почти полной неприкосновенности и лишь добавляя от себя свои соображения. Так что восхваление Ермака вытекает не само собой из рассказа о его подвигах, а из авторского отношения к своему герою. Самый же поход в Сибирь и действия Ермака с дружиной поданы в виде простого перечисления обстоятельств. Вступая в противоречие с самим собой, Есипов показывает, как в процессе тяжелого похода в неведомой стране казаки колебались, спорили, временами опасались вступать в бой с многочисленным противником, отступали и т. п. [1]

В центре повествования Есиповской повести стоит Ермак со своей дружиной. Говоря о начале похода в Сибирь, летопись ни слова не упоминает о Строгановых и

---

[1] «Сибирские летописи», стр. 129, 149—150, 151.

Отправление дружины Ермака в поход.
Краткая сибирская летопись (Кунгурская), ст. 7.

каком-либо их участии. Невозможно предположить, чтобы это было преднамеренным желанием вычеркнуть фамилию Строгановых из сибирской истории. Мы видели, как Есипов обращается со своим первоисточником,

который он так хорошо сохраняет. Единственно можно предположить как наиболее вероятное, что казацкое «Написание» ни слова не упомянуло о Строгановых. Добавить же от себя рассказ об участии Строгановых в походе Ермака Есипов не мог, хотя бы по той простой причине, что он ничего не знал об этом. Вообще надо сказать, что предысторию похода Ермака Есипов не описывает совсем. Он не обмолвился ни словом относительно приготовлений к походу и того, как шли казаки от Волги. Повесть здесь чрезвычайно лаконична: «..придоша сии воины с Волги в Сибирь; идоша же в Сибирь Чусовою рекою и приидоша на реку Тагил и плыша Тагилом и Турою и доплыша до реки Тавды»[1].

Умолчание Есипова о Строгановых не дает, однако, основания отрицать их участия в походе Ермака. Не касаясь пока вопроса о степени участия Строгановых, трудно предположить, чтобы казачья дружина, совершив большой переход от Волги и появившись на Чусовой, могла миновать строгановские вотчины. Это тем более трудно представить потому, что камский путь, на котором сидели Строгановы, был уже проторенным путем, главной дорогой в Сибирь. Если Строгановы были малоизвестны в Сибири, то по европейскую сторону Урала редко кто их не знал. Наконец, казаки не могли обойтись без Строгановых потому, что им было необходимо пополниться провиантом и снаряжением в неведомую дорогу, а, кроме как в Чусовских городках, нигде этого достать было невозможно.

«Написание», которым руководствовался Есипов, могло не упомянуть о Строгановых по двум причинам: во-первых, оно было составлено в духе «скасок» землепроходцев, в которых редко можно найти описание подготовительных мероприятий, а только лаконичное описание самого похода; во-вторых, Строгановы никакого отношения к синодику, для которого и составлялось «Написание», не могли иметь.

Повесть Есипова ничего не говорит и об участии царского правительства в продвижении в Сибирь и ее присоединении. Все это, по ее мнению, дело рук Ермака.

---

[1] «Сибирские летописи», стр. 126.

Царь и царское правительство упоминаются только в связи с посольством Кольца, а потом — со вступлением московских войск в Сибирь и основанием городов и церквей [1]. Это еще раз доказывает, что наш автор плохо знал течение событий по европейскую сторону Уральских гор.

Надо еще сказать, что в Есиповской повести действующим лицом, по сути дела, является вся казачья дружина. Ермак хотя и постоянно упоминается, однако не наделяется какими-то индивидуалыными чертами, которые возвышали или даже отделяли бы его от остальных казаков. Его роль вождя в повести не подчеркнута ни вообще, ни в отдельных случаях — даже, например, в известном совещании перед боем у Чувашева [2], где голоса разделились и одни требовали отказа, а другие— вступления в бой [3]. Это несомненное свидетельство демократического характера повести. Еще живы были составители «Написания» — непосредственные участники похода, а в их глазах Ермак не превратился в легендарного героя, каким он стал потом.

Другая причина состоит в том, что у Есипова еще нет стремления проникнуть во внутренний мир, душевные переживания его героев. Он описывает действия, а не мысли, события, а не их побудительные причины, массу, а не индивидуумы. Другими словами, понятие личности у Есипова находится в самом зачаточном состоянии. Эта манера описательства внешних событий, отсутствие изображения индивидуальных эмоций (а поэтому известное «нивелирование» людей и явлений) и одинаковость исходных идеологических позиций (провиденциализм) привели к созданию литературных шаблонных форм, в которые выливалось содержание исторических произведений до XVII в. включительно, особенно при описании войн, боев и походов [4]. Указанные

---

[1] См. «Сибирские летописи», стр. 136—138, 143—144, 151, 153—154, 163.

[2] Чувашский мыс на реке Иртыш вблизи Искера.

[3] См. «Сибирские летописи», стр. 129.

[4] По этому вопросу см. *А. С. Орлов*, Об особенностях формы русских воинских повестей, «Чтения в Обществе истории и древностей Российских», кн. 4, 1902.

шаблоны и введены Есиповым, который дает батальные сцены весьма кратко, в самых сжатых формах литературных стереотипов, причем именно по этой причине описания боев мало отличаются друг от друга. Бой у Бабасана (30 *км* ниже устья реки Тавды) подается следующим образом: «Бысть же ту брань велия, и побиша поганых множество: на бежение поганые устремишася»[1]. Следующая битва у Карачина улуса (городок невдалеке от устья реки Тобола): «Казацы же на брег взыдоша и мужески на поганых наступающе, и в то время бысть смертное поражение поганым и вдашася погании невозвратному бегству»[2]. Наконец, генеральное сражение у Чувашева: «Состави же ся брань от обою страну: погании же пустиша тмочисленныя стрелы, казацы же противо их из огнедышащих пищалей, и бысть сеча зла; за руки емлюще сечахуся»[3]. Вместе с тем характерное для официальных повестей вмешательство небесных сил непосредственно в ход боя отсутствует у Есипова. В его повести провидение действует в самой абстрактной форме, вообще влияя на общий ход событий. Помимо литературных шаблонов, Есипов изредка обращается к примерам и сравнениям из античной истории, имеющим целью украсить повествование и придать ему необходимую дозу риторической «учености». Толкуя о происхождении слова «Сибирь», составитель прибегает к следующему сравнению: «обще же Сибирь именуется, яко же и Римская страна Италия нарицается от Итала некоего, обладавшего странами вечерними, яко ж свидетельствует хроника латинская; гради же веса Римские страны разнство имян имеют, обще же Италия нарицается»[4]. Затем он упоминает кентавров и Антея[5] и, наконец, некстати приплетает к рассказу об истекающих кровью татарах сравнение с событиями Троянской войны («у Троинского града близ Командры реки плену-ющему Ахиллесу»)[6].

---

[1] «Сибирские летописи», стр. 127.
[2] Там же, стр. 128.
[3] Там же, стр. 130.
[4] Там же, стр. 116.
[5] См. там же, стр. 124.
[6] Там же, стр. 130.

В Есиповской повести пробиваются некоторые свидетельства живого интереса, проявляемого автором к природе и этнографии Сибири, не скованного условной манерностью изображения. Сюда относятся: краткая характеристика (почти перечисление) сибирских племен и их религии, генеалогия сибирских ханов, описание «кумира остяцкого» [1].

Если эти моменты заимствованы из «Написания», то плодом оригинального творчества Есипова представляет собой великолепное, написанное звучным слогом вступление экономико-географического содержания:

«Сия убо Сибирьская страна на полунощие отстоит же от России царствующего града Москвы многое расстояние, яко до двою тысяч поприщ суть; сих же царств Российского и Сибирские земли облежит камень превысочайший зело, яко досязати инем холмом до облак небесных, тако бо божиими судьбами устроись, яко стена граду утвержена. На сем же камени ростяху деревие различное: кедри и певга и прочая; в них же жительство имеют зверия различнии, ови подобни на снедение человеком, ови же на украшение и на одеяние риз; да кии же на снедение, сия суть чиста, еще есть елень, лось, заяц; а иже на одеяние и на украшение ризное, еже есть лисица, соболь, бобр, росомака, белка и подобная сим. Много же и сладкопесневые птицы, паче же и много различные, травные цветы. Из сего же камени многие реки истекоша: ови поидоша к Российскому царству, ови же в Сибирскую землю. Дивно убо есть, како божиими судьбами реки тамо бысть: вода камень тверд раскопа, и бысть реки пространные и прекрасные зело, в них же воды сладчайшая и рыбы различные множество; на исходишех же сих рек дебрь плодовитая на жатву и скотопитательная места пространна зело» [2].

Эти восторженные строки могли принадлежать лишь человеку, рукою которого водили неподдельное восхищение и удивление перед необъятными богатствами великого края.

---

[1] См. «Сибирские летописи», стр. 111—115, 117—118, 152—153.
[2] Там же, стр. 108—110.

Этнографические познания Есипова сводятся к краткому перечислению сибирских племен, причем в отдельном случае он сам признается в скудости своих познаний: «не вем, — говорит он, — понеже бо писмени о сем не обретох и ни испытати возмогох»[1]. Еще хуже он знает их идеологию, а «веру царя Кучума» он, по-видимому, совсем не представляет, ибо только и делает, что предает ее анафеме[2]. Набожный составитель повести сокрушается, отмечая обычаи местных народов, которые не знают «истинной веры» и «поклоняются кумирам»: «...во истину, — пишет он, — и скотом не уподобишася сии людие, скот бо аще и бессловестно есть, богом не велено ясть ему и не ест зверя — ли или птицы или траву сенну; сии же человецы не уподобишася сим... сыроядцы, зверина же и гадская мяса снедающе, скверна кровь пияху, яко воду, от животных и траву и коренье едяху»[3].

Религиозная идеология, затемняющая сознание летописца, не позволяла ему (в отличие от землепроходцев) трезво оценить жизнь сибирских племен. Как известно, церковь нетерпимо относилась к «иноверцам».

Из того же корня, что и Есиповская, вышла Строгановская повесть. Основой ее было «Написание» казаков. К сожалению, ни относительно автора, ни времени составления этой повести ничего не известно. С. В. Бахрушин, а также А. А. Введенский, наиболее тщательно изучавшие этот источник, согласны в том, что время его составления следует отнести к первой половине XVII в.[4].

Если Есиповская повесть имела своей основной задачей прославить сибирскую архиепископию, то подобного же рода цель — прославление Строгановых — стояла перед Строгановской повестью. Ее появление было свидетельством роста зародившегося торгово-про-

---

[1] «Сибирские летописи», стр. 111.
[2] См. там же, стр. 118—122.
[3] Там же, стр. 112.
[4] См. *С. В. Бахрушин*, Научные труды, т. III, ч. 1, стр. 30, 32; *А. А. Введенский*, Строгановы, Ермак и завоевание Сибири, «Исторический сборник Киевского государственного университета», 1949, № 2, стр. 9—15.

мышленного класса, выдающимися представителями которого были Строгановы. Правда, повесть прославляет царскую власть и церковь, но это отнюдь не умаляет значение Строгановых, а только подчеркивает его.

В XVI в. Строгановы, опираясь на свои вотчины, сделались хозяевами русского севера и Приуралья; центром их обширных владений были земли по рекам Вычегде, Каме и Чусовой[1]. Их торговля развернулась не только в пределах Московского государства, но и за границей, принося неисчислимые барыши и заставляя даже царя Грозного относиться к ним с должным уважением. Попытки Строгановых проникнуть в Сибирь, Среднюю Азию и Китай, завязать торговые отношения с Западной Европой говорят о грандиозном размахе операций этой могущественной купеческой династии[2].

Знаменитые богатством и властью в обширной стране на Востоке, оказавшие крупные услуги государству, Строгановы старались украсить прошлое своего рода и вытеснить из памяти соотечественников свое крестьянское происхождение. Стремление Строгановых проникнуть в высшие сферы господствующего класса, стать равными в среде боярской аристократии, могло быть обеспечено как высоким положением, так и высоким происхождением. То и другое требовало, так сказать, традиционного закрепления. С этой целью была сочинена и пущена в ход известная легенда о происхождении Строгановых из Золотой Орды, будто бы от одного из ее ханов, «застроганного» татарами за измену, предание, появившееся в первой половине XVII в.[3] К тому же времени относится появление и Строгановской повести. Она представляла собой попытку достичь гораздо более серьезных целей: исторически обосновать заслуги Строгановых в покорении Сибири и утвердить их права на эксплуатацию этого края. Поддерживаемые

---

[1] См. *А. А. Введенский,* Аника Строганов в своем Сольвычегодском хозяйстве, «Сборник статей, посвященный Платонову», Пгр., 1922.

[2] См. *С. Ф. Платонов,* Строгановы, Ермак и Мангазея, «Русское прошлое», вып. 3. Пгр. — М., 1923.

[3] См. *А. А. Введенский,* Происхождение Строгановых, Вологда, 1923, стр. 10.

царем, Строгановы открыли Сибирь, их инициативой, материальными жертвами и руководством она была покорена; так кому же, как не Строгановым, должны принадлежать ее богатства! — к такому выводу (нигде, впрочем, об этом прямо не говоря) приводит читателя составитель повести.

В действительности Строгановы не достигли своей цели: Сибирь стала достоянием Русского государства, выражавшего интересы дворянского и купеческого класса в целом. Это объясняется как недостаточностью сил Строгановых для освоения Сибири, так и мощным напором народного и правительственного проникновения в этот богатый край.

Таким образом, Строгановская повесть представляет собой классово-тенденциозное отражение в литературе того участия, которое принимали в присоединении Сибири торгово-промышленные люди (Строгановы) [1].

Составлена Строгановская повесть в вотчинах Строгановых их человеком, возможно, по заданию знаменитых солепромышленников. Автор, по-видимому, приказной человек; во всяком случае ему хорошо знакомо канцелярское дело того времени. Это подтверждается тем, что составитель не только целиком выписывает царские грамоты, но и очень тщательно перечисляет все подписи, стоящие в конце документа, соблюдая таким образом всю канцелярскую форму. Он — образованный по тому времени человек, знакомый с переводной литературой Московской Руси и обладающий литературным вкусом, отразившимся на слоге его произведения и отдельных художественных описаниях. Во всяком случае как исто-

---

[1] В этом отношении показательно, что в западноевропейской литературе XVII в. существовало распространенное мнение о присоединении Сибири как предприятия, осуществленного одними Строгановыми, без участия дружины Ермака. Это мнение принадлежало голландскому путешественнику и писателю Исааку Массе (1587—1635), который в своем сочинении о Сибири ни одним словом не упомянул о Ермаке и его дружине. И. Масса рассматривал присоединение Сибири как мирный процесс колонизации ее Строгановыми с помощью государства, а последующее подчинение России местных племен — добровольным. (См. *Исаак Масса,* Покорение Сибири, в кн.: *М. П. Алексеев,* Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей, стр. 256—263.)

рический писатель и стилист он несомненно выше и тоньше Есипова, отличаясь от последнего более умелой обработкой источников.

Помимо «Написания», Строгановская повесть использовала царские грамоты и семейные предания фамилии Строгановых [1]. Будучи человеком Строгановых и живя в их вотчинах, автор мог хорошо изучить по царским грамотам и сведениям семьи своих патронов обстановку жизни Прикамья. Вот почему эта сторона дела в повести описана подробно и подкреплена документально (то, что не нашло отражения в документах, автор черпал из устных преданий). Зато, когда действие переносится на восток, вслед за уходящей в Сибирь дружиной Ермака, автор теряет присущую ему до этого обстоятельность, ибо кратко изложенное «Написание» не позволяет ему достаточно развернуться. Составитель повести почти покидает Строгановых и рассказ его вьется только вокруг казаков, а затем — прибывших в Сибирь царских воевод с войсками. Только в самом конце автор возвращается к своим патронам, да и то упоминая об их заслугах в самой общей, риторической форме [2]. Умелое использование царских грамот, занимающих большое место в начале повести, придало ей убедительность и в известной мере подкрепило рассказ царским авторитетом, на что, надо полагать, искусно и рассчитывал автор. Наряду с документированными событиями автор в угоду своей тенденции вставил в повесть сведения, почерпнутые им из семейных преданий Строгановых. Что касается «Написания», то оно было сохранено в наиболее нетронутом виде и только кое-где разорвано интерполяциями, составленными в духе восхваления Строгановых. Такова, например, вставка о сообщении Ермака Строгановым относительно завоевания Сибирского царства [3].

Свои источники автор Строгановской повести умело обработал, скомпановав их таким образом, чтобы они подчинялись его основной мысли. Он идет гораздо

---

[1] См. *С. В. Бахрушин,* Научные труды, т. III, ч. 1, стр. 28.
[2] См. «Сибирские летописи», стр. 44—45.
[3] См. там же, стр. 29.

дальше Есипова в этом отношении, проникая в самую глубину источника и стараясь, так сказать, обработать свой материал органически, придав нужный ему внутренний характер, доказывающий тенденцию автора.

Надо сказать, что в этом своем настойчивом стремлении он не останавливается перед вставкой угодного ему имени Строгановых в текст первоисточника. Вот два примера, ярко отражающих манеру автора Строгановской повести:

Строгановская повесть:

Приидоша русское воинство под городок Атик мурзы и взяша его и седоша в нем. Уже нощи пришедши, тме нашедши, видевше же казаки у засеки толикое поганых собрание, они же сего устрашишася и рекоша в себе: «Како можем стати противу толикого собрания?» И начаша размышлять в себе, и учини круг, совет благ сотвориша о том и глаголаша друг по другу: «Отойти ли нам места сего, или стояти единодушно? Иные начаша мыслити и глаголати: «Лутче бы нам было, аще отъидем от них в отход». А инии же сопротив глаголаху жестостию твердо: «О, братия наша единомысленная, камо нам бежати, уже осени достигши, и в реках лед смерзается, не дадимся бегству и тоя худыя славы себе не получим, ни укоризны на себе не положим; но возложим упование на бога: не от многих бо вои победа бывает, но свыше от бога помощ дается; может бо и беспомощным бог помощи. *Слышали есмы, братия, сами, колико зла сотвориша безбожнии они и окаянии Агаряне Сибирские земли, салтан Кучюм нашей русской Пермъстей земли, государевым городом запустение и православным христианом посечение и пленение велие и Строгановых острожком колико зла учиниша; того ради всемогий* бог мстит им окаянным за кровь их крестьянскую. *Воспомянем, братие, обещание свое, како мы честным людям пред богом обета и слово свое дали, и уверившеся крестным целованьем,* елико всемогий бог нам помощи подаст, а отнюдь не побежати, хотя до единого всем умрети, а вспять возвратится не можем

срама ради и преступления ради слова своего, еже с клятвою обещахомся»[1].

Есиповская повесть:

Казацы же поидоша по Иртышу вверх и взяша городок Атик мурза, седоша в нем. Нощи же пришедши, и быша вси в размышлении, видевше таково собрание поганых, яко битися единому с десятию или с двадцатью поганых и убояшася пристрастьни быша. И восхотеша тоя нощи бежати, друзии же не восхотеша яко уже осень, но уповаша на бога, утвердиша же и прочих, яко да идут заутра противо поганых, уповающе на бога[2].

Мы видим здесь, как автор вкладывает в уста казаков свою основную тенденцию и удерживает их от бегства именем Строгановых. Ничего подобного нет у Есипова, хотя оба автора пользовались одним и тем же «Написанием». Составитель Строгановской повести даже Кучума заставляет в роковой для него час вспомнить Строгановых:

Строгановская повесть:

Царь же Кучум, видя свою погибель и царства своего и богатества лишение, рече ко всем своим с горьким плачем: «О мурзы и улланове, побежим, не медлим; сами бо видим своего царства лишение; силнии наши изнемогоша и храбрые воини вси побьена быша. О, горе мне, что сотворю или камо бежу! Покры страмота лице мое: кто мя победи и царства моего лиши? *Простых бе людей посланна на мя Строгановы из своих острошков свои мне мстити обиды* атаманов и казаков Ермака с товарищи, не со многими своими людьми, и той нас нашед победи и толика нам зла сотвори...»[3]

---

[1] «Сибирские летописи», стр. 21—22.
[2] Там же, стр. 128—129.
[3] Там же, стр. 24—25.

Царь же Кучум видя царства своего лишение, рече сущъщим с ним: «Победим не медляще, сами видим всего лишени; сильнии изнемогоша, храбрии избиени быша. О горе! о люте мне, увы, увы! Что сотворю и камо бежу! Покры страмота лице мое! Кто мя победи и напрасно мя из царству изгна? От простых людей Ермак не со многими пришед и толика зла сотвори...»[1]

Автор Строгановской повести идет дальше Есипова не только в более глубокой и решительной обработке первоисточника, но и в обосновании присоединения Сибири. Он выдвигает более мирскую точку зрения, изыскивает причины не столько на небе, сколько на земле. Правда, божество незримо присутствует везде и управляет всем ходом дела, однако, отодвигаясь очень далеко ввысь, получая самое абстрактное значение и не вмешиваясь в конкретный ход событий.

Если у Есипова провидение само избирает Ермака в качестве орудия гнева против неверных, то в Строгановской повести оно выступает лишь в виде источника отдельных импульсов, получаемых только царем. Последний в свою очередь является тем же для своих подданных. Таким образом, получается идеальная схема абсолютизма: бог — царь — подданные.

Строгановская повесть показывает направление московской политики в отношении Сибири. Описывая действия царя Ивана IV, повесть подчеркивает то постоянное внимание, которое уделяла Москва восточным делам. Автор повести стремится доказать (и подтверждает это документально), что царское правительство было заинтересовано и поддерживало доступными ему средствами присоединение Зауралья. Иван Грозный, как тенденциозно показывает Строгановская повесть, фактически возложил на Строгановых руководство продвижением на новые сибирские земли. По смыслу утверждений летописца, на первых порах правительственная и строгановская политика в Сибири совпадали.

---

[1] «Сибирские летописи», стр. 131—132.

Автора повести занимают причины тех взаимоотношений, которые сложились между Русским государством и Сибирским царством Кучума. Действия русского правительства рассматриваются как оборонительные, вынужденные тем уроном, который наносили нападения отрядов, посланных Кучумом: «Вниде в слух благочестивому государю-царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси о частых приходах бусорменских войною на его государскую землю Пермскую от сибирских людей и како безбожнии своим приходом его государевым Пермские земли городом и посадом и селам многое пленение и запустение учиниша»[1].

Озабоченный положением далеких восточных границ государства, Грозный поручил «обереганье» Пермских земель своим верным слугам Строгановым, наделив их для этой цели обширными полномочиями: «И вложи бог благочестивому государю царю во ум роспросити своего государства ведущих людей про ту страну, и повеле государь пред собою поставить Якова и Григория Строгановых и распросити их како бы оберегати Пермская земля от нашествия сибирских людей и Кучуму бы салтану чем теснота ему учинити. Они же ему государю все подробну росказаша, и слово их ему государю бысть приятно, и их пожаловал велел дати им на волю, как бы им от Сибирских людей Пермской земле оберегание учинить; и о том им велел о всем свои государевы грамоты подавать и о промыслу над сибирскими людьми и иных орд и земель»[2].

Присоединение Сибири повесть рассматривает как дело исключительно рук верноподданных царских слуг. Царь указывал, а Строгановы ревностно исполняли. Они «ставили городки», «называли» к себе «нетяглых и неписьменных людей», «крепко и усторожливо» берегли государственные земли от нападений. Им же и пришла в голову идея направить «буйство и храбрость» волжских казаков и атаманов на государственную пользу. С этой целью Строгановы «людей своих с писанием и с дары многими послаша к ним, дабы шли к ним в вот-

---

[1] «Сибирские летописи», стр. 1.
[2] Там же, стр. 1—2.

чины их в Чусовские городки и в острошки на спомогание им. И они же велми сему возрадовашася, яко посланнии приидоша к ним от честных людей и звaху их к себе на помощь»[1].

Снаряженный Строгановыми, Ермак выступил в поход «поидоша с радостию в Сибирскую землю на Сибирского салтана со учреждением полков на очищение Сибирские земли очистити место и отогнати безбожного варвара»[2]. Поход Ермака обосновывается летописцем как ответный удар русской стороны, как справедливое возмездие за «прежние обиды».

Автор строгановской повести, таким образом, в высшей степени тенденциозен. Он проходит через любые преграды и везде настойчиво утверждает идеи строгановского культа.

Сомнительно, чтобы Строгановы могли призвать дружину Ермака с Волги. Им было невозможно даже и прийти к этой мысли как верноподданным царя, по повелению которого как раз в это время проводились карательные операции на Волге. Но если бы такая идея и возникла, она была бы отвергнута — приглашение казаков было палкой о двух концах, — кто мог поручиться, что они не повторили бы своих волжских грабежей в Пермских городках? Если сообразовать обстоятельства того времени, то приглашение казаков можно допустить только как непростительное легкомыслие со стороны умных и расчетливых политиков, какими были Строгановы.

Поход казаков в Сибирь нельзя себе представить инициативой Строгановых. В действительности, он был начальным этапом широкого потока вольно-народной колонизации, ее ударным головным отрядом. Слов нет, Строгановы сыграли большую роль в подготовке опорных пунктов проникновения в Зауралье, и без их материальной помощи дружина Ермака не смогла бы выступить. Но при оценке роли дружины Ермака и Строгановых мы всегда должны помнить о том, что Сибирь была присоединена прежде всего народной инициативой, быв-

[1] «Сибирские летописи», стр. 8.
[2] Там же, стр. 11.

Поход дружины Ермака по реке Туре.
Краткая сибирская летопись (Кунгурская), ст. 35.

шей в свою очередь результатом действия экономических, социальных и политических факторов жизни тогдашней Руси.

Строгановская повесть указывает на две причины русских побед в Сибири: мужество и храбрость казаков и особенно — техническое превосходство огнестрель-

ного оружия против стрел. Характеристика эта вкладывается в уста одного из царедворцев Кучума:

«И от него Таузака слышано бысть царю Кучуму пришествие русских воинов и их мужество и храбрость; и поведаша ему еще: таковы бо суть рустии воины силнии: егда стреляют из луков своих, тогда огнь пашет, и дым велик и сходит и громко голкнет, аки гром на небеси, а стрел исходящих от них не видати; уязвляют ранами и смертно побивают, а ущетитца от нее никакими ратными збруями невозможно; куяки и бехтерцы и пансыри и кольчуги наши не держат, все пробивают навылет»[1].

Строгановская повесть, подобно Есиповской, считает присоединение Сибири к России благодатным явлением, так как «начася в Сибирской земле городы и остроги поставлятися и распространятися в Сибирской стране крестьянская православная вера...»[2]

Впрочем, здесь имеет место полное совпадение с Есиповской повестью, ибо обе повести использовали «Написание». Таким образом, в данном случае составитель не оригинален, но беря этот отрывок из своего первоисточника, он, разумеется, согласен с ним и оставляет его почти нетронутым. Вообще вместе с «Написанием» в Строгановскую повесть врывается демократическая струя: она начинается с описания вступления дружины Ермака в Сибирь и доводится до взятия Казымского городка[3], затем прерывается рассказом о послании Ермака Строгановым и Строгановых — Ивану Грозному о покорении Кучумова царства и царских пожалованиях Строгановым, а затем уже ведется почти до самого конца, где в заключение говорится о сборе ясака Строгановыми[4]. Вот почему, если в начале повести говорится о действиях царя и богатых промышленниках Строгановых, причем отношение к ним автора выражено в весьма почтительных и даже искательных формах, то последующее изложение, идущее по казацкому «Написанию», просто и кратко излагает ход событий. Казаки, как и у Есипова, выступают массой. Правда, Ермак выделяется в бою под

---

[1] «Сибирские летописи», стр. 16—17.
[2] Там же, стр. 44.
[3] См. там же, стр. 16—29.
[4] См. там же, стр. 29—30, 30—44, 44—45.

Чувашевым (где в его уста влагается шаблонная, впрочем, речь) и в рассказе о его гибели. Покоритель Сибири именуется как «велеумный и храбрый ритор»[1]. Также безлико, без всяких характеристических черт представлены и Строгановы, эмоции которых даны крайне примитивно: они или радуются или печалятся.

Строгановская повесть в отношении формы испытала влияние иностранной переводной литературы, особенно «Троянской истории» Гвидо де Колумна, появившейся на Руси еще в XV в. и приобретшей особенную популярность в XVII в.[2] Автор Строгановской повести, бывший несомненным художником и стремившийся к литературной отделке своего произведения, а также к украшению его отдельными вставками, черпал в «Троянской истории» риторические обороты, литературные описания явлений природы и общие рассуждения. Эти заимствования, обычные в то время, особенно заметны в описании природы. Как истинный художник, автор Строгановской повести дает описание весны в Сибири: оно не оторвано от содержания, а органически принадлежит ему.

После зимы, принесшей первым русским жителям Сибири страшный голод, пришла, наконец, весна, а вместе с ней исчезли холод и голод. Пробуждению природы здесь очень тонко соответствует оживление умирающих людей:

«И по сем убо зимняя година проиде, мразу и студени облегчевшу от солнечные теплоты и настом наставшим и звериной ловле лошьей, оленьей приспевши и тем людем питающимся и гладу облегчевающу. И егда весне приспевши и от теплости воздуха снегу растаявшу и всяка тварь ботеюще, и древесам и травам прорастающим, и отверзение водам бысть, тогда убо всяко животно веселящеся, и птицам, прелетающим в та места плодов своих ради, и в реках рыбам плоду ради ходящим и рыбной ловле и птичьей бывшу много множество, и того ловитвою питашеся и гладу людем не бысть»[3].

---

[1] «Сибирские летописи», стр. 23 и 38.

[2] См. *А. Орлов,* Повесть кн. Катырева-Ростовского и Троянская история Гвидо де Колумна, «Сборник статей в честь М. К. Любавского».

[3] «Сибирские летописи», стр. 33.

Описания битв, хотя и оживляются умелой кистью составителя, но тем не менее идут в своей основной части по старому шаблону батальных сцен. Русские устремляются «мужественно и единомышленно, с обеих сторон падает множество», «брань бысть жестока», татары «вдашася невозвратному бегству» — в таких и подобных им выражениях Строгановская повесть рисует битвы русских с татарами [1]. Шаблон довлеет над ее автором до такой степени, что он, для которого стилистическая сторона составляет первостепенную важность, не замечает в своем рассказе двух рядом стоящих и дословно повторяющих друг друга описаний битв — у Бобасана и у Карачина улуса: «И в то время бысть брань жестока с татарскими вои и падение ото обеих стран многое множество. Погании же видевшие вои своих велие падение перед русскими вои и вдашася бегству» [2]. Правда, рамки этого трафарета изредка становятся тесными, и составитель добавляет от себя картины, которые подсказывает ему его воображение и позволяют границы исторической достоверности: «погании же противу нашедших крепце и немилостиво наступаху на конех, копейным поражением и острыми стрелами казаков уязвляют велми. Русстии же людие начаша стреляти ис пищалей своих и ис пушечек скорострелных и из дробовых и из затинных и шпанских и из аркобузов и сими побивающе поганых бесчисленное множество» [3].

Автор Строгановской повести все подчиняет своей основной тенденции — утвердить фамилию Строгановых в истории присоединения Сибири. Он тоже, как и Есипов (но по другой причине), мало интересуется жизнью народов, экономикой и географией Сибири. Те упоминания, какие имеются в повести относительно родословной сибирских ханов, и отдельные этнографические сцены взяты из протографа. Оригинальных фактических сведений автор повести не привел: отчасти из-за своей главной строгановской тенденции, а отчасти потому, что он, как по всему видно, жил в Прикамье и не знал или

---

[1] «Сибирские летописи», стр. 13, 20, 21, 24, 36 и 43.
[2] Там же, стр. 20—21.
[3] Там же, стр. 20.

плохо знал Сибирь. Интересное упоминание, выпадающее из общего плана содержания повести имеется в конце ее — о сборе ясака Строгановыми, перешедшем потом в руки царской администрации. Однако это сообщение единственное, и оно опять-таки способствует чести строгановской фамилии.

Гораздо больше в Строгановской повести общих рассуждений. В частности, в одном из них содержится намек на цель исторического знания: «всяк бо чтый, — говорит автор, — да разумеет и дело толикия вещи не забывает: на воспоминание сие писание написах, да не забвенно будет толикия вещи труд»[1]. Таким образом, смысл исторических знаний в том, чтобы не были преданы забвению достойные памяти деяния людей, — положение, сформулированное еще Геродотом. Но своим трудом, своей бьющей через край тенденцией Строгановской повести автор показал, что он пошел гораздо дальше этого принципа. Самое произведение его свидетельствует о том, что он понимал силу воздействия исторического знания, а главным образом — значение его политической направленности. Этой же цели служили основательность, простота и документальность аргументации Строгановской повести, кажущаяся безыскусственность которой (особенно в сравнении с Есиповской повестью) пленяла не только рядовых читателей, но и ученых историков.

Таким образом, главные сибирские повести: Есиповская и Строгановская восходят к протографу, представляющему собой, в сущности, «скаску» землепроходцев. Повести выступают как произведения, выражающие субъективно-классовую точку зрения на предмет, как сочинения концептуальные, которые стремятся оправдать присоединение Сибири к России. Повести уже используют различные источники, обрабатывают их по-своему и следуют определенной канве повествования. Конечно, при этом нельзя отрывать сибирское летописание от общерусского, опыт и традиции которого полностью заимствовали авторы сибирских повестей XVII в. Расположение материала, общий взгляд на исторический процесс,

---

[1] «Сибирские летописи», стр. 46.

риторика, воздействие иностранной переводной литературы, техника исследования — все здесь идет от общерусского влияния.

В отношении проблематики сибирские повести совершенно уходят от «отписок» землепроходцев в сторону идеологических вопросов. Их не интересует или почти не интересует природа, экономика и население Сибири. Центр тяжести сибирские повести переносят на человека — носителя христианского просвещения в языческой стране.

Техника исследования, присущая сибирским повестям, подразделяется на два этапа развития. Первый представлен Есиповым, который еще довольно беспомощно пытается обработать первоисточник: он вставляет свои соображения, оставляет почти нетронутым первоначальный текст, только кое-где его переставляя из одного места в другое. Второй этап связан с автором Строгановской повести. Он уже стремится дать органическую переработку внутреннего смысла текста: ему доступно понимание документальной аргументации. Автор Строгановской повести только там обнаруживает свою слабость, где у него нет дополнительного материала, что вынуждает его дословно передавать текст протографа.

Отсутствие документального материала по первоначальной истории присоединения Сибири привело к тому, что сибирские повести приобрели важнейшее значение и оказали решающее влияние на историческую традицию о походе Ермака. Открытие Сибири Строгановыми и завоевание ее Ермаком — таково наивное представление событий большого значения, на основе которого формировались исторические понятия многих поколений. Сибирские повести вызвали необычный интерес в русской исторической науке и собрали вокруг себя большой круг литературы.

Созданные на отдаленной периферии Русского государства, сибирские исторические повести тем не менее не были ниже общего уровня русской исторической литературы, повторяя все ее характерные для XVII в. черты. Вместе с тем нельзя не отметить, что появление и развитие сибирских повестей было показателем достижений русской культуры во вновь присоединенной

стране, в частности, большого интереса к ее изучению, увенчавшегося во второй половине XVII в. деятельностью Н. Г. Спафария и С. У. Ремезова.

2. Писатели второй половины XVII в.

Во второй половине XVII века Сибирь была окончательно закреплена за Русским государством, которое распространилось до берегов Амура, Тихого и Ледовитого океанов. С лихорадочной поспешностью в Сибири строились города и остроги, шло переселение «охочих» и ссыльных людей на восточные пространства. Русский народ принес с собой гораздо более высокие достижения материальной и духовной культуры, которые позволили ему интенсивно обживать новый край и воздействовать на местное население, пробуждая его от первобытного оцепенения. Особенные усилия были сделаны в земледелии (которое рассматривалось как основа хозяйственной колонизации), развивались различные промыслы, местная и транзитная торговля, пути сообщения и т. п. Централизация управления, прекращение междоусобных войн, слияние с русским народом содействовало тому, что сибирское население стало заимствовать более высокую русскую культуру и переходить от кочевого образа жизни к оседлости, перенимать огнестрельное оружие, строить жилища, шить одежду и т. д.

Одновременно шло геологическое, географическое, этнографическое, зоологическое и ботаническое обследование Сибири. Вторая половина XVII в. характеризуется, во-первых, широким научным обследованием Сибири, а во-вторых, появлением первых работ, синтезирующих накопленный материал. Это объясняется в первую очередь накоплением источников, а также прогрессивным движением научной, и в том числе исторической, мысли. Появляются произведения, подводящие итоги событий большого значения, связанных с присоединением и освоением Сибири.

Этапом сибирской историографии, следующим за историческими повестями, были произведения писателей второй половины XVII в. — Н. Г. Спафария и С. У. Ремезова. Они уже строят свои сочинения на сравнительно

обширном материале (сведениях землепроходцев, летописных повестей, устной традиции и легендах) и в какой-то мере могут опираться на своих предшественников. Работы Н. Г. Спафария и С. У. Ремезова носят в себе типичные черты XVII в., впитав в себя все как положительные, так и отрицательные черты системы знаний своего времени. Вместе с тем произведения писателей второй половины XVII в. составляют рубеж в развитии сибирской историографии — от знания к науке. Так, работа Н. Г. Спафария предшествует научным экспедициям XVIII в., а сочинение С. У. Ремезова предваряет академический труд Г. Ф. Миллера по истории Сибири.

«Путешествие» Н. Г. Спафария-Милеску

Укрепление Русского централизованного государства во второй половине XVII в. сделало его важным фактором в международной политике. Россия обращается не только на восток, но и на запад, приняв участие в сложном переплетении событий европейской политики. Народы Балканского полуострова задыхались в ярме турецкого рабства, лишившего их самостоятельного развития. Славяне — хорваты и чехи, — попав под власть немецких феодалов, испытывали тяжелый социальный и национальный гнет, а Речь Посполитая переживала тогда экономический и политический упадок.

В этой обстановке укреплялись связи России с Западом, прежде всего со славянами. В Москве нуждались в образованных по-европейски людях: развитие русской культуры требовало усиления общения с западной ученостью и наукой. В то же время наиболее выдающиеся представители славянских и других порабощенных народов Восточной и Средней Европы, видя в России силу, способную в будущем стряхнуть давящее их иго, стремились познать эту страну, приобщиться к ней и, наконец, склонить ее правителей на сторону своих идей. Пожалуй, наиболее замечательными из них были хорват Юрий Крижанич и молдаванин Н. Г. Спафарий.

Николай Гаврилович Спафарий-Милеску (1636—1708) происходил из дворянского рода Молдавии. Его

взгляды сформировались под влиянием той страшной драмы, которую переживала его родина, изнемогающая под непосильным турецким ярмом. В среде местной знати не было единства: одни держали руку господ-турок, а другие были их непримиримыми врагами. Престол молдавского господаря продавался и покупался в Константинополе чуть ли не с аукциона. Сама Молдавия была ареной бесконечных войн и распрей. Политическая обстановка была неустойчивой, чреватой всякими неожиданными поворотами, падениями и возвышениями партий и лиц.

Свое образование Спафарий получил в Константинополе, завершив его в Италии. Он изучил древне- и новогреческий, турецкий, арабский, латинский, итальянский и впоследствии русский языки. Спафарий хорошо знал богословие, философию и литературу, а также естествознание и математику. Правда, это была ученость во вкусе XVII в., т. е. в большой мере схоластическая (непрактическая), тем не менее это было незаурядное образование, которое в соединении с выдающимися способностями Спафария не могло не обратить на него внимание. Действительно, на родине Спафарий быстро достиг выдающегося положения, став секретарем (спатарем) молдавского господаря. Его влияние особенно усилилось при господаре Стефанице. Однако обстановка бесконечной борьбы партий, интриг и политической закулисной игры при господарском дворе привела к тому, что Спафарий вступил в заговор против Стефаница. Но заговор был раскрыт, и по приказу господаря палач отсек Спафарию кончик носа. Вынужденный покинуть Молдавию, Спафарий переехал в Валахию, господарь которой отправил его своим представителем в Константинополь. Здесь он снова пустился в водоворот сложных политических интриг, вследствие которых был вынужден вскоре уехать в Бранденбург. Через несколько лет Спафарий перебрался в Померанию, а отсюда уехал в Швецию в качестве представителя бывшего молдавского господаря Георгия Стефана. После смерти последнего Спафарий вернулся в Молдавию, а затем, замкнув круг своих странствий, — снова в Константинополь. Здесь беспокойный политический изгнанник попал в среду людей, руко-

водимых иерусалимским патриархом Досифеем — человеком глубоко преданным России, который стремился к тому, «чтобы православный царь простирал десную свою к нам в защищение и принял от рук бусурманских, зане исполнится лето и житие наше с неверными турками»[1].

Нет сомнения в том, что Спафарий разделял эти взгляды. Возможно, что они зародились еще давно, в период его юности, во время учебы в Константинополе, и только несколько ослабли в политических скитаниях по странам Европы. Во всяком случае патриарх Досифей посылал Спафария в Москву как человека преданного идее русского покровительства, который будет «радеть там» за то, чтоб избавить родину «от рук поганских».

В России Спафарий обрел свою вторую родину. Он прожил здесь 37 лет — годы цветущей зрелости и старости — до самой смерти, а его потомки вошли в состав русского дворянства.

Прибыв в Росиию в 1671 г., Спафарий был назначен переводчиком Посольского приказа. Пользуясь покровительством царского любимца боярина А. А. Матвеева, Спафарий с большой энергией принялся за переводы иностранных книг. Надо полагать, что хорошо осведомленный в политике европейских держав, он мог подать полезные советы русскому правительству и, в частности, руководителям Посольского приказа. Лучшей из тех книг, «строением» которых он занимался, была «Арифмология». Это была, несмотря на сбивающее с толку название, энциклопедия, в которой автор собрал необходимые сведения по различным отраслям знания[2]. Известный сибирский ученый Г. Н. Потанин считал, что «Арифмология» напоминает китайский трактат Сан-изе-кинг, а это дает основание предположить, что Спафарий был знаком с литературой о Китае или во всяком случае интересовался ею[3].

---

[1] *Ю. Арсеньев,* Новые данные о службе Н. Спафария в России. М., 1900. Приложения, № 5, стр. 43.

[2] См. *Н. Кедров,* Николай Спафарий и его арифмология, ЖМНП, 1876, ч. CLXXXIII, январь.

[3] См. *Г. Н. Потанин,* Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Н. Спафария в 1675 г., ЖМНП, 1883, ч. CCXXVII, июнь.

Совокупность всех этих обстоятельств привела к тому, что при поддержке Матвеева Спафарий был облечен высокими полномочиями посла в Китайское государство. Не совсем обычный выбор объясняется целями посольства. Перед ним стояла задача не столько решения вопроса о границе между Россией и Китаем, сколько описания тех восточных стран—русских и нерусских,—через которые пройдет далекий и малоизвестный путь посольства. Во всяком случае царский наказ гораздо меньше говорит о дипломатических целях, направляя внимание главным образом на ученые цели экспедиции: «Да про то ему, Николаю, проведать всякими мерами накрепко, будет впредь у царского величества с китайским богдыханом дружба и любовь и ссылка будет, и в Китайское государство от государевы отчины, от Сибири, на которые земли и улусы или кочевья ходить податнее, и не будет ли впредь в тех местах над государевыми людьми какие шкоды; и сухим путем, или водяным, или горами.

И сколько от которого города и до которого города, или улуса до улуса верст, или милей, или днищ. И на чем сухим путем ходят, на лошадях ли, или на верблюдах, и сколько от которого города за провоз найму с вьюка дают; и в которой китайский украйный город из улусов или из каких мест ни буди приезжают»[1]. На обратном пути Спафарию предписывалось разведать прямой путь «к Москве на Астрахань», «чтоб впредь могли с Москвы для торгового пути и промыслу ходить в Китайское государство через Астрахань»[2]. В Москве, по-видимому, все еще не представляли себе длину и трудности этого маршрута: Спафарий не смог выполнить поручения разведать астраханский путь. За дипломатическими и научными целями стояла еще одна важная задача посольства, которой царское правительство придавало первостепенное значение: разведка торгового

---

[1] «Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г.», «Записки Русского географического общества по отделению этнографии», т. X, вып. 1, СПб., 1882, стр. 151—152.

[2] Там же, стр. 153.

пути и возможностей транзитной торговли со странами Востока. «И пышшее мое посольство, — писал Спафарий, — тем бухарским и татарским торговым людям зело нелюбо, для того буде даст бог устроится сей путь (через Селенгинск или через Даурию) в Китай, тогда весь торг будут промышлять русские люди, а их промысел останется»[1]. Научная, дипломатическая и торговая цели посольства не могли не отразиться решающим образом на отборе материала и внимании Спафария к определенным группам фактов географического, экономического, этнографического и политического характера.

В соответствии со своими целями посольство Спафария было составлено из лиц, обладавших известной научной подготовкой: «Да с ним велено быть, — гласил царский указ, — во дворянах из иноземного списку Федору Павлову, Константину Гречанину, да для письма Посольского приказу подъячим Никифору Венюкову, Ивану Фаворову. Да для изыскания тамошних лекарств и всякого коренья из Оптеки лекарь и алхимист Яган, и тот лекарь великого государя у руки был, а после того заскорбел и остался в Москве, а вместо ево взят был для знатия каменья гречанин Спиридон Евстафьев, а для лекарства гречанин Иван Юрьев»[2].

Отправляясь в далекий путь, Спафарий, как видно, тщательно готовился к исполнению своей миссии. Он изучил материалы посольств Байкова, бухарца Сейткула Аблина и Милованова, бывших послами в Китае до него. Спафарий также широко воспользовался данными землепроходцев — первооткрывателей сибирских земель, в частности отписками Ерофея Хабарова и Василия Пояркова, походы которых привели русские владения к Амуру — непосредственным границам с Китайским государством. Вообще Спафарий, не любивший обнаруживать свои источники, делает в данном случае исключение для казаков, на данные которых он не-

---

[1] «Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г.», «Записки Русского географического общества по отделению этнографии», т. X, вып. 1, СПб., 1882, стр. 172.

[2] *Ю. В. Арсеньев,* Статейный список посольства Н. Спафария в Китай (1675—1678), СПб., 1906, стр. 6.

сколько раз ссылается в «Сказании о великой реке Амуре, которая разграничила русское селение с Китайцы» [1]. Помимо русских источников, Спафарий воспользовался иностранными руководствами, в частности голландскими описаниями путешествия в Китай. Наконец, посольство было снабжено имеющимися в распоряжении московских властей измерительными путевыми инструментами [2]. Таким образом, по своему личному составу, приготовлениям и оснащению посольство, возглавляемое Спафарием, мыслилось как первая научная экспедиция с официальными дипломатическими целями, облеченная высокими полномочиями от имени русского царя. Посольство выехало из Москвы 3 марта 1675 г. и прибыло в Тобольск 30 марта. Совершив огромный путь от Тобольска по Иртышу, Оби, Кети, Енисею и Байкалу, а потом сухопутьем до Селенгинска, а от него — через Даурию к Нерчинску и китайской границе, посольство Спафария прибыло в Пекин (Камбалык). Не добившись дипломатических целей посольства и проведя время в бесконечных спорах о церемониале приема русского посла, Спафарий вернулся в Москву 5 января 1678 г.

Если дипломатические цели посольства оказались невыполненными, то, напротив, богатые плоды достались науке. Результатом трехлетнего путешествия Спафария явился труд его в виде дорожного дневника, который он тщательно вел в течение своего сибирского пути. Он издан Ю. В. Арсеньевым в 1882 г. под названием «Путешествие чрез Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. Дорожный дневник Спафария» [3]. Исполняя царский указ, Спафарий заносил в дневник все приметы маршрута. Подробнейшее описание пути: «Да на правой стороне Иртыша речка Асеева, от деревни Есауловой 2 версты. Да на левой стороне остров... Да на той же стороне речка Каймыш, от речки Тунчугуни верста. Да на правой стороне Иртыша юрт Переслихьют, от речки

---

[1] *А. Титов*, Сибирь в XVII веке, М., 1890.

[2] См. *И. Н. Михайловский*, Очерк жизни и службы Н. Спафария в России, Киев, 1895, стр. 11—12.

[3] «Записки Русского географического общества...», т. X, вып. 1.

Каймыша полверста»[1] и т. д., составляло основную часть его труда. Она представляет собой роспись пути, подорожник, причем Спафарий не только по содержанию, но и по форме полностью подчинился русской манере описаний XVII в.

Такие подорожники справочного характера, необходимые центральному правительству и местным властям, давно имели хождение в Московском государстве. В Сибири они составлялись из тех данных и чертежей, которые содержали «отписки» и «скаски» землепроходцев, разрозненные сведения которых сводились в одно целое по районам.

Однако произведение Спафария далеко выходит за пределы дорожного справочника и представляет собой труд разнообразного и богатого содержания. Это достигается тем, что время от времени в деловой перечень рек, островов, деревень и расстояний между ними вставлены отдельные очерки. Таково описание рек Иртыша, Оби, Байкала, остяцких племен. Кроме того, Спафарий кое-где сообщает не лишенные интереса сведения самого разнообразного содержания, которые он рассыпает по ходу своего повествования, занося в него все то примечательное, что он видел или слышал по дороге.

«Путешествие» Спафария — сложное по своему составу произведение. Оно представляет собою смесь его собственных наблюдений (которые, как правило, точны), сведений местного населения (которые, не имея возможности проверить, он заносил часто в том неточном виде, в котором их получал) и, наконец, известий и свидетельств письменных источников — Большого чертежа и статейных списков его предшественников — Байкова и Аблина. Последними он пользуется весьма широко, а иногда даже предпочитает их собственным сведениям. В этом сказался Спафарий — компилятор и переводчик, — привыкший иметь дело со «строением» различного рода трактатов и энциклопедий. Европейская манерная образованность Спафария проявляется в нередких ссылках на греческие и латинские названия. Будучи

---

[1] «Записки Русского географического общества...», т. X, вып. 1, стр. 33.

одним из первых путешественников, проехавших от Москвы до Пекина, Спафарий не без основания с пренебрежением отзывается о «земнописателях», как он их называет, разумея под этим словом западноевропейских географов: «А кто писал что об них (т. е. о сибирских землях и жителях) только басни писали, для того, что только слухом слыхали, а никого из искусных не бывало»[1]. Таким образом, сам Спафарий более всего, как видно из приведенных слов, ценил в данном случае личные наблюдения. В этом отношении надо отдать ему должное: его наблюдения точны, а описания, сделанные тем же способом, несмотря на его церковно-схоластическую ученость, лишены каких-либо богословских примесей. Они отличаются деловым светским характером, написаны точным и лаконичным языком, без доли той ученой витиеватости, которая так характерна для Спафария — автора ученых трактатов. В отношении формы очерков-описаний Спафарий пошел за землепроходцами. Да и нельзя было иначе: условная ученость должна была рассеяться перед живой действительностью, требующей трезвого материалистического подхода к явлениям. Когда Спафарий отступает от последнего и пытается пуститься в исторические экскурсы, он возвращается к арсеналу своего схоластического образования, пытается применить его к сибирской теме и почти всегда попадает впросак. Так, например, он объясняет название Канин нос точным переводом латинского слова canis (собака), а «Мунгалы суть, о которых пишет в Библии — Гог и Магог, потому что они называют себя Маголь»[2].

Спафарий дает сравнительно много сведений по географии, этнографии, истории Сибири. В этом отношении у него нет какой-либо научной системы: сведения приходят и уходят в течение повествования вместе с движением посольства на Восток в зависимости от проходящей мимо территории. То же самое относится и к значимости сообщаемых известий: Спафарий переходит, например, от высших вопросов географической науки о границе

---

[1] «Записки Русского географического общества...», т. X, вып. 1, стр. 417.

[2] Там же, стр. 128, 134.

между Азией и Европой [1] до отдельных незначительных частностей, вроде того, что: «На правой стороне (реки Кети. — *В. М.*) яр, а на том яру зимовье, а зимовал на том яру тобольский сын боярской, а ехал из Тобольска с государевым запасом в Енисейской и тут замерз» [2].

Наибольшее количество известий Спафария относится к географии Сибири. Его преимущество перед землепроходцами в этом отношении заключается в том, что он, во-первых, мог, опираясь на свое образование, рассматривать Сибирь в плане того, насколько она известна или неизвестна европейской науке, и, таким образом, указать ее место в мире, а, во-вторых, Спафарий имел возможность подвести итог обширной части первооткрытий сибирских землепроходцев.

Хорошо знакомого с европейскими государствами Спафария поразили масштабы сибирской природы, ее «превеликие расстояния». Впечатление, произведенное на него сибирской тайгой, он передает в следующих словах: «А потом следует лес тот, который идет и по Обе реке, и по всему Сибирскому государству до самого до Окиянского моря... и тот лес идет возле берега Акияна до Немецкой и Французской земли и дале, и чуть не по всей земли, для того и первый лес на свете и преименитый у всех земнописателей есть, однакожде нигде нет так пространной и великой, как в Сибирском государстве» [3]. То же самое он относит и к сибирским рекам, в частности к Оби: «И нет такой реки ни величиною, ни глубиною во всей вселенной рек, опричь Амура» [4].

Сибирь представляется Спафарию не бесплодной страной мрака и холода, а краем природных богатств, изобильным всякого рода дарами флоры и фауны. Его отношение к природе утилитарное: он воспринимает ее как практический человек. Когда он видит реку, он отмечает себе изобилие воды и возможность судоходства и рыболовства; степь, покрытую травой, он рассматривает как пастбище, а земли — как пашни. Особенно ему

---

[1] «Записки Русского географического общества...», т X, вып. 1, стр. 70—71.

[2] Там же, стр. 82.

[3] Там же, стр. 48

[4] Там же, стр. 68.

кажется изобильной местность у истоков реки Оби: «А места те зело хлебородные и степные, и лесы есть те»[1]... «А рыбы всякой в той реке зело множество, а наипаче осетры великие ловят. А особая рыба есть муксун, которая зело добрая. И кажется, что из моря идет. И толь множество по ней рыбы есть, что ни по одной реке и множество и жирней и невозможно быть»[2].

Спафарий отмечает также изобилие рыбы в Байкале, залежи соли в местах выше устья Вилюя[3] и т. д. Особенно восторженно он отзывается о сибирских соболях: «А соболь зверок зело предивный и многоплодный, и нигде на свете не родится, опричь в северной стране Сибири, а в Сибири родятся добрые наипаче при море и где холодные места, а где места теплые и степные, тут худые соболи родятся. А родятся они вдруг по 5 и по 6, зверок радостный и красив, а красота его придет вместе со снегом и опять со снегом сойдет, и тот есть зверок, что у греков у старых и у латинов именуется златая кожа, и для той кожи греки аргонавты ходили по Черному морю»[4].

Здесь любопытно еще и то, что знаменитое Золотое руно Спафарий относит к соболиным мехам.

Описывая сибирскую природу, Спафарий не может уйти от впечатления, что он первый из европейски образованных людей видит и описывает ее: «И то подлинно есть, что и древние, и нынешние земнописатели, как греки как и латины, страна тоя земли, которая превеликая есть, от Хвалынского моря и от царства Астраханского начинающе, что есть за Волгою рекою и даже до Окияна моря Северного и Ледовитого, и меж Иртыша и Оби реки, и Енисейска, и Тангуска и Лены и Амура даже и до самого Китайского государства, где превысокие и предолгие стены китайские суть, ничего они о той стране, или о реках и о жителях ничего до сего дня писати не ведают»[5].

---

[1] «Записки Русского географического общества...», т. X, вып. i, стр. 69.
[2] Там же, стр. 70.
[3] См. там же, стр. 119, 133.
[4] Там же, стр. 134.
[5] Там же, стр. 40.

Подобно землепроходцам, Спафария меньше, чем природа, интересует местное население. Оно и понятно — его задачей было разведать пути и возможности транзитной торговли. Тем не менее Спафарий не мог пройти мимо описания сибирских народностей, из которых он упоминает остяков [1], татар, калмыков, а также (в «Сказании о великой реке Амуре») нивхов (гиляков).

Разгадку тайны происхождения сибирских народов Спафарий ищет в библии. В частности, остяков он считал древним народом, которые «от скифов произведены суть, которые скифы после потопа от Иафета, Ноева сына, поколение свое имели. И для того и обычай их, и просто нравы» [2].

Спафарий отмечает примитивный образ жизни сибирских народов. Остяков он называет ихтиофагами, «се есть рыбоядцы, потому что все остяки ловят рыбу всякую множество много. И иные и сырую едят, а иные сушат и варят; однакожде соли и хлеба они не знают, опричь рыбы, да корень белой, сусак, которой они летом собирают в запас, сушат и зимою едят. А хлебом не могут жить. А которые насытятся хлебом, и те помрут» [3]. Спафарий упоминает также средства сообщения у остяков — лодки, их вооружение — лук и стрелы. Что касается формы брака, то «...жен у них множество, сколько хотят, столько и держат». Если прежде — рассказывает Спафарий — остяков было великое множество, то затем количество их в значительной степени уменьшилось: «а почали воевать между себя и в тех драках много погибли; а иные от мору и от глада примерли, что и в прошлых годах такой глад у них был, что иные из них детей своих поели» [4].

Для характеристики торговли русских с местными народами любопытно описание ярмарки на Ямыш озере, недалеко от Иртыша, где ежегодно сходятся русские, татары, калмыки и бухарцы: «И они продают лошади и ясырь, и иные китайские товары. И держат той ярмарок

---

[1] Современные ханты, кеты и селькупы.

[2] «Записки Русского географического общества...», т. X, вып. 1, стр. 83.

[3] Там же, стр. 83, 128.

[4] Там же, стр. 83.

Помишки по Ермаку.
Краткая сибирская летопись (Кунгурская), ст. 112.

недели по 2 и по 3, и русские люди, взяв соль и торгуя, возвращаются к Тобольску, а калмыки и прочие — в улусы свои и то место остается пусто...»[1]

Несколькими штрихами Спафарий кое-где рисует религиозные взгляды сибирских племен: культ медведя

[1] «Записки Русского географического общества...», т. X, вып. 1, стр. 43.

и поклонение знаменитой богине — Золотой бабе, столь известной по отзывам иностранцев, писавших о Сибири [1].

Сообщая эти сведения, он сам говорит, что записал это по слухам: «А вера де у них сказывают — есть де мечати, а в мечатех вырезаны балваны серебряные, и медные, и деревянные, и всякие. И молятся стоя мыжут да пляшут; а как медведя в лесу убьют, и они приволокут на двор и в избу с луками и стрелами, и стрелы потычут, и поют и пляшут. А сказывают они, что де мы молимся шейтану и ходит он по деревням» [2].

Что касается Золотой бабы, то Спафарий, кажется, впервые делает важное для этнографов замечание о том, что имеющиеся у него сведения не подтверждают мнения о том, что этот идол изваян из золота. Спафарий утверждает, что изображения Золотой бабы весьма многочисленны и сделаны из серебра, меди и дерева. Надо полагать (вслед за специальными исследованиями, посвященными Золотой бабе), что она была богиней плодородия, судьбы и охотничьего промысла, близкой по своим функциям древнегреческой Артемиде [3].

У Спафария мы не видим того отрицательного отношения к местным племенам как к язычникам, которое характерно для сибирских повестей официального направления. Описание сибирских народов Спафарием мало чем отличается от землепроходцев: объяснение этому следует искать в чисто светском, практическом характере его сочинения.

Спафарий зафиксировал первые результаты русской колонизации Сибири. Он отмечает все города и остроги, через которые пришлось проезжать, и, как правило, пишет об их местоположении и количестве населения. Основой развития сибирской экономики он считал не добычу пушнины, а развитие земледелия, которому он

---

[1] См. *М. П. Алексеев,* Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей, стр. 116—121.

[2] «Записки Русского географического общества...», т. X, вып. 1, стр. 35.

[3] См. *Н. С. Трубецкой,* К вопросу о «Золотой бабе», «Этнографическое обозрение», 1906, № 1 и 2.

придавал решающее значение в закреплении края за Россией. Главную причину малолюдности и «тоскливости» области, прилегающей к реке Кети, Спафарий полагал в отсутствии плодородных земель. Напротив, начало хлебопашества на реке Лене способствовало заселению этого края русскими людьми. Особенно ему показался населенным «пашенными крестьянами» Енисейский край.

Количество населения русских городов Спафарий ставит в прямую зависимость от плодородия почвы и от развития хлебопашества вообще. Так, в Нарыме «служилых людей только 40 чел. и около города по деревням пашенных людей немного, для того что хлеб пахать почали невдавне, а хлеба родится немного». Кетский острог перенесен на новое место, потому что прежнее было нехлебородно. Благоприятные условия Енисейского края сделали город Енисейск крупным центром численностью в более чем 500 дворов. Гораздо меньше его был тогда Иркутск, насчитывавший лишь около 40 дворов — казацких и посадских [1].

Отношения между русским и коренным населением Сибири Спафарий описывает как мирные и немирные. С одной стороны, он не раз упоминает о стычках между ними. С другой стороны, он рассказывает о развитии торговых отношений и видит прогрессивность той материальной и духовной культуры, которую несли местным племенам русские (земледелие и строительство городов, в частности).

Спафарий — несомненный сторонник правительственной колонизации Сибири. Рассказывая о могучей и богатой водами, лесами, почвами, животным миром и ископаемыми стране, он не может удержаться от того, чтобы не указать на целесообразность освоения той или иной области и основания там городов, как административных и экономических центров. Так, он советует построить острог на реке Иртыш, недалеко от Тобольска, где можно основать крупный торговый центр для обмена с калмыками, бухарцами и татарами [2]. Его при-

[1] См. «Записки Русского географического общества...», т. X, вып. 1, стр. 67, 76, 83, 87, 115, 134.

[2] См. там же, стр. 43.

влекают истоки Оби, где плодородная почва и хорошие пастбища благоприятствуют поселению русских людей и строительству острогов [1].

Вообще Спафарий сетует на то, что в Сибири «пашенных мест много, только людей мало» [2]. Он как бы призывает русское правительство энергичнее колонизовать край, чтобы на обширных пространствах Сибири росли деревни и города, развивалось хлебопашество и торговля. Наибольший его энтузиазм вызывает Селенгинск, удобства местоположения которого он описывает со сдержанным восхищением: «и тот острог лучше всех украинских сибирских острожков, для того, что хлеб родится всякой, да и в садах всякие зелия родятся ж и китайские, потому что страна теплая, а рыбы зело много промышляют из Байкала и из реки, лесу всякого много и лугов для сенокосу много, а паче всех лучше мочно завести в нем торг великой, потому что Китайское государство недалеко...» и в конце прибавляет в своей обычной манере: «только в остроге русских людей не много, и торговать некому» [3]. При этом Спафарий ни слова не упоминает о той роли, какую он отводит в развитии производительных сил Сибири местному населению. Можно считать, что он рассматривает отношения, сложившиеся с местным населением, как естественные.

Исторические сведения Спафария касаются стычек между казаками и «немирными туземцами», обрисованных совершенно в манере «отписок» землепроходцев, а также местоположения Искера — столицы Кучумова царства, иногда — указаний о дате основания городов. Интересно, между прочим, указание на «писаницы», полученное Спафарием из вторых рук во время следования по Енисею: «Вырезано на каменю неведомо какое писмо и меж писмом есть и кресты вырезаны, так же и люди вырезаны, и в руках у них булавы, и иные многие такие дела. Как сказывают, что в том каменю

---

[1] См. «Записки Русского географического общества...», т. X, вып. 1, стр. 69.

[2] Там же, стр. 125.

[3] Там же, стр. 128.

вырезаны на пустом месте. А никто не ведает, что писано и от кого»[1].

Посольство Спафария было первой экспедицией в Сибирь, имеющей научные цели. Накопление огромного материала требовало обобщения сильно разросшихся материалов самого разнообразного содержания. Этому этапу в развитии знаний о Сибири соответствовали появлявшиеся один за другим «Росписи» (указатели населенных пунктов и расстояний между ними), Чертежи Сибири и, наконец, описание путешествия Спафария. Описание Сибири, принадлежащее перу последнего, представляет собой итог работы его предшественников — как землепроходцев, так и авторов русских описаний, появившихся ранее труда Спафария. Компилятивно-обобщающий элемент, помимо личных наблюдений, играет у него большую роль. Тем не менее его большой заслугой была систематизация массы разрозненных данных и сведение их в одно стройное целостное произведение.

В этой работе он применил метод обобщения, уже утвержденный в русской науке XVII в. землепроходцами: составление практического руководства — подорожника. Со своей стороны он ввел в это сухое перечисление свои отдельные вставные очерки экономико-географического содержания, что свидетельствовало о дальнейшем развитии научных методов изучения и описания Сибири. Вот почему труд Спафария, завершающий в определенном смысле этого слова этап развития русской науки, связанный с землепроходцами, перекидывает переходный мостик к ученым работам Академии наук, а его посольство — к ее научным экспедициям XVIII в.

Условная ученость Спафария не могла дать ему практического опыта. Вот почему схоластическое его образование мало помогло ему в изучении Сибири и вынуждено было отступить перед реальной жизнью. Спафарий должен был изучить неизвестную ему землю и народ, а это было задание, которое не шло ни в ка-

---

[1] «Записки Русского географического общества...», т. X, вып. I, стр. 85.

кое сравнение со «строением книг», к которому он привык, будучи переводчиком. Здесь потребовались совсем иные методы и качества для работы, и прежде всего личное наблюдение, практическая смекалка и жизненный опыт.

Не найдя в арсенале своей учености нужных ему средств для изучения Сибири, Спафарий обратился к уже сложившейся форме русских географических описаний и подчинился ей, создав свой дорожный дневник-путеводитель. Правда, в этот подорожник он ввел экономико-географические и этнографические очерки отдельных областей Сибири, но исполнил их также в деловой форме. А в такого рода произведении уже не могло быть места схоластическим рассуждениям и богословским формулировкам.

Пример Спафария отразил кризис средневековой учености, на смену которой шло новое знание, связанное с жизнью: уже не за горами был XVIII в., с началом которого Россия вступила в полосу петровских реформ. Сын XVII в., Спафарий не мог перешагнуть его границ, когда выдвинулись практические люди, а от науки стали требовать ответов на вопросы, выдвигаемые жизнью.

С. У. Ремезов — первый историк Сибири

Русский народ принес в Сибирь достижения не только материальной, но и духовной культуры. Несмотря на трудности освоения страны и отдаленность от культурных центров, русская образованность и наука в Сибири стояли на довольно высоком уровне.

Центром культурной жизни Сибири был «град именитый» Тобольск, насчитывавший в 1678 г. около 2657 человек[1]. Население в этом городе, как и во всей Сибири, было весьма разнообразное. Сюда переселялись, посылались на службу и ссылались не только русские, но и иностранцы — поляки, литовцы, немцы, шведы и др. Небезынтересно упомянуть, что в Тобольск

---

[1] См. *С. А. Белокуров,* Юрий Крижанич в России, М., 1902, стр. 109—113.

в конце XVII в. приходили заграничные газеты, доставляемые, правда, с запозданием [1]. Сюда же, в тогдашнюю сибирскую столицу, приезжало немало бухарских купцов, татар, калмыков и других представителей азиатских народов. Тобольск жил сравнительно интенсивной культурной жизнью, испытывавшей влияние иностранцев как западного, так и восточного происхождения.

Не случайно поэтому город Тобольск стал центром научного изучения Сибири. Здесь появляются такие произведения, как повесть Есипова, Чертеж П. И. Годунова; в Тобольске написал свои замечательные работы стяжавший себе позднее славу ученого Юрий Крижанич. В Тобольске в XVII в. велись погодные записи важнейших событий сибирской жизни, соединенные в «Книге записной» и в «Записках к истории Сибири служащих» [2]. Более того, в городе были созданы живые культурные традиции, перешедшие в XVIII в., когда появляются «Сибирский летописец» [3], «Краткое показание о ... воеводах и губернаторах» [4] и «Новая Сибирская история» тобольского ямщика — образованного самоучки И. Черепанова [5].

---

[1] См. *С. А. Белокуров,* Юрий Крижанич в России, М., 1902, стр. 113.

[2] См. «Древняя Российская Вивлиофика, издаваемая Н. И. Новиковым в 1773—1775 гг.», ч. VI, изд. 2-е, СПб., 1895, а также *И. И. Тыжнов,* Заметки о городских летописях Сибири, СПб., 1898.

[3] «Сибирский летописец» — летопись, содержащая роспись тобольских воевод и известия о городской жизни Тобольска. Изложение начинается с 1590 г. и оканчивается 1715 г. Летопись опубликована дважды: 1) «Северный архив», 1826, № 2 и 3, 2) «Сибирский летописец» с предисловием Е. В. Кузнецова, Тобольск, 1892. Подробный разбор см. в исследовании И. И. Тыжнова. *И. И. Тыжнов,* Заметки о городских летописях Сибири, СПб., 1898.

[4] Полное наименование: «Краткое показание о бывших как в Тобольске, так во всех сибирских городах и острогах, с начала взятия Сибирского государства, воеводах и губернаторах и прочих чинах, и кто именно, и в каких городах были, и кто какой город строил и когда». Летопись обнимает время с 1581 по 1791 г., была издана в 1792 г. в Тобольске. Подробный разбор см. в исследовании И. И. Тыжнова. *И. И. Тыжнов,* Заметки о городских летописях Сибири.

[5] И. Л. Черепанов (1724—1795), пользуясь трудами Г. Ф. Миллера, С. У. Ремезова, С. Есипова, Г. Новицкого и др., составил ком-

Самым замечательным явлением, которое должно быть отмечено при оценке культурного развития русской Сибири, было зарождение местной науки, появление местных сибирских ученых, летописцев и историков, выросших в условиях сибирской действительности XVII в.

Накопление материалов по различным отраслям знаний о Сибири, а также рост местных сибирских научных сил были почвой, на которой появилась и могла развиваться научная деятельность крупного сибирского ученого Семена Ульяновича Ремезова.

До недавнего времени мы знали о его жизни очень мало. Сведения о его биографии значительно расширились благодаря научным изысканиям А. И. Андреева [1].

С. У. Ремезов (ок. 1664—1715) происходил из семьи тобольских служилых людей. Семья Ремезовых попала в Тобольск в 1628 г. со времени ссылки туда Моисея Меньшего, деда Семена Ремезова. Фамилия Ремезовых, принадлежавшая к верхам тобольского служилого сословия, находилась в курсе дел тогдашней сибирской политики, а также общалась с различными людьми, сосланными в Тобольск, среди которых были выдающиеся ученые, вроде Юрия Крижанича. Последний был близко знаком с отцом Семена Ремезова [2]. Дед же Семена был близок к воеводе П. И. Годунову, под руководством которого был составлен Чертеж Сибири. Таким образом, С. У. Ремезов получил воспитание в семье, традиции которой должны были возбудить в нем живой интерес к наукам и, в частности, к историческому

пилятивный труд по истории Сибири, доведенный им до 1760 г. Ценность этого труда заключается в том, что при изложении событий XVIII в. он пользовался источниками, до нас не дошедшими (см. *А. И. Андреев,* Черепановская летопись, «Исторические записки», 1941, № 13). «История» И. Черепанова опубликована в извлечениях в «Сибирском вестнике», 1821 и 1823 гг., ч. 2—4 и в «Летописях занятий Археографической комиссии», т. VII.

[1] См. *А. И. Андреев,* Очерки по источниковедению Сибири. XVII век, стр. 45—47.

[2] См. *С. А. Белокуров*, Юрий Крижанич в России, М., 1902, стр. 115.

знанию. Возможно, что круг знакомства, особенно среди ссыльных, живших в Тобольске, еще более этот интерес повысил.

Будучи поверстан в службу, Семен Ремезов уже в среднем возрасте определил свои научные интересы. Он начал как художник, затем перешел к чертежным, а от них — к географическим работам. Научное поприще снискало ему славу выдающегося картографа. Атлас Ремезова, составленный по указанию Сибирского приказа из Москвы, представлял собой поворотный пункт в истории развития русской географии и положил начало новому периоду ее развития.

Интерес Семена Ремезова к истории был обусловлен его географическими работами. Углубляясь в них, Ремезов должен был неизбежно прийти к необходимости не только географического, но и исторического изучения Сибири.

Результатом этих научных интересов Ремезова явилась «История Сибирская», составленная в конце XVII в.

В своем историческом сочинении Ремезов выступает как образованный по тому времени историк, который долгое время тщательно собирал разнообразные источники для своего труда. Работа над географией Сибири позволила накопить ему массу разнообразного материала, а также приобрести необходимую научную подготовку и опыт. Сюда относятся составленные еще до Ремезова чертежи Сибири, различные географические рукописи и главным образом (что особенно ценно) свидетельства сибирских землепроходцев. О методах его работы как ученого мы можем судить по зафиксированному в документах Сибирского приказа случаю, когда С. У. Ремезов воспользовался сведениями известного первооткрывателя Камчатки Вл. Атласова, тотчас после того, как они были переданы автором в Тобольскую приказную палату. «И по тому твоему великого государя указу, по челобитью его Семенову, — писали тобольские воеводы в Москву, — велели мы, холопи твои, ящик, который послан из Якутска к тебе, великому государю с якутским пятидесятником с Володимером Отласовым, взять в приказную палату и, осмотря, якутскую печать

снять, и скаску списать, и тот список отдать ему Семену для письма и свидетельства чертежей» [1].

Этот случай — один из множества «расспросов», с которыми С. У. Ремезов обращался к десяткам «сведущих людей всяких розных чинов», как он сам говорит о своей системе сбора материалов в «Чертежной книге».

Ремезов приступил к составлению своего исторического труда уже будучи зрелым ученым. В «Истории Сибирской» он обнаружил себя не только как исторический писатель, но и как географ и художник: не могли не сказаться его прежние научные занятия. Сочинение Ремезова представляет собой целую серию рисунков на исторические темы из прошлого Сибири, снабженную текстом, причем для автора последний не всегда играл первенствующую роль, а был, так сказать, на равном положении с иллюстративным материалом. Рисунки, хотя и стилизованные, отличаются реализмом изображения. В них чувствуется опытная рука картографа, точно изобразившего течение рек, границы распространения лесов, конфигурацию городов и т. д., данных в проекции сверху и несколько сбоку. Перо ученого видно также и в характерной для Ремезова детали изложения: всюду указывается не только точное современное географическое название, но и сообщаются названия, бывшие прежде.

Как исторический писатель, Ремезов выступает продолжателем официальной исторической традиции, идущей от синодика Киприана и Есипова. В основу своей «Истории» Ремезов берет то же самое историческое содержание, как и его предшественники — поход Ермака. Однако изложение ведется на более высоком уровне. Это особенно заметно в использовании Ремезовым разнообразного круга исторических источников. В отличие от его предшественников Ремезову было более доступно понятие исторического источника, хотя критическое отношение к нему выражено у него еще в слабой форме — в виде отбора материала. Он постоянно ссылается на «бусурманскую историю», «бусурманские по-

---

[1] *Н. И. Оглоблин,* Источники Чертежной книги Семена Ремезова, СПб., 1891, стр. 10.

вести», проявляя прямо-таки удивительный интерес к местным татарским источникам[1]. Этот интерес возник не только под влиянием географических изысканий, но и как результат воздействия семейных традиций Ремезовых, получивших отражение в «Истории Сибирской». Там рассказывается о том, как отец автора Ульян Моисеев Ремезов в 1651 г. был отправлен к тайше Аблаю по делу о хранившихся у него панцирях Ермака и услышал о том, как атаман «приехал в Сибирь и от Кучума на перекопе побежа и утопе, и обретен, и стрелян, и кровь течаще, и пансыри разделиша и развезоша, и как от пансырей и от платья чудес было, и как татары смертной завет положиша, что про него русакам не вещати»[2].

Легенда эта была записана Ульяном Ремезовым, засвидетельствована печатью Аблая как рассказчика и впоследствии от Ремезова-отца перешла к Ремезову-сыну. Но это, пожалуй, исключительный случай записи легенд. Можно считать, что основной путь собирания Семеном Ремезовым татарских преданий, это «допросы памятливых бывальцов», устные рассказы татар, как об этом еще в свое время писал Г. Ф. Миллер[3].

Использование Ремезовым татарских источников свидетельствует о том важном значении, которое придавал им сибирский историк. Общий процесс сближения русского народа с сибирским населением проявлял себя в сибирской историографии, в частности в повышении интереса к местным сибирским историческим источникам. Начало этого изучения мы видим еще в казачьем «Написании», использовавшем «татарские истории». Последние были заимствованы Есиповым, а у Ремезова их использование достигает широких размеров. Основным фундаментом сочинения С. У. Ремезова были, по мнению С. А. Адрианова, принятому позднейшими исследователями, повесть Саввы Есипова и еще две до сих пор не разысканные летописи[4].

---

[1] См. «Сибирские летописи», стр. 318, 319, 324, 346, 347—348.
[2] Там же, стр. 348.
[3] См. *Г. Ф. Миллер,* История Сибири, т. I, стр. 196.
[4] См. *С. А. Адрианов,* К вопросу о покорении Сибири, ЖМНП, 1893, апрель; *С. В. Бахрушин,* Научные труды, т. III, ч. 1, стр. 34—35.

Труд Ремезова значительно отличается от сибирских повестей переработкой источников. Это — не простой свод в одно целое, как это было у Есипова, или интерполяции, как у автора Строгановской повести. В отличие от них, Ремезов отбирает свои источники и сообщаемые факты таким образом, что создает свою довольно стройную схему истории присоединения Сибири. До работ С. В. Бахрушина многих историков при оценке Ремезова сбивали с толку вставки в текст «Истории Сибирской» фрагментов Кунгурской летописи, дублирующей одни и те же моменты. Даже такой проницательный исследователь, как С. А. Адрианов, считал, что Ремезов «не желал или не умел» компилировать [1]. Отделенный от фрагментов Кунгурской повести текст труда С. У. Ремезова, напротив, свидетельствует об уровне научно-исторического подхода С. У. Ремезова к имеющимся у него материалам. Он перерабатывает Есипова, приспособляя его к схеме своего сочинения, выбрасывая его риторические отступления и излагая взятые у него факты своим языком. Впрочем, общий ход действий Ермака с дружиной в Сибири он заимствует из той летописи, которая нам неизвестна. Ремезов отвергает вариант Строгановской повести, которая укладывает поход Ермака и занятие им кучумовой столицы в два месяца, и предпочитает другой, показавшийся ему более соответствующим истине — о постепенном движении с длительной остановкой на зиму и последующим занятием Искера уже осенью следующего года от начала похода [2]. Нет необходимости вновь здесь поднимать вопрос о том, какой вариант покрылся более толстым слоем литературы. Однако нельзя не отдать должное Ремезову-историку, подошедшему к вопросу наиболее осторожно и вдумчиво и избравшему из источников все-таки такой вариант, который представляется наиболее правдоподобным.

Ремезов проводил серьезную работу над источниками, тщательно собирал их, выбирал из них то, что ему казалось важным и соответствующим действитель-

[1] См. *С. А. Адрианов,* К вопросу о покорении Сибири, ЖМНП, 1893, апрель.

[2] См. «Сибирские летописи», стр. 317 и 332.

ности, приспосабливал их к своему пониманию события, компановал. Конечно, не все ему удавалось оценить правильно: таково приведенное им фантастическое известие о взятии Ермаком Тюмени, спутанная хронология.

Провиденциализм у Ремезова выступает в наиболее законченном виде, чем у его предшественников — Есипова и автора Строгановской повести. «История Сибирская» переполнена описаниями чудес и знамений, причем, если у летописцев божество в общем руководит событиями, то у Ремезова оно непосредственно вмешивается в дело и даже дает указания дружине Ермака...

Присоединение Сибири Ремезов рассматривает как результат поступательного хода христианского просвещения во все «концы вселенной». Исходя из этого, русские в лице Ермака и его дружины выступают как носители этой высокой миссии, которая, таким образом, освящает их. Она же резко разграничивает жизнь казаков — греховную до сибирского похода и добродетельную — после.

Христианско-просветительская концепция Ремезова может подчас показаться наивной. Однако на деле это не так: все средневековье, по существу, проходит под этим знаменем, которое закрывало жестокость, насилие и произвол его носителей. В сибирской историографии эта концепция оказалась наиболее живучей: один из ее крупных представителей, профессор П. Буцинский, спустя 200 лет после Ремезова, точно так же рассматривал присоединение Сибири [1].

Жизнь Ермака и его казаков до прихода в Сибирь описывается Ремезовым очень кратко: они действовали как «своевольные вои», «воюя бусы» и даже «царскую казну шарпали». Разбойная жизнь казаков никак не

---

[1] «С покорением Сибири, — писал он, — Московскому государству открылось широкое поле нравственной деятельности в новоприобретенном крае: привить русскую культуру к полудиким сибирским народам, просветить христианским учением тамошних язычников и магометан — вот высокая, нравственная задача, которая еще в конце 16 века выпала на долю русских людей и о выполнении которой они прежде всего должны были заботиться!» (*П. Буцинский,* Открытие тобольской епархии и первый тобольский архиепископ Киприан, Харьков, 1891, стр. 1).

оценивается Ремезовым; он просто рассказывает — так было, — не придавая этому никакого значения. То, что так волновало потом академиков в середине XVIII в., для Ремезова не составляло никакой проблемы[1]. Но вот неисповедимые судьбы указали на Ермака и, дав ему, подобно богатырю Самсону, исполинскую силу, направили его на великий подвиг.

Если у Есипова Ермак подан как обыденный человек, а в Строгановской повести он уже приобретает идеальную окраску, то у Ремезова, писавшего примерно через 100 лет после похода казаков в Сибирь, Ермак получает ореол святости и превращается в почти житийный персонаж. Дружина казаков отходит на второй план; везде выступает только Ермак. Ремезов сравнивает его с библейским Самсоном, изображает его действующим в молитвах и постах, подробнейшим «образом» описывает чудеса, будто бы совершающиеся над его мертвым телом, и в заключение рассказывает об утверждении его поминовения центральной светской и духовной властью[2]. Таким образом, «поминовение» Ермака в сибирской литературе, начатое еще синодиком Киприана, получает логически законченную форму в «Истории» Ремезова, представляющей собою панегирик Ермаку. Кисть Ремезова рисует уже не народного героя, не выходца из низов, каким он в сущности был, а легендарную личность, образ полусвятого, жизнь и борьба которого должны служить назиданием потомству.

Правда, характеристика личности Ермака, данная Ремезовым в момент описания смерти атамана (и, возможно, заимствованная из оставшегося нам неизвестным источника), звучит реалистически и вряд ли не соответствует исторической правде.

Ермак у Ремезова «велми мужественен и разумен, и человечен, и зрачен, и всякой мудрости доволен». Внешне же он «плосколиц, черн брадою и власы прикудряв, возраст средней, и плоск и плечист»[3].

---

[1] См. «Из протоколов исторического собрания Петербургской Академии Наук», «Библиографические записки», т. III, М., 1861.

[2] См. «Сибирские летописи», стр. 312, 328, 345, 346, 353.

[3] Там же, стр. 344.

Город Тобольск.
Краткая сибирская летопись (Кунгурская), ст. 18

Несомненно, что каждый, более или менее знакомый с историей Сибири, согласится с оценкой таких черт Ермака, как мужество, незаурядный ум, железная воля и большие организаторские и военные способности. Однако, не умаляя роли и значения казацкого вождя, ни-

как нельзя принять тот культ Ермака, каким проникнута «История» Ремезова. Ермак был прежде всего выразителем коллективной воли и разума дружины, и в этом смысле к истине ближе летописец Савва Есипов, который заимствовал безыскусственное казацкое «Написание», составленное очевидцами и участниками первого сибирского похода.

Если сибирские повести дают сравнительно широкие экскурсы в область других знаний, то Ремезов точно придерживается задачи своего повествования, не уклоняясь от нее в сторону. Описывая историю разгрома царства Кучума и подчинение сибирских народов, он не делает почти никаких экскурсов в сторону, если не считать помещенных в конце риторических рассуждений. Природа и население Сибири им подаются как бы через восприятие Ермака («Слыша Ермак от многих чусовлян про Сибирь») и едва ли, как это ни покажется странным, без заимствования у Есипова [1].

Об участии Строгановых в подчинении Сибири он говорит очень глухо, не придавая этой проблеме серьезного значения: «Ермак побеже вверх по Волге и по Каме и дошед Орла городка и ту многие запасы у Строгановых, ружье и вожей взял» [2]. В сущности, это известие в лаконичной форме повторяет соответствующие свидетельства Кунгурской повести и Крижанича. Возможно, оно происходит из одного и того же источника. Есипов вообще ничего не знал о Строгановых, Кунгурская повесть рассказывает о них подробно, но ограничивает их участие вынужденной помощью, а Ремезов, несомненно знакомый со свидетельством этих источников, предпочел ограничиться самым беглым упоминанием. Это можно объяснить двумя обстоятельствами: во-первых, Ремезов, объездивший для составления атласа массу населенных пунктов, нигде не нашел таких сведений, которые бы укрепили его в мнении о широком инициативном участии Строгановых в походе Ермака, во-вторых, источники, имевшиеся в распоряжении автора «Истории Сибирской», не подтверждали этого мнения.

---

[1] См. «Сибирские летописи», стр. 316.

[2] Там же, стр. 317.

Вот почему Ремезов, вообще стремившийся дать возможно больше подробностей, на сей раз изменил своему обыкновению и почти обошел вопрос.

Ремезовское описание взаимоотношений русских пришельцев и местных народов еще раз подтверждает мысль о том, что присоединение Сибири уже на первом этапе наряду с завоеванием носило характер и невоенного подчинения. Дружина Ермака «плениша многих вогулич улусы и в плен взяша, овии же добровольно покоришася до Тавды, и воеваша во всю зиму Пелымские уезды до весны»[1]. Ремезов отмечает прежде всего переход на сторону русских туземных князьков, находивших для себя более безопасным держать руку побеждающей стороны. Умный «Ермак, чесне жалуя, отпустил их». Некоторые из них, подобно князьку Ишбердею, жили с казаками не только в мире, но и «радея и служа» и «верны велми».

Таким образом, схема присоединения Сибири, данная С. У. Ремезовым, наиболее удовлетворительно объясняет ход дела. Поход отряда Ермака по этой схеме произошел по инициативе самой дружины, спасавшейся в неведомые земли от карательных операций царских войск. Строгановы приняли косвенное участие в походе, отдав Ермаку запасы продовольствия и оружия. Однако сил дружины Ермака оказалось недостаточно для удержания завоеванных земель. Окончательное присоединение Западной Сибири произошло при помощи московских правительственных войск.

Эта схема оказалась очень жизненной. Воспринятая историками XVIII в., она продержалась вплоть до Н. М. Карамзина и была им отвергнута, чтобы затем вновь возродиться уже к концу XIX в.

Относительно языка «Истории» Ремезова следует сказать (не ставя себе целью дать его анализ), что он весьма неровный и зависит от предмета изложения. Он трафаретен в описании боев и знамений, высокопарен там, где автор показывает Ермака, как орудие неба, и доходит до предела пустой и звонкой риторики в концовке. Там же, где автор не ставит себе никаких целей,

---

[1] «Сибирские летописи», стр. 317.

кроме обычного показа ординарных событий, стиль его изложения «ветрила словес опустивши» изменяется, превращаясь в простой и доступный, почти разговорный язык. Например: «Егда же Ульяну доехавшу до урги, и по чину Аблаеву учинена с честию стреча и корм; егда ж дары понесоша по наказу, Аблай же спросив у Ульяна: «О честь ли пансырь Ермаков, ему ж в дарах не ряд поднесену быти? Ульян же поведа: «Послан». Аблай же по росписи чин весь оставил: «Подайте ми пансырь» [1].

Ремезов — последний писатель сибирской историографии XVII в. В его труде традиционная манера исторического повествования получает свою законченную форму и вместе с тем изживает себя. Однако его сочинение уже не летописная повесть, а исторический труд — с элементами научно-исторического подхода к явлениям: по своей обработке источников, историческому методу и схеме присоединения Сибири Ремезов может считаться первым историческим писателем в историографии Сибири.

Достаточно вспомнить, что известный историк Г. Ф. Миллер основную часть своего обширного труда построил на «Истории Сибирской» С. У. Ремезова, которому он оказывал как историческому писателю величайшее доверие. В этом смысле можно сказать, что труд Ремезова — переходная ступень от летописного периода сибирской историографии к ее научному этапу, который начался в XVIII в.

---

[1] «Сибирские летописи», стр. 347.

ЗАРОЖДЕНИЕ БУРЖУАЗНЫХ ИДЕЙ. ЮРИЙ КРИЖАНИЧ

С конца XVI в. в России начинается процесс первоначального накопления капитала, принявший более широкие размеры в XVII в., когда, как отмечал В. И. Ленин, наступил новый период русской истории. Это время характеризуется усилением обмена между областями, постепенным ростом товарного обращения, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок[1].

Во второй половине XVII в. в России растет товарно-денежное хозяйство, развивается внутренняя и внешняя торговля. Масса торговых людей действовала в Сибири, ведя торговые операции с Китаем и внутри Московского государства. В частности, крупную роль играла Ирбитская ярмарка, привлекавшая большое количество продавцов, покупателей и товаров из России и восточных стран.

Параллельно с развитием торговых отношений росло ремесленное производство, появлялись первые мануфактуры, подобно крупным солеваренным, железоделательным и поташным предприятиям сибирских промышленников Строгановых.

Вместе с тем экономическое развитие сопровождалось дальнейшим усилением крепостного права, а

---

[1] См. *В. И. Ленин,* Соч., т. 1, изд. 5-е, стр. 154.

также поисками новых земель и богатств. Важную роль в первоначальном накоплении в России сыграло присоединение Сибири. Оно сопровождалось ограблением ее населения как путем насильственной экспроприации, так и с помощью неэквивалентного торга с местными племенами.

Натуральное хозяйство втягивалось в товарно-денежные отношения через посредство торговых монополий, откупов, сбора ясака, скупки сырья у мелкого производителя. Торгово-промышленное развитие России повлекло за собой увеличение удельного веса купечества в стране. Усиление влияния торгово-промышленных элементов не замедлило обнаружиться в политической жизни, где они начинают играть заметную роль во внутренней, и особенно, во внешней политике абсолютизма. В этом отношении особенно показательна борьба русского купечества против попыток иностранного торгового капитала захватить торговлю и торговые пути России на севере. Надо сказать, что царское правительство пошло навстречу этим стремлениям русского купечества, обеспечив тем самым себе его поддержку: «А будет которые русские люди пойдут в Мангазею Большим морем и учнут с немцы торговать мимо нашего указу, а тем их непослушаньем и воровством, и изменою немцы или какие иноземцы в Сибирь дорогу отищут, и тем людем за то их воровство, и за измену быти кажненым злыми смертьми, и домы их велим мы разорить до основанья»[1].

Ясно обозначившиеся в русском обществе XVII в. растущие буржуазные элементы не могли не проявить себя и в идеологии. Развитие производительных сил и национальные интересы России требовали коренных преобразований ее строя в духе приближения к новым условиям. Передовые люди русского общества XVII в. хорошо сознавали необходимость преодоления экономического и культурного отставания России от передовых стран Западной Европы и выдвигали прогрессивные идеи ее реформирования. Это были А. Л. Ордын-Нащокин, А. С. Матвеев и др. Наиболее полно

---

[1] «Открытия русских землепроходцев...», стр. 56.

потребности русского общества в ломке отживших устоев и строительстве новых выразил выдающийся мыслитель и славянский патриот Юрий Крижанич (ок. 1617—1683). Он был хорватом, но его духовная жизнь и творческая деятельность целиком связаны с Россией, которой он отдал все свои помыслы и надежды. Его имя принадлежит русской литературе, и он прежде всего русский писатель, фанатично преданный идее русского главенства в славянском объединении[1].

Юрий Крижанич родился и жил в тяжелое время для западных славян и его родной Хорватии. Последняя находилась по отдельным частям под властью турок и австрийцев. Сложное переплетение национальной, социальной и религиозной борьбы привело к появлению

---

[1] Деятельность Ю. Крижанича — выдающегося мыслителя XVII в. — вызывала постоянный интерес исследователей. Противоречивость его взглядов, недостаточность и даже недоступность некоторых важных источников обусловила те резкие разногласия в оценке мировоззрения Ю. Крижанича, которые возникли еще в середине XIX в. и продолжаются до сих пор. Так, П. А. Бессонов считал Ю. Крижанича фанатичным сторонником объединения славян, С. М. Соловьев и А. Маркевич — славянским патриотом и в то же время ревностным поборником объединения православной и католической церквей, а С. А. Белокуров смотрел на него как на убежденного деятеля в пользу католичества, мечтавшего о распространении католической веры и унии западной и восточной церквей.

Эти разногласия продолжаются в наше время. Оценке деятельности Ю. Крижанича была посвящена дискуссия, организованная Институтом истории Академии наук СССР в июле 1956 г.

Основной темой этой дискуссии был вопрос о том, являлся ли Ю. Крижанич папским агентом и тайным миссионером в России, как утверждали одни (см. *П. П. Епифанов,* Происки Ватикана в России и Юрий Крижанич, «Вопросы истории», 1953, № 10), или горячим сторонником объединения славянства и в то же время убежденным католиком, как считали другие (см. *Л. Н. Пушкарев,* «Об оценке деятельности Юрия Крижанича», «Вопросы истории», 1957, № 1). Хотя дискуссия и не решила вопроса окончательно, большинство ее участников высказалось в том смысле, что оценка деятельности Ю. Крижанича как агента папской курии не имеет под собой достаточно прочной основы. Вместе с тем было подчеркнуто, что необходимо избегать идеализации взглядов Крижанича. Мировоззрение последнего следует оценивать, исходя из общей внутренней и внешней обстановки в России и на Балканах во второй половине XVII в. (См. «Обсуждение вопроса о деятельности Ю. Крижанича», «Вопросы истории», 1957, № 2).

на хорватской почве унпатских идей, провозгласивших необходимость единения католической и православной церквей. Западные славяне тяжело переживали материальный и духовный упадок своей родины, связанный с иноземным порабощением. Вывод напрашивался сам собой: сила славян была в объединении для борьбы за освобождение. При этом взоры не могли тотчас не обратиться на восток, в сторону могущественной славянской России, которая одна только могла взять на себя задачу сплочения славянства.

Эти идеи были не новы, но с наибольшей силой и страстью их выразил Юрий Крижанич. Они захватили все его существо, сделав его фанатиком двух несовместимых идей — унии католической церкви с православной и объединения славян. Вся его жизнь прошла под знаком этих идей: он был католическим священником и славянским деятелем, миссионером римской курии и горячим славяно-русским патриотом. Крижанич одинаково чтил римского папу и русского царя; будучи ревностным служителем католической церкви, он вступил в конфликт с ее руководителями из-за миссии в Москву, а попав в Москву, был сослан русским правительством, как католик, в Сибирь. Даже обстоятельства его смерти носят тот же двойственный характер: он погиб при осаде Вены, когда славяне, освободив ее от турок, спасли столицу Габсбургов; однако в Вену Крижанич попал по дороге в Рим, куда он направлялся как слуга папского престола.

Помимо этого, следует отметить еще одну характерную черту Крижанича: нельзя сказать, чтобы свою научную и общественную деятельность он не стремился связать с практикой, но тем не менее он был оторван от действительной жизни. Это видно не только в самой утопичности идеи унии западной и восточной церкви, но и в существе главного метода проведения ее — через царя. Ведя в одиночестве напряженную творческую работу, оторванный от мирских желаний и сует, Крижанич слепо верил в возможность осуществления своей заветной мечты через русского царя Алексея Михайловича. Ему казалось, что для этого нужно только убедить царя — и дело будет сделано. «Теперь князь Алек-

сей Михайлович, может быть, не большой ненавистник иностранного, человек молодой, около 20-ти лет, — писал он в католическую Конгрегацию пропаганды веры, — и юный дух его может оказаться более нежным к восприятию благочестивых и благородных побуждений, именно по надежде на более долгую жизнь, в течение коей он может надеяться на совершение своих начинаний» [1].

В сентябре 1659 г. Крижанич прибыл в Москву, будучи фанатично убежден в том, что провидение избрало его своим орудием для исполнения планов объединения церквей и славянства. Однако обстоятельства обернулись против него: утопичность его идеи сказалась тотчас же и надежды его были развеяны в прах с первого же шага. Московские власти сочли его подозрительным (возможно, что своим поведением он усилил это подозрение) и, видимо, без какой-либо конкретной вины отправили его в ссылку в Тобольск (январь 1661 г.).

В Сибири Крижанич прожил 15 лет. Здесь он написал все основные свои труды, стяжавшие ему известность через 150 лет после его смерти. Нельзя не удивляться настойчивой воле этого человека: заброшенный в далекую и еще необжитую окраину государства, с поистине поразительной целеустремленностью и верой он продолжал выполнять миссию, которой посвятил жизнь. Своими трудами Крижанич хотел обратить внимание государя и стать его наставником, получить таким образом свободу, а главное — возможность исполнить заветную цель. Всего до нас дошло около 10 его сочинений, главным из которых была «Политика», где он изложил все свои самые сокровенные «политичные думы». Без этого самого важного труда, который составляет «кредо» Крижанича, нельзя по-настоящему понять его остальных произведений.

Сибирь, куда был сослан Крижанич, естественно, не могла не заинтересовать его, тем более, что он провел там немалый период своей жизни. Сибири Крижанич придавал важное значение в экономическом будущем

---

[1] *С. А. Белокуров,* Юрий Крижанич в России, Приложение, стр. 189.

России, о чем свидетельствуют нередкие упоминания по самым разнообразным поводам, содержащиеся в «Политике». Специальным сочинением, посвященным Сибири, была написанная им около 1680 г., уже в Вильне, после его отъезда из России, «История о Сибири, или сведения о царствах Сибири и береге Ледовитого и Восточного океана, также о кочевых калмыках и некоторые повествования об обманах ювелиров, рудоплавов и алхимиков» [1].

Само появление этого труда свидетельствовало о том необычном интересе, который вызывала Сибирь в странах Западной Европы того времени. Работа Крижанича была представлена им польскому королю Яну Собесскому в 1680 г. [2], а из Парижа в том же году просил прислать ему «Историю о Сибири» датский дипломат Горн [3]. Эту работу широко использовал известный писатель, амстердамский бургомистр Н. Витзен [4]. Поэтому надо полагать, что появление описания Сибири Крижанича было плодом не только его научного интереса к Сибири, но и ответом на запросы тогдашней образованной Европы.

В посвящении своего труда «Преславному и пре-благородному господину Гильдебранту фон Горну, секретарю его священного величества, короля Дании» [5] Крижанич определяет свое описание Сибири лишь как «поверхностный очерк». Так Крижанич в уничижительной манере назвал произведение, которое представляет собой лучшее из всего того, что было написано о Сибири

---

[1] «История о Сибири» Ю. Крижанича издавалась несколько раз. Впервые она была опубликована под названием: «Повествование о Сибири. Латинская рукопись XVII столетия, изданная с российским переводом и примечаниями Григория Спасского», СПб., 1822. Вторично она была издана в сборнике: «Сибирь в XVII веке», под ред. А. Титова, М., 1890. Тот же перевод (с некоторыми сокращениями) воспроизведен в кн. М. П. Алексеева «Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. Приложения, стр. 553—565.

[2] См. *С. А. Белокуров,* Юрий Крижанич в России, стр. 198.

[3] См. *А. Титов,* Сибирь в XVII веке, стр. 161.

[4] См. *С. А. Белокуров,* Юрий Крижанич в России. Приложение. стр. 19—27.

[5] *А. Титов,* Сибирь в XVII веке, стр. 161.

в XVII в. Не будет преувеличением сказать, что оно не потеряло своей ценности и до настоящего времени: вот почему оно читается и сейчас с большим интересом. «История о Сибири» Крижанича представляет, если судить на современный лад, энциклопедическую статью, написанную опытной рукой ученого. Само построение работы напоминает современные статьи: автор рассматривает сначала географические факторы и естественные ресурсы страны, затем дает экономические и исторические сведения, а также сведения относительно сибирских народностей и их идеологии, пересыпая их отдельными существенными деталями. Своим рассказом Крижанич должен был блестяще оправдать надежды своих заказчиков: Сибирь представлена им во всем многообразии ее климатов, природных богатств и народностей в рамках самого сжатого очерка, отдельные картины которого просто, но мастерски выписанные, придают повествованию живость и занимательность.

Крижанич был одним из образованнейших людей своего времени, он многое знал, многое видел и еще больше слышал, его ум обнимал большое разнообразие предметов. Если до него русские описания Сибири замыкались только в ее локальных границах, то у Крижанича она получает свое место не только в экономической и политической системе России, но даже всего мира. На первый взгляд «История о Сибири» представляет собой отдельные заметки, сделанные автором для общего ознакомления публики с малоизвестной восточной страной. В действительности, это не так. Всякий, кто внимательно знакомится с его «Политикой», увидит, что главнейшие направления работы о Сибири исходят оттуда и получают конкретное содержание из местных сведений. Вот почему без «Политики» многие черты и даже самый план «Истории о Сибири» будет недостаточно понят: проблематика первой повторяется в последней применительно к Сибири. Сложнее обстоит дело с источниками, на которых основывался Крижанич. В коротком посвящении Горну сам Крижанич говорит о них очень глухо: «Во время моего пребывания там я не заносил на бумагу ничего из нижеследующего. Того,

что до сих пор было описано другими, я также не касаюсь; говорю лишь о том, чего сам был очевидцем и что удержала моя слабая память»[1].

Крижанич совершенно прав, указывая на оригинальность своего сочинения, которое не носит никаких следов заимствования или компиляций, так характерных для писателей того времени. Относительно своих источников он не точен, ибо его сочинения носят следы использования сведений Герберштейна, Олеария, Павла Иовия и других авторов, произведения которых в известной мере должны были оставить след в формировании его взглядов о Сибири. Помимо этого, он обнаруживает сам свидетельство голландцев, на которое он ссылается[2]. Возможно, что это было описание голландского посольства Петра ван-Горна в Китай в 1666—1668 г.[3]

Однако, в главном Крижанич совершенно прав: его основным источником, из которого он черпал свои сведения, были свидетельства очевидцев. Крижанич записывал многое из тех сведений, которые получал. Нет сомнения, что его «слабая память» не удержала бы и десятой доли тех обильных сведений (не говоря уже о цифровых), которые он приводит, особенно если иметь в виду его подорванное годами и ссылкой здоровье. Главным доказательством ведения им записей бесед могут служить свидетельства самого Крижанича в «Политике»[4], которая, не будучи окончательно литературно отделана автором, кое-где носит характер еще сырого фактического материала. Крижанич вел сбор сведений, записывая их, как истинный ученый, с обозначением даты записи, имени и общественного положения

---

[1] *А. Титов,* Сибирь в XVII веке, стр. 161.

[2] См. «История о Сибири», в кн.: *М. П. Алексеев,* Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей, стр. 556.

[3] См. *С. А. Белокуров,* Юрий Крижанич в России, М., 1902, стр. 143.

[4] «Политика» Ю. Крижанича была впервые опубликована П. А. Безсоновым под названием: «Русское государство в половине XVII века. Рукопись времен царя Алексея Михайловича. Открыл и издал П. Безсонов, М., 1859». (В дальнейшем: *П. Безсонов,* Русское государство в половине XVII века, М., 1859).

лица, сообщившего нужную информацию. В «Истории о Сибири» таких ссылок сравнительно немного, и они носят иногда слишком общий характер. Так, Крижанич сообщает, что он «лично видел того, кто первый воздвиг крепость на берегах Лены»[1], беседовал с одним «из главных московских вельмож» Борисом Морозовым о калмыках, «лично видел и беседовал» с основателем города Селенгинска и в течение месяца общался со Спафарием, направлявшимся с посольством в Китай[2]. Гораздо точнее эти ссылки на свидетельства очевидцев в «Политике». Наряду с неопределенными упоминаниями, вроде «поведаша ми некий человек», или «Некий немчин ми поведаша», имеется датированное указание источника: «Года 7172 (1664) ноября 3: лях сужень (ссыльный) поврачен из кузнецов поведаша ми», «А в году том же 7172, ноября в 28 день, поведаша Иван Чукша повернен (возвращенный) из Красного Яра»[3].

Эти несомненно редкие для XVII века научные приемы дополняются умелой критикой источников, проверкой их достоверности, очень важной для Крижанича, основным материалом которого были устные сведения. Именно в отборе и сопоставлении устных источников проявился незаурядный критический талант Крижанича. Отделяя достоверное от недостоверного, он обрушивается на распространителей неверных сведений, в особенности если это были немцы.

Живя в столице Сибири — Тобольске, Крижанич имел возможность общаться с довольно разнообразной публикой: русскими, иностранцами и местными сибирскими жителями, доставлявшими ему сведения разнообразного содержания, книги и даже заграничные газеты[4]. Сюда ссылались немцы, поляки, шведы, литовцы; через город проходили и возвращались землеискатели, чиновные и военные люди, накопившие за время своих странствий массу сведений. Таким обра-

---

[1] *М. П. Алексеев,* Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей, стр. 555.

[2] См. там же, стр. 559, 564.

[3] *П. Безсонов,* Русское государство в половине XVII века, разд. 4 «Об рудах», стр. 58, 59, 60.

[4] См. *С. А. Белокуров,* Юрий Крижанич в России, стр. 113.

зом, недостатка в ценных рассказах Крижанич не должен был испытывать.

Открытым остается вопрос о знакомстве его с русскими письменными источниками по истории Сибири. Можно быть уверенным в том, что сибирские повести остались ему неизвестными, в противном случае Крижанич непременно каким-нибудь образом сослался бы на них. Надо полагать, что ему не пришлось, в отличие от С. У. Ремезова, пользоваться и многочисленными материалами землепроходческих «скасок», хотя достоверно сказать это трудно.

Крижанич подходит к изучению Сибири как ученый и политик. Для него эта страна — часть России, и в качестве таковой он подходит к ней с тою же меркой, прикидывая, какую роль может сыграть Сибирь в составе Русского государства, в росте его производительных сил, развитии ремесел, торговли, сельского хозяйства, а также освобождении от иностранной зависимости. Крижанич нигде не говорит о буржуазии, но объективная значимость его идей, выполнение его программы привело бы Россию и Сибирь на путь буржуазного развития или во всяком случае способствовало бы развитию буржуазии как класса.

В «Политике» Крижанич четко формулирует экономическую роль Сибири в развитии России таким образом: во-первых, в торговле с калмыками и бухарцами, а также китайцами, во-вторых, в пушном промысле, и, в-третьих, в меновой неэквивалентной торговле с местными сибирскими племенами, которая должна дать большие барыши и, в-четвертых, в развитии железорудной промышленности [1].

Правда, этой формулировкой не исчерпывается место, отводимое Крижаничем Сибири, но сама по себе она весьма показательна. Впервые в сибирской, да и вообще в историографии Крижанич поднимает вопрос о развитии производительных сил Сибири.

Отводя географическому фактору большое место в росте материальных богатств и производительных сил

---

[1] См. *П. Безсонов,* Русское государство в половине XVII века, разд. 1 «Об торговству», стр. 16.

страны, Крижанич делит Сибирь на три экономико-географические зоны, или климата (пояса) по его терминологии. Первый климат — северный неблагоприятный для злаков и плодов, но зато изобильный мехами и рыбой [1]. Второй климат — средний, — богат плодородной землей, населен городами и обладает строевым лесом, нужным для построек [2]. Третий климат — степной, где господствуют песчаные и солонцеватые почвы с большим количеством соленых озер и низкой травой [3]. Соответственно этому на севере жители занимаются охотой, рыболовством и оленеводством, в средней полосе — земледелием и в южной — скотоводством.

Таким образом Сибирь в ее современном Крижаничу виде представлялась ему «корыстной» и он считал, что «она может еще быть много корыстнее» [4]. Для этого нужно развить в ней добычу руд, соли, сельское хозяйство и торговлю.

В «Политике» он указывает на эти отрасли экономической деятельности как на единственно полезные и правильные. Настаивая на разработке «руд и копей», Крижанич считал, что эта отрасль деятельности обогащает государство. В «Истории о Сибири» он касается этого вопроса, упоминая о добыче соли на Ямышевском озере и указывая на разработку сибирских руд в рассказе об «обманах ювелиров» — теме, которая его занимала в связи с «ложными способами» увеличения богатства государственной казны [5]. Гораздо больше указаний по этому вопросу содержится в «Политике». Крижанич, разбирая различные известия и мнения, объясняющие причины недостаточно интенсивной разработки недр в Сибири, считает многие из них баснями и отвергает их. Причины, «за что (почему) ся в сем пределе широком царству никаковые руды не проявляют»

---

[1] См. *М. П. Алексеев,* Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей, стр. 556.

[2] См. там же, стр. 556.

[3] См. там же, стр. 557, 558.

[4] *П. Безсонов,* Русское государство в половине XVII века, разд. 1 «Об торговству», стр. 16.

[5] См. *М. П. Алексеев,* Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей, стр. 560, 561—562.

заключаются в «великой нерадивости» и «небрежности» русских людей [1]. В качестве примера Крижанич приводит добычу серебряной руды близ Красноярска и особенно железорудные богатства Кузнецкого района. Крижанич настаивает на необходимости энергичной разработки Кузнецкого железорудного бассейна: «А железо оно есть прежде добро... Отонле (оттуда) бы ся могло добывать железо: что бы доста было всему царству на всяко оружие. Морали беху (должны бы) сибирски урядники при корзенной казне и железа оного многу смету отсылать на Москву. Могли беху и в Сибири ковать сабли, мушкеты, палоши, трезубы, косы, стругачи, куяки (панцири), и всяко оружие, и отовде (отсюда) присылать на Москву» [2].

Крижаничу нельзя отказать в том, что он был весьма дальновиден.

Большое значение Крижанич придает земледелию, самым благодатным поясом которого он считает средний: «Пояс этот, — пишет он, — богат произрастаниями земли и земледелие в нем в высшей степени облегчено: земля вовсе не нуждается в удобрении навозом» [3]. Характерным для Крижанича является подробное описание сельскохозяйственных сибирских орудий: сохи и косы (так называемой горбуши) [4].

Большое место Крижанич отдает торговле в Сибири (как внешней, так и внутренней), без которой он считал невозможным развитие русской экономики. По его мнению, обладание Сибирью важно уж потому, что она сближает Русское государство с Бухарой, калмыками, и особенно с Китаем, позволяя вести выгодную торговлю. Транзитная торговля с Дальним Востоком особенно занимает Крижанича. Это неудивительно, если вспомнить тот жгучий интерес, какой проявили в Европе к Индии и Китаю. Этот интерес, связанный с капиталистическим развитием западноевропейских стран,

---

[1] См. *П. Безсонов,* Русское государство в половине XVII века, разд. 4 «Об рудах», стр. 58.

[2] Там же, стр. 60.

[3] *М. П. Алексеев,* Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей, стр. 556.

[4] См. там же, стр. 556.

был причиной великих географических открытий на западе и востоке. Торговле с Китаем Крижанич посвятил специальное сочинение, отосланное им в Москву и, возможно, в какой-то мере повлиявшее на отправление посольства Спафария [1].

В связи с транзитной дальневосточной торговлей Крижанич, опираясь на данные «воинов Ленской и Нерчинской области» (т. е. на землепроходцев), сообщал, что «Сибирь, Даурия, Никания и Китай (или Сина) с востока омываются одним сплошным океаном.

На вопрос же некоторых: могут ли корабли от гавани св. Михаила Архангела или же от устья реки Оби и от города Березова, плывя беспрерывно около берегов Сибири, Даурии и Никании, приплыть к Китаю, — упомянутые воины отвечали, что в Ледовитом море лед никогда не тает вполне, но в течение всего лета по водам плавают в большом количестве огромные глыбы льда, сталкиваясь между собою; поэтому глыбы эти (особенно при сильном ветре) могут уничтожить какое угодно судно» [2].

Это известие представляет собой первое литературное сообщение о великом Северном морском пути, ставшее известным европейцам. Оно свидетельствует также и о том, что Крижаничу — а с ним вместе и многим другим жителям Сибири — было известно открытие Дежнева [3], хотя имя его и оставалось для них скрытым.

О Северном морском пути Крижанич упоминает и в «Политике», тоже в связи с дальневосточной торговлей России, на этот раз с Индией. Он считает, что китовый промысел чрезвычайно выгоден и выдвигает проблему разведки морей, омывающих Сибирь с севера с тем, чтобы найти путь от Мангазеи в Индию [4].

---

[1] См. *С. А. Белокуров*, Юрий Крижанич в России, стр. 140—141.

[2] *М. П. Алексеев*, Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей, стр. 565.

[3] См. *А. Берг*, Открытие Камчатки и экспедиции Беринга, М.—Л., 1946.

[4] См. *П. Безсонов*, Русское государство в половине XVII века, разд. 3 «Об тежачеству», стр. 56.

Мангазея — правобережье Тазовской губы; город Мангазея служил базой русских экспедиций в Восточную Сибирь. В 1676 году Мангазейский острог перенесен на Турухан.

Крижанич вообще сожалеет о малом количестве торговых пунктов в Сибири и в России. Подобно землепроходцам и Спафарию, он подает советы об основании торговых пунктов в наиболее выгодных для этого местах Сибири. Большую прибыль, по его мнению, мог бы дать, в частности, город (острог), построенный на берегу Иртыша при Соленом озере, где следовало бы устроить центр по скупке кож у калмыков. Кожи, говорит Крижанич, можно было бы экспортировать в Западную Европу по пути через Иртыш на Архангельск[1].

Таким образом, в планах Крижанича предусматривалось втягивание Сибири в мировой торговый оборот, что объективно способствовало бы быстрому развитию буржуазных отношений в Сибири и росту ее значения на рынках Западной Европы и Дальнего Востока. Вместе с тем это потребовало бы и огромных научных усилий в проведывании и открытии путей и богатств Сибири. Эта программа стала выполняться только в половине XVIII в. в результате петровских реформ, когда было приступлено к широко задуманным академическим экспедициям по изучению Сибири.

«История о Сибири» содержит в себе краткий, но крайне интересный в историографическом отношении рассказ о присоединении Сибири, который Крижанич помещает в самое начало повествования, чтобы ввести читателя в курс дела.

Никаких следов использования летописных или вообще письменных источников в упомянутом рассказе нет. По всей вероятности он составлен на основе устных преданий, имевших хождение в Зауралье и, в частности, в Тобольске.

Содержание рассказа о присоединении Сибири совпадает с Кунгурской повестью. Это сходство можно объяснить только одним — единством источника, положенного в основу сведений «Истории о Сибири» и Кунгурской повести. Однако, передавая историю похода Ермака, Крижанич по-своему освещает его, придает ему черты, понять которые можно, исходя опять-таки из

---

[1] См. *П. Безсонов,* Русское государство в половине XVII века, разд. 1 «Об торговству», стр. 14.

положений, провозглашенных в «Политике». Крижанич, пожалуй, единственный, кто рассматривал Ермака, как своеобразного выразителя общественного протеста против тирании царя Ивана Грозного. Будучи ревностным сторонником самодержавия, которое он считал самым совершенным способом правления, Крижанич страстно восставал против «тиранства» и «людодерства» царей [1]. Дело не в том, что царь сам по себе жесток — это Крижанич готов ему простить, — а в жестоком законодательстве. Пример этому Иван Грозный — «царь не токмо бяше лаком и нещаден людодерец, но тоже и лют крут безбожен мясарь (мясник), корволок (кровопийца и мучитель)» [2]. Так вот, «в числе многих бежавших от тирании царя Ивана Васильевича были и такие, которые повсюду промышляли разбоями; между ними был один разбойник именем Ермак. Он грабил путников по реке Волге и ее берегам» [3]. Итак, Ермак, бежавший от тирании царя, — разбойник; так его называют только Кунгурская повесть и народные песни, а остальные же избегают столь определенной квалификации действий Ермака. Это обстоятельство еще раз подтверждает народные источники версий Крижанича.

«История о Сибири» воздает должное фимилии Строгановых, которых она ставит по преимуществам, данным царской властью, выше остальных промышленников, но ниже дворян, ибо «в челобитных к царю грамотах они пишутся не по примеру дворян: «холоп твой», а по примеру мещан и крестьян: «сирота твой»».

Следуя и дальше той же, знакомой по Кунгурской повести версии, Крижанич описывает участие и помощь Строгановых как необходимость, вызванную разбойным окружением. Дальнейший рассказ, однако, значительно разнится от всех других источников: действия казаков рассматриваются не как организованный поход, а систематические набеги на татарское население из укреп-

---

[1] *П. Безсонов,* Русское государство в половине XVII века, разд. 28 «Об крутом владанию и людодерству», стр. 32—41.

[2] Там же, стр. 35.

[3] *М. П. Алексеев,* Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей, стр. 554.

ленного центра на Иртыше, кончавшиеся постоянной удачей благодаря огнестрельному оружию, пока, наконец, не пал Ермак с частью отряда, «осиленный чрезмерной и постоянно возраставшею многочисленностью татар»[1]. Вслед за этим царские войска, прибывшие по просьбе оставшихся казаков, окончательно покорили Сибирь.

Рассказ сам по себе очень беглый; Крижанич почти ничего не может рассказать о действиях дружины Ермака и густо окрашивает их в разбойные тона. Зато он воспроизводит то предание, которое бытовало в Зауралье — об умерщвлении одним из русских военачальников родственника Кучума во время пира[2].

«История» Крижанича дает возможность еще раз взвесить свидетельства исторических источников о степени участия дружины Ермака и Строгановых в присоединении Сибири и отдать предпочтение Кунгурской повести и вообще трактовке народного направления. Кроме того, сочинение Крижанича, получившее распространение за границей, впервые ввело в исторические представления Западной Европы имя Ермака, как первого покорителя Сибири. Как уже упоминалось, распространенное в Европе в XVII в. сочинение голландца Исаака Массы рассказывало о присоединении Сибири без Ермака, как дело исключительно строгановской колонизации восточной страны[3].

Исторические сведения, сообщаемые Крижаничем, касаются также развития взаимоотношений России с Китаем, который постоянно притягивал внимание Крижанича как объект торговых взаимоотношений России (через Сибирь)[4]. Этот повышенный интерес не случаен: еще тогда Крижанич правильно определил большую роль Китая в экономическом и политическом развитии Сибири и Русского государства в целом.

Совершенно по-иному, чем его предшественники, Крижанич относится к местному населению, к сибир-

---

[1] *М. П. Алексеев,* Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей, стр. 555.

[2] См. там же, а также «Сибирские летописи», стр. 155—158.

[3] См. *М. П. Алексеев,* Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей, стр. 256—263.

[4] См. там же, стр. 563—564.

ским народам. Крижанич смотрит на них, задавая себе вопрос о том, какую роль они могут сыграть в экономическом развитии Сибири и всего русского государства? Крижанич ясно представляет себе примитивный быт, общественный строй и идеологию сибирских племен, жизнь которых он описывает, между прочим, в объективно-научном тоне, без всякой попытки произвести сенсационное впечатление на европейского читателя, так характерной для многих иностранных описателей Сибири.

Крижанич отмечает эксплуатацию туземцев представителями царской администрации, которые не только выколачивали ясак с населения, но и вели с ним неэквивалентный торг: «В крае этом (северной Сибири) живет мало москвитян, кроме города Березова, Туруханска и Лены и других; но сюда посылают из городов ближайшего климата стрельцов для сбора царской подати. Эти сборщики задаривают ничтожными подарками бедняков-туземцев и за это, кроме подати, получают от них собольи меха; туземцы же получают от них иголки, крючки, ножи, топоры и проч. Старшины селений (которых называют князьями), кроме того, получают еще крупу для пищи; это угощение в их глазах является яствами сибаритов» [1].

Принципы отношения к местному сибирскому населению Крижанич развивает в «Политике». Здесь он выступает против жестокостей и произвола в отношении к сибирским племенам: «Правда и разум кажет, еще не годится их нам на смерть убиять» [2]. Крижанич далек от того, чтобы отказаться от эксплуатации местного населения: все дело, по его мнению, в способах эксплуатации. Ясак он рассматривает как слишком примитивную, хищническую форму, а поэтому рекомендует торговлю, которая принесет гораздо больше регулярных доходов. В этом отношении он указывает на немцев, которые «отнюдь не подбиша под свою область

---

[1] *М. П. Алексеев,* Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей, стр. 555.

[2] *П. Безсонов,* Русское государство в половине XVII века, разд. 51 «Об ширению господства», стр. 111.

Русские земли, а еднакож ясак выбирают разными хитростями»[1]. Следует сказать, что в тех конкретно-исторических условиях требование Крижанича о замене ясака торговлей было прогрессивным, приводящим к ослаблению внеэкономического принуждения сибирских народов и объективно открывало путь к некоторому их развитию.

Присоединение Сибири Крижанич рассматривает как завоевание, оправдывая его совершенно во вкусе Строгановской повести. По его мнению, Русское правительство вынуждено было направить в Сибирь войска, имея целью прекратить нападения татар и обезопасить себя от постоянной угрозы вторжения.

«Сибирскую землю, — писал Крижанич в «Политике», — царь господарь есть взял праведной ратью: по том что она земля есть была татарскому народу подвержена (подчинена). А татары суть в давних временех русский народ сильно наезджали, и люто изобижали: и зарад того царь господарь есть имал праведну причину супроть татаром»[2].

Вообще же Крижанич — сторонник мирной политики на Севере, Востоке и Западе. Особенно его занимает вопрос об отношениях русских с калмыками, которых он описывает как «многочисленный и воинственный народ»[3]. Мирные отношения с ним необходимы по экономическим причинам: калмыки владеют соляными озерами и являются хозяевами путей, ведущих в Бухару. Интересны и те положения, которые, по мнению Крижанича, оправдывают проникновение русских в калмыцкую землю: они сводятся к тому, что калмыки не ведут разработку соляных промыслов и препятствуют бухарской торговле, а тем самым подрывают благосостояние народов[4]. Впрочем, в «Истории о Сибири» он отмечает, что калмыки стараются жить с

---

[1] *П. Безсонов,* Русское государство в половине XVII века, разд. 1 «Об торговству», стр. 13—14.

[2] Там же, стр. 111.

[3] *М. П. Алексеев,* Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей, стр. 559.

[4] См. *П. Безсонов,* Русское государство в половине XVII века, разд. 51 «Об ширению господства», стр. 111.

русскими «в условиях дружелюбного соседства» и приводит примеры их верности русским интересам [1].

Восточную Азию, и в том числе Сибирь, Крижанич рассматривает как резервуар «темных народов», воинственных племен, волею судеб время от времени готовых обрушиться сокрушительным потоком на Европу, подобно тому, как это было с готами, вандалами, славянами, гуннами, турками и другими народами. Он считает возможным, что таким же племенем станут и калмыки, которые, по его мнению, «размножились в таком количестве, что их едва ли можно перечислить» [2].

Говоря о калмыках, Крижанич показывает далеко зашедший процесс их классового расслоения и впервые в сибирской литературе указывает на наличие рабства в Сибири как распространенного явления. «Москвитяне, — пишет он, — приводят с собою товары всякого рода, калмыки же в обмен предлагают рогатый и вьючный скот, свои сласти и китайский табак; продают также рабов и рабынь — своих свойственников и собственных детей. Если проданные в рабство начинают горевать, то калмыки говорят им: «Ступай, бедняга, и не грусти: тебе будет там лучше — не будешь так голодать, как голодал у нас!» Таким образом, в Сибири нет ни одного человека с какими бы то ни было средствами, который не имел бы одного или более рабов или рабынь из калмыков» [3].

Несколько интересных мыслей по поводу колонизации Сибири Крижанич высказал в «Политике». В русской колонизации Востока он видит аналогию и в известной мере продолжение той политики «высылки народа на посады», какую проводили древние римляне, а затем испанцы. Считая Сибирь выгодным приобретением для России, Крижанич выступает против дальнейшего расширения русских владений на Востоке. Считая, что «Доста и премного уже в Сибири было расширено твое пречестивый царь господство», Крижанич полагал

---

[1] См. *М. П. Алексеев*, Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей, стр. 559.

[2] Там же, стр. 558—559.

[3] Там же, стр. 560.

дальнейшую колонизацию невыгодной, «або кто станет преширокo распростирает руки, ничего не стиснет»[1]. Силу государства и государя Крижанич видит не в расширении границ, а в добром внутреннем его устройстве и развитии. Заселение пустых земель, не имеющих промыслов, не приносит пользы, а только вред: это касается как сибирской, так и украинской колонизации. Поэтому необходимо утвердиться и развить производительные силы и благосостояние уже подчиненных земель Сибири: «И да не засылаем посад на разна места в едно время; но наполнивши первле едно место, и добро укрепивши, потом того ведется посады заводить на другом месту»[2]. Таким образом, Крижанич призывал к развитию русской и сибирской экономики вглубь, по пути поднятия производительных сил страны и выступал против ее развития вширь, по пути присоединения новых земель и подчинения новых народов. Ратуя за интенсивный (буржуазный) путь развития Сибири, Крижанич не мог учесть характера русского хозяйства, шедшего в основном по пути экстенсивного (феодального) развития.

Другой причиной, заставившей Крижанича выступить против расширения сибирских пределов, была его ненависть к иностранцам — немцам. Он полагал, что политика России не должна обращаться на Восток, опасался, что Сибирь и Китай займут все внимание русского правительства и создадут благоприятную почву для окончательного господства иностранцев: «дабы народ русский глупо пошел Китая добывать: а Русское кралество да беху обладали татары и немцы»[3].

Передовые идеи Крижанича дали ему возможность перешагнуть одной ногой за черту своего времени, но зато другой он остался в пределах XVII столетия. Намного опередив своих современников, Крижанич не смог на том же уровне дать объяснение причин развития общества в целом и оставался в плену феодальной идеологии. Самым показательным в этом отношении

---

[1] *П. Безсонов,* Русское государство в половине XVII века, разд. 51 «Об ширении господства», стр. 122.

[2] Там же.

[3] Там же.

является его сочинение «О промысле»[1]. Здесь он выступает как типичный провиденциалист. Рассматривая причины побед и поражений на войне, он приходит к трафаретно-богословскому выводу о том, что они объясняются волей провидения, — точь-в-точь, как это подается в сибирских повестях и в «Истории Сибирской» С. У. Ремезова. Вообще в объяснении общей причинности Крижанич проявляет поразительную слепоту: его сознание как бы совершенно затемняется богословием, острота мысли теряется, и он начинает вытаскивать одну за другой обветшавшие трафаретные формулы церкви.

Мало того. Неоднократно выступая против суеверий, которые он считал величайшим грехом, Крижанич сам был в высшей степени суеверным. На протяжении короткого рассказа «История о Сибири» он несколько раз обнаруживает это, наивно веря, что тот, кто обращался к волшебству сибирских шаманов «во все последующее время не бывал весел и оканчивал жизнь каким-нибудь несчастным случаем», а также в возможность добычи драгоценных металлов с помощью колдовства и т. д.[2] Таким образом, для Крижанича тоже остается типичной двойственность мировоззрения XVII в., которая под оболочкой старой феодальной идеологии вынашивала новые идеи, основанные на данных опыта и разума.

Крижанич занимает важное место в развитии сибирской историографии XVII в. Он дал первое краткое, но исчерпывающее энциклопедическое описание Сибири, указал ее место в экономической системе России и всей Азии, наметил ее будущее и определил направление русской политики на Востоке. В этом смысле можно сказать, что Крижанич предсказал программу петровских реформ не только для России, но и для Сибири, а своим описанием последней предварил отчеты академических экспедиций половины XVIII в.

---

[1] См. *Ю. Крижанич,* О промысле. Сведения об открытой рукописи П. Безсонова, М., 1860.

[2] См. *М. П. Алексеев,* Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей, стр. 556, 562.

«История о Сибири» Крижанича получила известность за границей еще в XVII в. Особенно широко это сочинение было использовано в книге Николая Витзена «О северной и восточной Татарии» (1692), представлявшей собою компиляцию из русских источников [1].

Само появление сочинения Крижанича о Сибири свидетельствовало о растущем экономическом и политическом значении этой территории и о тех новых международных отношениях, которые сложились в результате расширения России на Восток. Идеи, выраженные Крижаничем в его «Истории о Сибири», перешли в XVIII в. и частично осуществились в петровских реформах.

---

[1] См. «Известия о Крижаниче и Сибири у Витзена», в кн. *С. А. Белокуров*, Юрий Крижанич в России, Приложение II, стр. 19—27.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Глава I. **Присоединение Сибири в дореволюционной русской и советской историографии** (поход Ермака и Сибирские исторические повести) 7

Глава II. **Некоторые вопросы истории первоначального изучения Сибири** 63
1. Открытие и присоединение Сибири . . . . . —
2. «Отписки» и «скаски» землепроходцев как исходная основа сибирской историографии . . 75

Глава III. **Народные воззрения** 89
1. Кунгурская повесть 90
2. «Описание новые земли Сибирского государства» 98

Глава IV. **Официальное направление** 105
1. Исторические повести первой половины XVII в. (Есиповская и Строгановская) 107
2. Писатели второй половины XVII в. 135
«Путешествие» Н. Г. Спафария-Милеску . . 136
С. У. Ремезов — первый историк Сибири . . 152

Глава V. **Зарождение буржуазных идей. Юрий Крижанич** 165

Мирзоев Владимир Григорьевич

ПРИСОЕДИНЕНИЕ И ОСВОЕНИЕ СИБИРИ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVII ВЕКА

Редактор *С. Моручков*

Мл. редактор *Л. Будакова*

Художник *М. Шлосбер*

Художественный редактор *Н. Илларионова*

Технический редактор *С. Шикин*

Корректоры *Л. Чигина* и *Ю. Железнова*

Сдано в набор 13/VII 1960 г. Подписано в печать 26/XI 1960 г. Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Бумажных листов 2,94. Печатных листов 9,63. Учетно-издательских листов 9,43. Тираж 3500 экз. А 09750.

Цена 5 р. 70 к.

С 1/I 1961 г. цена 57 коп.

Заказ № 1515

Издательство социально-экономической литературы
Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Типография № 5 УПП Ленсовнархоза
Ленинград, Красная ул., 1/3